

МОИ БЕЗДѢЛКИ.

ЧАСТЬ I.

Of old, those met rewards, who could
excell,
And such were prais'd, who but en-
deavour'd well.
Tho' triumphs were to gen'ral's only
due,
Crowns were reserv'd to grace the sol-
diers too.

Pope, Essay on Criticism.

Издание второе.

МОСКВА,
ВЪ Университетской Типографіи,
у Ридигера и Клаудія.
1797.

О Д О Б Р Е Н І Е.

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господѣ Курашоровѣ я читалѣ сію книгу, подѣ заглавіемѣ: *Мои Бездѣлки, Часть I*, и не нашелѣ въ ней ничего противнаго наставленію, данному миѣ о размашиваніи печатаемыхѣ въ Университетской Типографіи книгѣ, почему она и напечатана быть можетъ Логики и Метафизики Профессорѣ и печатаемыхѣ въ Университетской Типографіи книгѣ Цензорѣ

Андрей Брянцевѣ

1794

года.

ОТЪ СОЧИНТЕЛЯ.

Нѣкоторые изъ моихъ пріятелей и Господа Содержатели Университетской Типографіи желали, чтобы я выдалъ особливо свои бездѣлки, напечатанныя въ Московскомъ Журналѣ: исполняя ихъ желаніе.

Николай Карамзинъ.

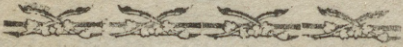

Р. S.

Смыслъ Англійскаго
Эпиграфа.

„Въ древнія времена на-
„граждалось не только пре-
„восходное искусство, но и
„похвальное стараніе. Три-
„умфы были для полко-
„водцевъ, лавровые вѣнки
„для простыхъ воиновъ.“

МОИ БЕЗДѢЛКИ.

ЧАСТЬ I.

БѢДНАЯ ЛИЗА.

Можетъ быть никто изъ живущихъ въ Москвѣ не знаетъ такъ хорошо окрестностей города сего, какъ я: потому что никто чаще моего не бываетъ въ полѣ; никто болѣе моего не бродитъ пѣшкомъ, безъ плана, безъ цѣли — куда глаза глядятъ — по лугамъ и рощамъ, по холмамъ и равнинамъ. Всякое лѣто нахожу я новыя пріятныя мѣста, или въ старыхъ новыя красоты.

Но всего пріятнѣе для меня то мѣсто, на которомъ возвышаются мрачныя, готическія башни Си*нова монастыря. Сюда на сей

часть I.

горѣ, видишь на правой сторонѣ
почти всю Москву, сію ужасную
громаду домовъ и церквей, копо-
рая предспавляется глазамъ въ
образѣ величественнаго амфитеатра:
великолѣпная картина, особенно
когда свѣтитъ на нее солнце;
когда вечерніе лучи его пылаютъ
на безчисленныхъ златыхъ купо-
лахъ, на безчисленныхъ крестахъ,
къ небу возносящихся! Внизу раз-
стилающіяся тучные, густозеленые,
цвѣтущіе луга; а за ними, по жел-
тымъ пескамъ, течетъ свѣтлая
рѣка, волнуемая легкими веслами
рыбачьихъ лодокъ, или шумящая
подъ рулемъ грузныхъ спруговъ,
копорые плывутъ они плодоно-
сѣйшихъ спранъ Россійской Импе-
ріи и надѣляютъ алчную Москву
хлѣбомъ. На другой сторонѣ рѣки
видна дубовая роща, подлѣ копо-
рой пасутся многочисленные стада;

намъ молодые паспухи, сидя подъ
тѣнью деревъ, поютъ простыя,
унылыя пѣсни, и сокращаютъ
тѣмъ лѣтніе дни, столь для нихъ
единообразные. Подалѣе, въ густой
зелени древнихъ вязовъ, блискаетъ
злапоглавый Да*ловъ монашырѣ;
еще далѣе, почти на краю горизон-
та, синѣются Воробьевыя горы. На
лѣвой же сторонѣ видны обшир-
ныя, хлѣбомъ покрытыя поля,
лѣсочки, три или четыре деревень-
ки, и вдали село Коломенское съ
высокимъ Дворцомъ своимъ.

Часто прихожу я на сіе мѣ-
сто, и почти всегда встрѣчаю тамъ
весну; шуда же прихожу и въ мрач-
ные дни осени, горевашь вмѣстѣ съ
Природою. Спрашно воютъ въиры
въ снѣгахъ опустѣвшаго монашы-
ря, между гробовъ, заросшихъ
высокою травою, и въ темныхъ
переходахъ келлій. Тамъ, опер-

ишсь на развалины гробныхъ камней, внимаю глухому стону времени, бездною минувшаго поглощенныхъ — стону, отъ котораго сердце мое содрогается и прене-
шетъ. Иногда вхожу я въ кельи, и представляю себѣ тѣхъ, ко-
торыя въ нихъ жили — печальныя картины! Здѣсь вижу сѣдаго старца, преклоняющаго колѣна свои передъ Распятіемъ, и молящагося о скорѣмъ разрѣшеніи земныхъ оковъ своихъ; ибо всѣ удовольствія исчезли для него въ жизни, всѣ чувства его умерли, кромѣ чувства болѣзни и слабости. Тамъ юный монахъ — съ блѣднымъ лицомъ, съ томнымъ взоромъ — смотритъ въ поле сквозь решетку окна своего, видитъ веселыхъ птичекъ, свободно плавающихъ въ морѣ воздуха — видитъ, и проливаетъ горькія слезы. Онъ поминся,

вѣнцѣ, сохнѣнѣ — и унылой
звонѣ колокола возвѣщаетъ
мнѣ безвременную смерть его. —
Иногда на вратахъ храма разсма-
триваю изображеніе чудесъ, въ
семъ монастырѣ случившихся —
тамъ рыбы падаютъ съ неба для
насыщенія жителей монастыря,
осажденнаго многочисленными вра-
гами; шущъ образъ Богоматери
обращаетъ непріятелей въ бѣгство.
Все сіе обновляетъ въ моей памя-
ти исторію нашего опеченства —
печальную исторію тѣхъ временъ,
когда свирѣпыя Татары и Литовцы
огнемъ и мечемъ опустошали
окрестности Россійской столицы, и
когда несчастная Москва, какъ без-
защитная вдовица, отъ одного Бо-
га ожидала помощи въ лютыхъ
своихъ бѣдствіяхъ.

Но всего чаще привлекаетъ
меня къ спѣнамъ Си*нова мона-

спыря — воспоминаніе о плачевной судьбѣ Лизы, бѣдной Лизы. Ах! я люблю шѣ предметы, копорые прогаюшѣ мое сердце и заспаваляюшѣ меня проливаншѣ слезы нѣжной скорби!

Саженьяхѣ въ семидесяти отѣ монастырской спѣны, подлѣ березовой рошцы, среди зеленого луга, стоишѣ пустая хижина, безѣ дверей, безѣ окончинѣ, безѣ полу; кровля давно сгнила и обвалилась. Въ сей хижинѣ, лѣшѣ за шридцащѣ передѣ симѣ, жила прекрасная, любезная Лиза съ снорушкою, мащераю своею.

Отецѣ Лизинѣ былѣ довольно зажиточной поселянинѣ, пошому что онѣ любилѣ работу, пахалѣ хорошо землю и велѣ всегда презвую жизнь. Но скоро по смерти его жена и дочь обѣдняли. Лѣнивая рука наемника худо обрабатывала

поле, и хлѣбъ пересталъ хорошо
родиться. Онѣ принуждены были
опдаться свою землю въ наемъ, и
за весьма небольшія деньги. Къ
тому же бѣдная вдова, почти
безпрестанно проливая слезы о
смерти мужа своего — ибо и
крестьянки любятъ умѣютъ! —
день ото дня становилась слабѣе,
и совсѣмъ не могла работать. Одна
Лиза, — которая осталась послѣ
опиды пшнадцати лѣтъ — одна
Лиза, не щадя своей нѣжной моло-
доси, не щадя рѣдкой красоны сво-
ей, прудилась день и ночь — шкала
холсты, вязала чулки, весною рва-
ла цвѣты, а лѣтомъ брала ягоды —
и все сіе продавала въ Москвѣ. Чув-
ствительная, добрая старушка,
видя неутомимостъ дочери, часто
прижимала ее къ слабо-бѣющему-
ся сердцу своему, называла Божескою
милосцію, кормилицею, оправдою

старости своей, и молила Бога, чтобы Онъ наградилъ ее за все то, что она дѣлаетъ для матери. „Богъ далъ мнѣ руки, чтобы работать, говорила Лиза: ты кормила меня своею грудью и ходила за мною, когда я была ребенкомъ: теперь пришла моя очередь ходить за тобою. Перестань только крушиться, перестань плакать; слезы наши не оживятъ бабюшки.“ Но часно нѣжная Лиза не могла удерживать собственныхъ слезъ своихъ — ахъ! она помнила, что у нее былъ отецъ, и что его не спало; но для успокоенія матери старалась спавъ печаль сердца своего, и казавъ покойною и веселою. — „Напомъ свѣтъ, любезная Лиза! (отвѣчала горестная старушка) на томъ свѣтѣ перестану я плакать. Тамъ, сказываютъ, будутъ всѣ веселы; я вѣрно весела буду, когда увижу отъ-

на твоего. Только теперь не хочу умереть — что съ тобою безъ меня будешь? На кого тебя покинушь? Нѣтъ, дай Богъ прежде приспороить тебя къ мѣсту! Можешь быть скоро сыщется доброй человѣкъ. Тогда, благословя васъ, милыхъ дѣтей моихъ, перекрещусь, и спокойно лягу въ сырую землю. “

Прошло года два послѣ смерти отца Лизина. Луга покрылись цвѣтами, и Лиза пришла въ Москву съ букетомъ ландышей. Молодой, хорошо одѣтой человѣкъ, пріятнаго вида, встрѣтился ей на улицѣ. Она показала ему букетъ цвѣтовъ — и покраснѣлась. Ты продаешь его, дѣвушка? спросилъ онъ съ улыбкою. Продаю, отвѣчала она. — „А что тебѣ за него надобно? „ — Пяць копеекъ. — „Это слишкомъ дешево. Вошь тебѣ рубль. „ — Лиза уди-

вилась, осмѣлилась взглянуть на молодого человека, — еще болѣе за-
краснѣлась, и пошупивъ глаза въ
землю, сказала ему, что она не воз-
мешъ рубля. — „Для чего же?“, —
Мнѣ не надобно лишняго. — „Я
думаю, что букетъ прекрасныхъ
ландышей, сорванныхъ руками пре-
красной дѣвушки, стоить не ме-
нѣе рубля. Когда же ты не берешь
его, возмъ тебѣ пять копѣекъ. Я
хотѣлъ бы всегда покупать у тебя
цвѣты; хотѣлъ бы, чтобы ты рва-
ла ихъ только для меня.“ — Лиза
опыдала букетъ, взяла пять ко-
пѣекъ, поклонилась и хотѣла иш-
ти; но незнакомецъ останоуилъ ее
за руку. — „Куда же ты пойдешь,
дѣвушка?“ — *Домой.* — „А гдѣ
домъ твой?“ — Лиза сказала, гдѣ
она живетъ; сказала и пошла. Моло-
дой человекъ не хотѣлъ удерживать
ее, можетъ быть для того, что

мимоходящіе начали останавли-
ваться, и смотря на нихъ, ковар-
но усмѣхались.

Лиза, пришедши домой, раз-
сказала матери, что съ нею слу-
чилось. „Ты хорошо сдѣлала, что не
взяла рубля. Можетъбынь это былъ
какой нибудь дурной человѣкъ“
*Ахъ нѣтъ, матушка! я этого не
думаю. У него такое доброе ли-
це, такой голосъ — —* „Однако жъ,
Лиза, лучше кормишься трудами
своими, и ничего не брашь даромъ.
Ты еще не знаешь, другъ мой, какъ
злые люди могутъ обидѣть бѣд-
ную дѣвушку! У меня всегда серд-
це бываетъ не на своемъ мѣстѣ,
когда ты ходишь въ городъ; я
всегда спавляю свѣчу передъ об-
разъ, и молю Господа Бога, что-
бы Онъ сохранилъ тебя отъ всякой
бѣды и напасши.“ — У Лизы навер-

нулись на глазахъ слезы; она поцѣловала мать свою.

На другой день нарвала Лиза самыхъ лучшихъ ландышей, и опять пошла съ ними въ городъ. Глаза ея тихонько чего-то искали. Многіе хотѣли у нее купить букетъ; но она отвѣчала, что онъ не продажной, и смотрѣла то въ ту, то въ другую сторону. Наступилъ вечеръ; надлежало возвратиться домой, и букетъ цвѣтовъ былъ брошенъ въ Москву рѣку. *Никто не владѣй тобою!* сказала Лиза, чувствуя какую-то грусть въ сердцѣ своемъ. — На другой день ввечеру сидѣла она подъ окномъ, прядла, и тихимъ голосомъ пѣла жалобныя пѣсни; но вдругъ вскочила и закричала: *ахъ!* . . . Молодой незнакомецъ стоялъ подъ окномъ.

Что съ тобой сдѣлалось? спросила испугавшаяся мать, которая подлѣ нее сидѣла. Ничего, ма-тушка, [опшвѣчала Лиза робкимъ голосомъ: я только его увидѣ-ла. — „Кого?“ — Того господина, которой купилъ у меня цѣбты. Спаруха выглянула въ окно. Молодой человекъ поклонился ей такъ учтиво, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что она не могла подумать объ немъ ничего, кромѣ хорошаго. Здравствуй, добрая старушка! сказалъ онъ. Я очень усталъ: нѣтъ ли у тебя себѣ-жаго молока? Услужливая Лиза, не дождавшись опшвѣна онъ матери своей — можетъ быть для того, что она знала его напередъ — побѣжала на погребъ — принесла чистую кринку, покрытую чистымъ деревяннымъ кружкомъ —

Часть I.

Б

схватила спаканъ, вымыла, вытерла его бѣлымъ полотенцомъ, налила и подала въ окно, но сама сморгнула въ землю. Незнакомецъ выпилъ — и нектаръ изъ рукъ Гебы не могъ бы показаться ему вкуснѣе. Всякой догадается, что онъ послѣ того благодарилъ Лизу, и благодарилъ не только словами, сколько взорами. Между тѣмъ добродушная старушка успѣла рассказать ему о своемъ горѣ и утѣшеніи — о смерти мужа и о милыхъ свойствахъ дочери своей, объ ея трудолюбіи и нѣжности, и проч. и проч. Онъ слушалъ ее со вниманіемъ; но глаза его были — нужно ли сказывать, гдѣ? И Лиза, робкая Лиза посматривала изрѣдка на молодаго человека; но не такъ скоро молнія блеснула и въ облакѣ исчезаетъ, какъ быстро голубые глаза ее обра-

шались къ землѣ, вспрѣчаясь съ
 его взоромъ. — „Мнѣ хотѣлось бы,
 сказалъ онъ матери, чтобы дочь
 швоя никому, кромѣ меня, не про-
 давала своей работы. Такимъ об-
 разомъ ей не за чѣмъ будешь ча-
 сню ходишь въ городъ, и ты не
 принуждена будешь съ нею раз-
 славашься. Я самъ по временамъ
 могу заходишь къ вамъ.“ — — —
 Тутъ въ глазахъ Лизиныхъ блес-
 нула радость, кошорую она шщепно
 сокрышь хотѣла; щеки ея нылали
 какъ заря въ ясный, лѣтній ве-
 черъ; она смотрѣла на лѣвой ру-
 кавъ свой, и шипала его правою
 рукою. Спарушка съ охотою при-
 няла сіе предложеніе, не подозрѣ-
 вая въ немъ никакого дурнаго на-
 мѣренія, и увѣряла незнакомца,
 что полошно, вышканное Лизой,
 и чулки, вывязанные Лизой, бы-

вають опмѣнно хороши, и несяп-
ся долѣе всякихъ другихъ. —
Спановилось темно, и молодой че-
ловѣкъ хопѣлъ уже иппи. „Да
какъ же намъ называешь тебя, доб-
рой, ласковой баринъ? спросила спа-
руха. „Меня зовутъ Эрастомъ“ —
опвѣчалъ онъ. *Эрастомъ!* сказа-
ла пихонько Лиза — *Эрастомъ!*
Она разъ пять повшорила сѣе имя,
какъ будто бы спараясь зашвер-
дить его. — Эрастъ проспилося съ
ними до свиданія, и пошелъ. Лиза
проводжала его глазами, а мать си-
дѣла въ задумчивости, и взявъ
за руку дочь свою, сказала ей:
„Ахъ! какъ онъ хорошъ и
добръ! Есшѣли бы женихъ твой
былъ таковъ!“ Все Лизино сердце
запрепепало. *Матушка! матуш-
ка! какъ этому статься? Онъ
баринъ, а между крестьяна-*

ми — — Лиза не договорила рѣчи своей.

Теперь чиншпель долженъ знать, что сей молодой человекъ, сей Эраспъ былъ довольно богашой дворянинъ, съ изряднымъ разумомъ и добрымъ сердцемъ, добрымъ опъ природы, но слабымъ и вѣтренымъ. Онъ велъ разсѣянную жизнь, думалъ только о своемъ удовольствіи, искалъ его въ свѣпскихъ забавахъ, но часто не нахо илъ, скучалъ и жаловался на судьбу свою. Красота Лизы при первой встрѣчѣ сдѣлала впечатлѣніе въ его сердце. Онъ чиншивалъ романы, идилліи; имѣлъ довольно живое воображеніе, и часто переселялся мысленно въ тѣ времена, (бывшія, или не бывшія) въ которыя, по описанію Поэповъ, все люди безнечю гуляли по лугамъ,

купались въ чистыхъ источни-
кахъ, цѣловались какъ горлицы,
ошдыхали подъ розами и мирша-
ми, и въ щасливой праздности
всѣ дни свои провождали. Ему ка-
залось, что онъ нашелъ въ Лизѣ
то, чего сердце его давно искало.
„Нашура призываетъ меня въ свои
объятія, къ чистымъ своимъ ра-
достямъ“ — думалъ онъ, и рѣ-
шился — по крайней мѣрѣ на вре-
мя — ославить большой свѣтъ.

Обратимся къ Лизѣ. Нашу-
пила ночь — мать благословила
дочь свою, и пожелала ей крошкато
сна; но на сей разъ желаніе ея не
исполнилось: — Лиза спала очень
худо. Новой гость души ея, образъ
Эрасмовъ, столь живо ей пред-
ставлялся, что она почти всякую
минуточку просыпалась, просыпалась
и вздыхала. — Еще до восхожде-
нія солнечнаго Лиза вскала, сошла

на берегѢ Москвы рѣки, сѣла на
справѢ, и подгорюнившись смопрѣ-
ла на бѣлые шуманы, кошорые вол-
новались въ воздухѢ, и подымаясь
вверхѢ, оставляли блестящія кап-
ли на зеленомѢ покровѢ Нашуры.
ВездѢ царствовала тишина. Но ско-
ро восходящее свѣтило день пробудило
все твореніе: рощи, кусточки
оживились; пшички вспорхнули и
запѣли; цвѣты подняли свои голов-
ки, чшобы напишаться животвор-
ными лучами свѣта. Но Лиза все
еще сидѣла подгорюнившись. АхѢ,
Лиза, Лиза! что съ тобою сдѣла-
лось? До сего времени, просыпаясь
вмѣстѢ съ пшичками, ты вмѣстѢ
съ ними веселилась упромѢ, и чи-
стая, радостная душа свѣтилась
въ глазахѢ твоихѢ, подобно какѢ
солнце свѣтилось въ капляхѢ росы
небесной; но теперь ты задумчи-
ва, и общая радость Природы чужда

да швоему сердцу. — Между тѣмъ молодой паспухъ по берегу рѣки гналъ свое стадо, играя на свирѣли. Лиза устремила на него взоръ свой и думала: „Естьли бы тошъ, „кто занимаешъ теперъ мысли мои, „рожденъ былъ простымъ крестъ- „яниномъ, паспухомъ, — и есть- „ли бы онъ теперъ мимо меня гналъ „стадо свое: ахъ! я поклонилась „бы ему съ улыбкою, и сказала бы „привѣтливо: *Здравствуй, лю- „безной пастушокъ! куда го- „нишь ты стадо свое? И здѣсь „растетъ зеленая трава для овецъ „твоихъ; и здѣсь албютъ цѣтты, „изъ которыхъ можно сплести „еѣнокъ для шляпы твоей.* Онъ „взглянулъ бы на меня съ видомъ „ласковымъ — взялъ бы, можешъ „быть, руку мою Мечша! „мечша!“ — Паспухъ, играя на свирѣли, прошелъ мимо и съ

теснымъ спадомъ своимъ скрылся за ближній холмъ.

Вдругъ Лиза услышала шумъ веселъ — взглянула на рѣку и увидѣла лодку, а въ лодкѣ — Эраспа.

Всѣ жилки въ ней забились, и конечно неопѣспраха. Она вспала, жопѣла иппи, но не могла. Эраспѣвыскочилъ на берегъ, подошелъ къ Лизѣ и — мечта ея опчаспи исполнилась; ибо онѣвзглянулъ на нее съ видомъ ласковымъ, взялъ ее за руку.... А Лиза, Лиза спояла съ пошупленнымъ взоромъ, съ огненными щеками, съ шрепещущимъ сердцемъ — не могла опняшь у него руки — не могла опворошиться, когда онѣприблизился къ ней съ розовыми губами своими... ахъ! онѣподѣловалъ ее, подѣловалъ съ! такимъ жаромъ, что вся вселенная показалась ей въ огнѣ горящую! Милая Лиза! сказалъ Эраспѣ,

Часть I.

В

милая Лиза! я люблю тебя! и сїи слова опозвались во глубинѣ души ея, какъ небесная, восхитительная музыка; она едва смѣла вѣришь ушамъ своимъ и . . . Но я бросаю кисль. Скажу только, что въ сїю минушу воспорга исчезла Лизина робость. — Эрастъ узналъ, что онъ любимъ, любимъ спраспно новымъ, чистымъ, открытымъ сердцемъ.

Они сидѣли на правѣ, и такъ, что между ими оставалось не много мѣста — смотрѣли другъ другу въ глаза — говорили другъ другу: *люби меня!* и два часа показались имъ мигомъ. Наконецъ Лиза вспомнила, что мать ея можетъ объ ней беспокоиться. Надлежало разспаться. *Ахъ, Эрастъ!* сказала она: *всегда ли ты будешь любить меня?* „Всегда, милая Лиза, всегда!“ отвѣчалъ онъ. — *и ты*

можешь мнѣ дать въ этомъ
клятву? — „Могу, любезная,
могу!“ — *Нѣтъ!* мнѣ не надобно
клятвы. Я вѣрю тебѣ,
эрасть, вѣрю. Неужели ты об-
манешь бѣдную Лизу? вѣтъ это-
му не лъзя быть? — „Не лъзя,
не лъзя, милая Лиза!“ — Какъ ж-
щастлива! и какъ обрадуется ма-
тушка, когда узнаетъ, что ты
меня любишь! „Ахъ нѣтъ, Ли-
за! ей не надобно ничего связы-
вать.“ — *Для чего же?* — „Спа-
рые люди мѣшаютъ подозритель-
ны. Она вообразитъ себѣ что ни-
будь худое. — Не лъзя статься. —
„Однакожь прошу тебя не говоришь
ей объ этомъ ни слова“ — Хорошо,
надобно тебя послушаться, хотя
мнѣ не хотѣлось бы ничего тайтъ отъ
нее — Они простились, поцѣлова-
лись въ послѣдній разъ, и общались
всякой день въ вечеру видѣться, или

на берегу рѣки, или въ березовой
рощѣ, или гдѣ нибудь близъ Ли-
зиной хижины, только вѣрно, не-
прѣмѣнно видѣнься. Лиза пошла,
но глаза ея сно разѣ обращались
на Эрасма, которой все еще стоялъ
на берегу и смотрѣлъ въ слѣдъ
за нею.

Лиза возвратилась въ хижину
свою совсѣмъ не въ такомъ распо-
ложеніи, въ какомъ изъ нее вышла.
На лицѣ и во всѣхъ ея движеніяхъ
обнаруживалась сердечная радость.
Онъ меня любитъ! думала она,
и восхищалась сею мыслію. „Ахъ
матушка!“ сказала Лиза матери
своей, которая лишь только про-
снулась: „ахъ матушка! какое пре-
,,красное утро! Какъ все весело въ
,,полѣ! Никогда жаворонки такъ
,,хорошо не пѣвали; никогда солнце
,,такъ свѣтло не сіяло; никогда
,,цвѣты такъ пріятно не пахли!“ —

Старушка, подпираясь клюкою, вы-
 шла на лугъ, чшобы насладишья
 ушромъ, которое Лиза такими
 прелесными красками описывала.
 Оно въ самомъ дѣлѣ показалось ей
 опшѣнно прїятнымъ, любезная дочь
 ея весельемъ своимъ развеселяла
 для нее всю Натуру. „Ахъ Лиза!“
 говорила она: „какъ все хорошо у
 „ Господа Бога! Шестой десятокъ
 „ доживаю на свѣшѣ, а все еще
 „ не могу наглядѣшья на дѣла Го-
 „ сподни; не могу наглядѣшья на
 „ чистое небо, похожее на высокой
 „ шатеръ, и на землю, которая вся-
 „ кой годъ новою правою и новыми
 „ цвѣтами покрывается. Надобно,
 „ чшобы Царь небесной очень
 „ любилъ человека, когда Онъ такъ
 „ хорошо убралъ для него здѣшній
 „ свѣшѣ. Ахъ Лиза! кто бы захо-
 „ шилъ умереть, ешьяли бы ино-
 „ гда не было намъ горя? . . Видно

„шакъ надобно. Можетъ быть,
„мы забыли бы душу свою, еспыли
„бы изъ глазъ нашихъ никогда
„слезы не капали.“ А Лиза думала:
*ажъ! я скорѣ забуду душу свою,
нежели милаго моего друга!*

Послѣ сего Эрасмъ и Лиза, бо-
ясь не сдержашъ слова своего, всякой
вечеръ видѣлись (погда, какъ Ли-
зина мать ложилась спать) или
на берегу рѣки, или въ березовой
рошѣ, но всего чаще подъ тѣнью
спелѣвшихъ дубовъ (саженяхъ въ
осьмидесяти отъ хижины) — ду-
бовъ, осѣняющихъ глубокой, чи-
стой прудъ, еще въ древнѣя вре-
мена ископанной. Тамъ часто пи-
хая луна, сквозь зеленяя вѣтви,
посребряла лучами своими бѣлые
Лизины волосы, копорыми играли
зефиры и рука милаго друга; ча-
сто лучи сіи освѣщали въ глазахъ
нѣжной Лизы блестящую слезу

любовь, осушаемую всегда Эрасповымъ поцѣлуемъ. Они обнимались—но цѣломудренная, стыдливая Циншя не сокрывалась отъ нихъ за облако: чисты и непорочны были ихъ объятія. „Когда ты, говори—
„ла Лиза Эраспу, когда ты ска—
„жешь мнѣ: *я люблю тебя, другъ*
„*мой!* когда прижмешь меня къ
„своему сердцу, и взглянешь на
„меня умильными своими глазами:
„ахъ! тогда бываетъ мнѣ такъ
„хорошо, такъ хорошо, что я себя
„забываю, забываю все, — кромѣ
„Эраспа. Чудно, чудно, мой другъ!
„что я, не знаяши тебя, могла
„жить спокойно и весело! Теперь мнѣ
„это не понятно; тепе я думаю,
„что безъ тебя жизнь не жизнь,
„а грусть и скука. Безъ глазъ твоихъ
„теменъ свѣтлой мѣсяцъ;
„безъ твоего голоса скученъ соло—
„вей поющій; безъ твоего дыханія

„вѣперокъ мнѣ не пріятенъ“ —
 Эрасмъ восхищался своею паспун-
 кой — такъ называлъ онъ Лизу —
 и видя, сколь она любитъ его, ка-
 зался самъ себѣ любезнѣе. Всѣ бле-
 сшійя забавы большого свѣта пред-
 ставлялись ему ничтожными въ
 сравненіи съ нѣми удовольствіями,
 которыми *страстная* дружба не-
 винной души питала сердце его. Съ
 отвращеніемъ помышлялъ онъ о
 презрительномъ сластопраснѣи, ко-
 торымъ прежде упивался его чув-
 ства. „Я буду жить съ Лизою какъ
 „брати съ сестрою (думалъ онъ); не
 „употреблю во зло любви ея, и буду
 „всегда счастливъ!“ — Безразсуд-
 ной, молодой человекъ! знаешь ли ты
 свое сердце? Всегда ли можешь о пѣ-
 чать за свои движенія? Всегда ли
 разсудокъ есть царь чувствъ
 твоихъ?

Лиза требовала, чтобы Эрасмъ часто посѣщалъ мать ея. „Я люблю ее, говорила она, и хочу ей добра; а мнѣ кажется, что видѣть неба есть великое благо и лучше для всякаго.“ — Сударыня въ самомъ дѣлѣ всегда радовалась, когда его видѣла. Она любила говорить съ нимъ о покойномъ мужѣ, и рассказывать ему о дняхъ своей молодости: о томъ, какъ она въ первой разѣ встрѣтилась съ милымъ своимъ Иваномъ, какъ онъ полюбилъ ее, и въ какой любви, въ какомъ согласіи жилъ съ нею. „Ахъ! мы никогда не могли другъ на друга наглядѣться, — до самого того часа, какъ дурная смерть подкосила ноги его. Онъ умеръ на рукахъ моихъ!“ — Эрасмъ слушалъ ее съ непримѣннымъ удовольствіемъ. Онъ покупалъ у нее Лизину работу, и хотѣлъ всегда платишь въ десять разъ дороже

назначаемой ею цѣны; но спарушка никогда не брала лишняго.

Такимъ образомъ прошло нѣсколь-
ко недѣль. Однажды ввечеру Эраспъ
долго ждалъ своей Лизы. Наконецъ
пришла она, но такъ невесела,
что онъ испугался; глаза ея ошъ
слезъ покраснѣли. *Лиза, Лиза!*
что съ тобою случилось? —
„Ахъ Эраспъ! я плакала!“ — О
чемъ? что такое? — „Я должна
сказать тебѣ все. За меня свѣтаеш-
ся женихъ, сынъ богатаго крестья-
нина изъ сосѣдней деревни; ма-
тушка хочетъ, чтобы я за него
вышла.“ — И ты соглашаешь-
ся? — „Жестокой! можешь ли
объ этомъ спрашивать? Да мнѣ
жаль матушки; она плачетъ, и
говоритъ, что я не хочу ея спокой-
ствія; что она будетъ мучиться
при смерти, если не выдастъ
меня при себѣ за мужа. Ахъ! ма-

пушка не знаетъ, что у меня
есть такой милой другъ!“ —
Эрасмъ цѣловалъ Лизу; говорилъ,
что ея счастье дороже ему всего на
свѣтѣ; что по смерти матери ея
онъ возьметъ ее къ себѣ, и бу-
детъ жить съ нею неразлучно,
въ деревнѣ, и въ дремучихъ лѣ-
сахъ какъ въ раю. — „Однакожь
тебѣ не лѣзя бытъ моимъ му-
жемъ!“ сказала Лиза съ тихимъ
вздохомъ. — По чему же? — „Я
крестьянка.“ — Ты обижаешь меня.
*Для твоего друга важнѣе всего ду-
ша, чувствительная, невинная ду-
ша — и Лиза будетъ всегда ближай-
шая къ моему сердцу.*

Она бросилась въ его объятія —
и въ сей часъ надлежало погиб-
нуть непорочности! — Эрасмъ чув-
ствовалъ необыкновенное волненіе
въ крови своей — никогда Лиза не
казалась ему столь прелестною —

никогда ласки ея не прогали его
 никакъ сильно — никогда ея поцѣлуи
 не были столь пламенны — она ниче-
 го не знала, ничего не подозрѣвала, ни-
 чего не боялась — мракъ вечера пи-
 талъ желанія — ни одной звѣздочки
 не сіяло на небѣ — никакой лучъ не
 могъ освѣтить заблужденія —
 Эрасмъ чувствовалъ въ себѣ пре-
 вешъ — Лиза также, не зная,
 отъ чего — не зная, что съ нею
 дѣлается ... Ахъ Лиза, Лиза! гдѣ
 мать швоя? Гдѣ Ангелъ хранишель
 твоя? Гдѣ — швоя невинность?

Заблужденіе прошло въ одну
 минуту. Лиза не понимала чувствъ
 своихъ, удивлялась и спрашивала.
 Эрасмъ молчалъ — искалъ словъ,
 и не находилъ ихъ. „Ахъ! я боюсь
 (говорила Лиза), боюсь того, что
 случилось съ нами! Мнѣ казалось,
 что я умираю; что душа моя ...“

Нѣтъ, я не умѣю сказать эпова!... Ты молчишь, Эрастъ? вздыхаешь?.. Боже мой! что такое?" — Между тѣмъ блеснула молнія и грянулъ громъ. Лиза вся задрожала. Эрастъ, Эрастъ! сказала она: мнѣ страшно! Я боюсь, чтобы громъ не убилъ меня, какъ преступницу! Грозно шумѣла буря; дождь лился изъ черныхъ облаковъ — казалось, что Нанура съговаривала о потерянной Лизиной невинности. — Эрастъ сцарапалъ успокоить Лизу, и проводилъ ее до хижины. Слезы кашились изъ глазъ ее, когда она прощалась съ нимъ. Ахъ Эрастъ! утѣрь меня, что мы будемъ по прежнему счастливы! — „Будемъ, Лиза, будемъ!“ ошвѣчалъ онъ. — Дай Богъ! мнѣ не лѣзя не вѣрять словамъ твоимъ: еѣдь я люблю тебя! Только въ сердцѣ моемъ... Не

полно! Прости! Завтра, завтра увидимся.

Свиданія ихъ продолжались; но какъ все перемѣнилось! Эрасмъ не могъ уже доволенъ бытьъ одними невинными ласками свсей Лизы — одними ея любви исполненными взорами — однимъ прикосновеніемъ руки, однимъ подѣлуемъ, одними чистыми обѣщаніями. Онъ желалъ больше, больше, и наконецъ ничего желать не могъ — а кно знаетъ сердце свое, кно размышлялъ о свойствѣ нѣжнѣйшихъ его удовольствій, шомъ конечно согласился со мною, что исполненіе ~~сбхъ~~ желаній есть самое опасное искушеніе любви. Лиза не была уже для Эрасма симъ Ангеломъ непорочности, кошорой прежде восплалялъ его воображеніе и восхищала душу его. Плапониическая любовь уступила мѣсто такимъ чув-

спивамъ, которыми онъ не могъ гордиться, и которыя были для него уже не новы. Чѣмъ принадлежишь до Лизы, то она совершенно ему опдавшись, имъ только и дышала, во всемъ какъ агнецъ повиновалась его волѣ, и въ удовольствіи его полагала свое щасіе. Она видѣла въ немъ перемѣну, и часто говорила ему: Прежде бывалъ ты веселѣе; прежде бывали мы покойнѣе и щастливѣе; и прежде я не такъ боялась потерять любовь твою! — Иногда, прощаясь съ нею, онъ говорилъ ей: Завтра, Лиза, не могу я съ тобою видѣться: мнѣ вѣстрялось важное дѣло — и всякой разъ при сихъ словахъ Лиза вздыхала.

Наконецъ пять дней сряду она не видала его, и была въ величайшемъ безпокойствѣ; въ шестой

пришелъ онъ съ печальнымъ лицомъ и сказалъ ей: „Любезная Лиза! мнѣ должно на нѣсколько времени съ тобою прощиться. Ты знаешь, что у насъ война; я въ службѣ; полкъ мой идетъ въ походъ.“ — Лиза поблѣднѣла, и едва не упала въ обморокъ.

Эрастъ ласкалъ ее; говорилъ, что онъ всегда будетъ любить милую Лизу, и надѣется по возвращеніи своемъ никогда съ нею не расставаться. Долго она молчала; по шомъ залилась горькими слезами, схватила руку его — и взглянувъ на него со всею нѣжностію любви, спросила: *тебѣ не лѣзя остаться?* „Могу, опивчалъ онъ, но только съ величайшимъ безславіемъ, съ величайшимъ пятномъ для моей чести. Всѣ будутъ презирать меня; всѣ будутъ глумиться мною какъ шрусомъ, какъ

недоспойнымъ сыномъ опечесства. “
Ахъ! когда такъ, сказала Лиза, то побѣжай, побѣжай, куда Богъ велитъ! Но тебя могутъ убить. —
„Смерть за опечесство не спрашна, любезная Лиза. “ — Я умру, какъ скоро тебя не будетъ на свѣтѣ. — „Но за чѣмъ это думаешь? Я надѣюсь остаться живъ, надѣюсь возвратиться къ тебѣ, моему другу. “ — *Дай Богъ! дай Богъ! Всякой день, всякой часъ буду о томъ молиться. Ахъ! для чего я не умѣю ни читать, ни писать! Ты бы уведомлялъ меня обо всемъ, что съ тобою случится; а я писала бы къ тебѣ — о слезахъ своихъ! —* „Нѣтъ, береги себя, Лиза; береги для дуга своего. Я не хочу, чтобы ты безъ меня плакала. “ — *Жестокій человѣкъ! ты думаешь лишить меня и этой опечесства.*

рады! Нѣтъ! разстаетеши съ съ-
 тбою, развѣ тогда перестану пла-
 кать, когда высохнетъ сердце мое. —
 „Думай о той пріятной минутѣ,
 въ которую мы опять увидим-
 я.“ — Буду, буду думать объ
 ней! Ахъ! если бы она пришла
 скорѣе! Любезной, милой Эрастъ!
 помни, помни свою бѣдную Лизу,
 которая любитъ тебя болѣе, не-
 жели самой себя!

Но я не могу описатьъ всего,
 что они при семъ случаѣ говорили.
 На другой день надлежало бытъ
 послѣдному свиданію.

Эрастъ хотѣлъ проспать въ
 съ Лизиной мащерию, которая не
 могла отъ слезъ удержаться, слыша,
 что ласковой, пригожій баринъ
 ее долженъ ѣхать на войну. Онъ
 принудилъ ее взять у него нѣсколь-
 ко денегъ, сказавъ: Я не хочу,
 чтобы Лиза въ мое отсутствіе про-

давала работу свою, которая, по уговору, принадлежишь мнѣ.“ — Спарушка осыпала его благословеніями. „Дай Господи, говорила она, чтобы ты къ намъ благополучно возвратился, и чтобы я тебя еще разъ увидѣла въ здѣшней жизни! Авось-либо моя Лиза къ тому времени найдешь себѣ жениха помысламъ. Какъ бы я благодарила Бога, еслибѣ ты пріѣхалъ къ нашей свадьбѣ! Когда же у Лизы будешь дѣти, знай баринъ, что ты долженъ крестить ихъ! Ахъ! мнѣ бы очень хотѣлось дожить до этого!“ — Лиза спояла подлѣ мащери, и не смѣла взглянуть на нее. Чисташель легко можетъ вообразить себѣ, что она чувствовала въ сію минуту.

Но что же чувствовала она тогда, когда Эрасъ, обнявъ ее въ послѣдній разъ, въ послѣдній разъ

прижавъ ее къ своему сердцу, сказалъ: *прости, Лиза!* Какая прогашельная картина! Упренная заря, какъ адое море, разливалась по воспочному небу. Эрасшъ споядъ подъ вѣтвьями високаго дуба, держа вѣ объятїяхъ своихъ блѣдную, томную, горестную подругу, которая, прощаясь съ нимъ, прощалась съ душею своею. Вся Намура пребывала вѣ молчанїи.

Лиза рыдала — Эрасшъ плакалъ — оставилъ ее — она упала — спала на колѣни, подняла руки къ небу и смошрѣла на Эрасша, коимъ удалялся — далѣе — далѣе — и наконецъ скрылся — возсїяло солнце, и Лиза, оставленная, бѣдная, лишилась чувствъ и памяти.

Она пришла вѣ себя — и свѣтъ показался ей унылъ и печаленъ. Всѣ прїяшніосни Намуры сокрылись для нее вмѣстѣ съ любезнымъ

ея сердцу. „Ахъ! (думала она) для чего я осмелась въ этой пустынѣ? Чѣмъ удерживаешь меня ленивъ въ слѣдъ за милымъ Эрасмомъ? Война не страшна для меня; страшно тамъ, гдѣ нѣтъ моего друга. Съ нимъ жить, съ нимъ умереть хочу, или смертію своею спаси его драгоценную жизнь. Постой, постой, любезной! я лѣчу къ тебѣ!“ — Уже хотѣла она бѣжать за Эрасмомъ; но мысль: у меня есть мать! остановила ее. Лиза вздохнула, и приклонивъ голову, тихими шагами пошла къ своей хижинѣ. — Съ сего часа дни ея были днями тоски и горя, горя, котораго надлежало скрывать отъ нѣжной матери: шѣмъ болѣе страдало сердце ея! Тогда только облегчалось оно, когда Лиза, уединясь въ густомъ лѣсѣ, могла свободно проливать слезы и сипенать о

разлукѣ съ милымъ. Часто печальная горлица соединяла жалобной голосъ свой съ ея стenanіемъ. Но иногда — хопя весьма рѣдко — златой лучъ надежды, лучъ ушѣшенія, освѣщалъ мракъ ея скорби. Когда онъ возвратится ко мнѣ, какъ я буду счастлива! какъ все переменится! ошъ сей мысли прояснялся взоръ ея, розы на щекахъ ея освѣжались, и Лиза улыбалась, какъ майское утро послѣ бурной ночи. — Такимъ образомъ прошло около двухъ мѣсяцовъ.

Въ одинъ день Лиза должна была ийти въ Москву, за тѣмъ, чшобы купить розовой воды, кошорою мать ея лечила глаза свои. На одной изъ большихъ улицъ воспрѣпилась ей великолѣпная кареша, и въ сей каретѣ увидѣла она — Эраста. Ахъ! закричала Лиза, и бросилась къ нему; но ка-

репа проѣхала мимо и поворошила на дворъ. Эраспъ вышелъ, и хопѣлъ уже ишши на крыльцо огромнаго дому, какъ вдругъ почувствовалъ себя — въ Лизиныхъ объятіяхъ. Онъ поблѣднѣлъ — пошомъ, не опивѣчая ни слова на ея восклицанія, взялъ ее за руку, привелъ въ свой кабинетъ, заперъ дверь, и сказалъ ей: *Лиза! обстоятельствомъ перемѣнились, я помыслилъ жениться, ты должна оставить меня въ покое, и для собственнаго своего спокойствія забыть меня. Я любилъ тебя, и теперь люблю, то есть желаю тебѣ всякаго добра. Вотъ сто рублей — возьми ихъ (онъ положилъ ей деньги въ карманъ) — позволяю мнѣ поцѣловатьъ тебя въ послѣдній разъ — и пооди домой. —* Прежде нежели Лиза могла опомниться, онъ вывелъ ее изъ ка-

бинета, и сказалъ слугѣ: *проводи
эту дѣвушку со двора.*

Сердце мое обливается кровію
въ сію минушу. Я забываю человѣ-
ка въ Эраспѣ — гошовѣ проклиная
его — но языкъ мой не движет-
ся — смотрю на небо, и слезы ка-
пающія по лицу моему. Ахъ! для
чего пишу я не романъ, а печаль-
ную былъ?

И такъ Эраспѣ обманулъ Ли-
зу, сказавъ ей, что онъ ѣдетъ въ
армію? — Нѣтъ, онъ въ самомъ
дѣлѣ былъ въ арміи; но вмѣсто
того, чтобы сражаться съ непріа-
телемъ, игралъ въ карты и про-
игралъ почти все свое имѣніе. Ско-
ро заключили миръ, и Эраспѣ воз-
вращился въ Москву оштрафенный
долгами. Ему оставался одинъ спо-
собъ поправить свои обстоятель-
ства — женился на пожилой бога-
той вдовѣ, которая давно была

влюблена въ него. Онъ рѣшился на то, и переѣхалъ жить къ ней въ домъ, посвятивъ искренній вздохъ Лизѣ своей. Но все сіе можешь ли оправдать его?

Лиза очутилась на улицѣ, и въ такомъ положеніи, котораго никакое перо описать не можешь. Онъ, онъ ~~выгналъ~~ *выгналъ* меня? Онъ любитъ другую? Я погибла! рожь ея мысли, ея чувства! Жестокой обморокъ перервалъ ихъ на время. Одна добрая женщина, которая шла по улицѣ, остановилась надъ Лизою, лежавшею на землѣ, и старалась пригнести ее въ память. Несчастная открыла глаза — всматриваясь помощію сей доброй женщины, — благодарила ее, и пошла, сама не зная куда. „Мнѣ не лъзя жить, (думала Лиза) не лъзя!.. О естъли бы упало на меня небо! Естъли

бы земля поглотила бѣдную! . . .
Нѣтъ! небо не падаетъ; земля не
колеблется! Горе мнѣ!“—Она вышла
изъ города, и вдругъ увидѣла себя
на берегу глубокаго пруда, подъ
тѣнью древнихъ дубовъ, копо-
рые за нѣсколько недѣль передъ
тѣмъ были безмолвными свидѣте-
лями ея воспоговъ. Сіе воспомина-
ніе потрясло ея душу; спрашивъ-
шее сердечное мученіе изобразилось
на лицѣ ея. Но черезъ нѣсколько
минутъ погрузилась она въ нѣко-
торую задумчивость — по томъ
осмотрѣлась вокругъ себя, увидѣла
дочь своего сосѣда, (пятнадцати-
лѣтнюю дѣвушку) идущую по до-
рогѣ — кликнула ее, вынула изъ
кармана десять имперіаловъ, и, по-
давая ей, сказала: „Любезная Аню-
ша, любезная подружка! опнеси
эти деньги къ мамушкѣ — онѣ
не краденныя — скажи ей, что

„Лиза прошивѢ нее виновата ; что
„я шайла опѢ нее любовь свою кѢ
„одному жестокому челѢку , —
„кѢ Э Начпо знашь его
„имя ? — Скажи , что онѢ измѢ-
„нилѢ мнѢ — попроси , чтобы она
„меня прѢшила — БогѢ будешѢ ея
„помѢшникомѢ — поцѢлуй у нее
„руку , такѢ какѢ я шеперь швою
„цѢлую — скажи , что бѢдная Ли-
„за велѢла поцѢловашѢ ее — скажи ,
„что я“ ТутѢ она бросилась
вѢ воду . Анюша закричала , запла-
кала , но не могла спасти ее , побѢ-
жала вѢ деревню — собрались лю-
ди , и выпашили Лизу ; но она бы-
ла уже мершвая .

ТакимѢ образомѢ скончала жизнь
свою прекрасная душей и шѢломѢ .
Когда мы тамѢ , вѢ новой жизни
увидимся , я узнаю тебя , нѢжная
Лиза !

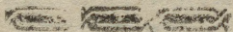
Ее погребли близъ пруда, подъ
мрачнымъ дубомъ, и поснавили
деревянной крестъ на ея могилѣ.
Тутъ часто сижу я въ задумчи-
вости, опершись на вмѣспилин-е
Лизина праха; въ глазахъ моихъ
струится прудъ, надо мною шу-
мятъ листья.

Лизина мать услышала о страш-
ной смерти дочери своей, и кровь
ея отъ ужаса охладѣла — глаза на-
вѣкъ закрылись. — Хижина опустѣ-
ла. Въ ней всеи въшеръ, и суе-
вѣрные поселяне, слыша по ночамъ
сей шумъ, говорятъ: *тамъ сто-
ятъ мертвецъ; тамъ стонетъ бѣд-
ная Лиза!*

Эрастъ былъ до конца жизни
своей нецѣспливъ. Узнавъ о судь-
бѣ Лизиной, онъ не могъ ушѣ-
мишья, и почиалъ себя ея убій-

дсю. Я познакомился съ нимъ за
годъ до его смерти. Онъ самъ раз-
сказалъ мнѣ сію испорцію и при-
велъ меня къ Лизиней могилѣ. —
Теперь, можешь быть, они уже
примирились!

ПРЕКРАСНАЯ ЦАРЕВНА
И
ЩАСТЛИВОЙ КАРЛА,
Старинная Сказка,
ИЛИ
Новая Каррикатура.

О вы, некрасивые сыны челове-
чества, безобразныя творенія *пла-
стической* Натуры! вы, которые
ни въ чемъ не можете служить
образцомъ художнику, когда
онъ хочетъ представить изящ-
ность человеческой формы! вы, ко-
торые жалуешесь на Природу, и
говорите, что она не дада вамъ спо-
собовъ нравиться, и заградила для
васъ источникъ сладчайшаго удо-
вольствія въ жизни — источникъ

любви! не опчаявайтесь, друзья мои, и вѣрьте, что вы еще можете быть любезными и любимыми; что услужливые Зефиры нынѣ или завтра могутъ принести къ вамъ какую нибудь прелестную Псишу, которая съ восторгомъ бросится въ объятія ваши, и скажетъ, что нѣтъ ничего милѣе васъ на свѣтѣ. — Выслушайте слѣдующую повѣсть.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жилъ былъ Царь доброй челоѣкъ, ошестъ единыя дочери, Царевны прекрасной, милой сердцу родишеля, любезной всякому чувствительному сердцу, рѣдкой, несравненной. Когда Царь доброй челоѣкъ, одѣянный богашею багряницею, увѣнчанный вѣнцемъ сафире-рубиннымъ, сидѣлъ на высокомъ тронѣ среди народнаго множества, и держа въ правой рукѣ златой

скинешь, судилъ съ правдою своихъ подданныхъ; когда, воздыхая изъ глубины сердца, изрекалъ приговоръ должнаго наказанія: тогда являлась передъ трономъ прекрасная Царевна, смопрѣла прямо въ глаза своему родителю, подымала бѣлую руку свою, проспирала ее къ судящему — и пасмурное лице правосудія вдругъ озарялось солнцемъ милосердія — виновный получалъ прощеніе, и клялся въ душѣ своей быть съ того времени добрымъ подданнымъ Царя добраго. Бѣдный ли приближался къ Царевнѣ? она помогала ему — печальный ли проливалъ передъ нею слезы? она утишала его — беззащитный ли прибѣгалъ къ покрову ея? она защищала его. Всѣ сироты въ проспанной области Царя добраго человека называли ее маперью; и даже шѣ, копорыхъ сама Нашу-

ра угнетала — несчастные, ли-
шенные здравія, облегчались ея
цѣлительною рукою; ибо Царевна
совершенно знала науку врачеванія,
тайныя силы травъ и минераловъ,
росъ небесныхъ и ключей подзем-
ныхъ. Такова была душа Царевни-
на. Тѣлесную красоту ея описыва-
ли въ стихотворцы тогдашнихъ
временъ какъ лучшее произведеніе
искусной Природы — а стихотвор-
цы были тогда не такіе льстецы,
какъ нынѣ; не называли она чер-
наго бѣлымъ, карлы великаномъ, и
безобразія примѣромъ стройности.
Въ древнемъ книгохранилищѣ уда-
лось мнѣ найсти одно изъ сихъ
описаній — вотъ вѣрный переводъ
его:

„Не такъ пріятна полная лу-
на, восходящая на небѣ между
безчисленными звѣздами, какъ
пріятна наша милая Царевна, гу-

„ляющая по зеленымъ лугамъ съ
„подругами своими; не такъ пре-
„красно сіяютъ лучи свѣтлаго мѣ-
„сяца, посребряя волнистые края
„сѣдыхъ облаковъ ночи, какъ сія-
„ютъ бѣлые волосы на плечахъ ея;
„ходишь она какъ гордой лебедь,
„какъ любимая дочь Неба; лазурь
„эфирная, на которой блистаетъ
„звѣзда любви, звѣзда вечерняя,
„есть образъ несравненныхъ глазъ
„ея; тонкія брови какъ радуги из-
„гибаются надъ ними; щеки ея
„подобны бѣлымъ лилеямъ, когда
„упреленная заря краситъ ихъ
„алымъ цвѣтомъ своимъ; когда же
„отверзаются малиновыя уста
„прекрасной Царевны, два ряда чи-
„стѣйшихъ жемчужинъ прельща-
„ютъ зрѣніе; два холмика, вѣч-
„нымъ шуманомъ покрытые. . .
„Но кто опишетъ все красоты
„ея?“

Крылатая богиня, называемая Славою, была и въ тѣ времена такъ же словоохотна, какъ нынѣ. Лешая по всей подсолнечной, она рассказывала чудеса о прекрасной Царевнѣ, и не могла объ ней наговориться. Изъ-за тридевяти земель прѣзжали Царевичи видѣшь красоту ея — разбивали высокіе шатры передъ каменнымъ дворцомъ Царя добраго челоѣка, и приходили къ нему съ поклономъ. Онъ зналъ причину ихъ посѣщенія, и радонался сердечно, желая доспойнаго супруга милой своей дочери. Они видѣли прекрасную Царевну, и воспламенялись любовью. Каждый изъ нихъ говорилъ Царю доброму челоѣку: „Царь доброй челоѣкъ! Я прѣхалъ изъ-за тридевяти земель, тридесятого царства; ошедъ мой вла-дѣетъ народомъ безчисленнымъ,

„землею прекрасною; высоки пере-
 „ма наши; въ нихъ сѣяетъ сере-
 „бро и золото, опливаютъ разно-
 „цвѣтные бархаты — Царь! ошдей
 „за меня дочь свою!“ — *Ищи люб-*
овь ея! ошвѣчалъ онъ — и всѣ Ца-
 ревичи оставались во дворцѣ его,
 пили и ѣли за столомъ дубовымъ,
 за сканерною *браною*, вмѣстѣ съ
 Царемъ и Царевною. Каждый изъ
 ихъ смотрѣлъ умильными глаза-
 ми на прекрасную, и взорами сво-
 ими говорилъ весьма ясно: *Царевна!*
полюби меня! Надобно знать, что
 любовники были въстарину робки
 и спыдливы какъ красныя дѣву-
 шки, и не смѣли словесно изъ-
 ясняться съ владычицами сердецъ
 своихъ. Въ наши времена они го-
 раздо смѣлѣе; но за то *краснорѣчье*
озорое потеряло нынѣ почти всю
 свою силу. Обожатели пре-
красной Царевны употребля-

ли еще другой способъ къ изъ-
явленію своей снраспи — спо-
собъ, которой такъ же вышелъ
у насъ изъ моды. А имянно, вся-
кую и чь ходили они подЪ овно
Церевнива шерема, играли на бан-
дурахъ и пѣли тихимъ голосомъ
жалобныя пѣсни, сочиненныя снпхо-
творцами ихъ земель; каждой
куплешъ заключался глубокими
вздохами, которые и каменное серд-
це могли бы пронуть и размягчить
до слезъ. Когда пять, шесть, де-
сять, двадцать любовниковъ схо-
дились шамъ въ одно время, то-
гда они бросали жеребей, кому пѣшь
прежде, и всякой въ свою очередь
начиналъ воспѣвать сердечную му-
ку; другіе же, поджавъ руки, хо-
дили взадъ и впередъ, и посмап-
ривали на окно Царевнино, которое
однакожь ни для кого изъ нихъ
не отворялось. По томъ всѣ они

возвращались въ свои шатры, и въ
глубокомъ снѣ забывали любовное
горе.

Такимъ образомъ проходили
дни, недѣли и мѣсяцы. Прекрас-
ная Царевна взглядывала на шого
и на другаго, на третьяго и на
четвертаго — но въ глазахъ ея не
видно было ничего, кромѣ холодна-
го равнодушія къ женихамъ ея,
Царевичамъ и Королевичамъ. Нако-
нецъ все они приступили къ
Царю доброму челобѣку, и пре-
бывали единодушно, чтобы прекрас-
ная дочь его объявила торжествен-
но, кто изъ нихъ нравенъ сердцу
ея. „Довольно прожили мы въ ка-
менномъ дворцѣ своемъ, говорили
они: поѣли хлѣба-соли твоей, и
меду сладкаго не одну бочку опо-
рожили; время возвратишься намъ
во свои страны, къ ошцамъ,
машерямъ и роднымъ сестрамъ.

Царь доброй челоѣкъ! мы хопимъ вѣдашь, кпо изъ насъ будетъ зянемъ швоимъ.“ Царь отвѣчалъ имъ сими словами: „Любезные гости! еспыли бы вы и нѣсколько лѣтъ прожили во дворѣ моемъ, то конечно бы не накучили хозяину: но не хочу удерживать васъ противъ воли вашей, и пойду теперь же къ Царевнѣ. Не могу я ни въ чемъ принуждать ее; но кого она выберетъ, тошъ получитъ за нею въ приданое все царство мое, и будетъ моимъ сыномъ и наслѣдникомъ.“— Царь пошелъ въ теремъ къ дочери своей. Она сидѣла за пядьцами и шила серебромъ и золотомъ; но увидѣвъ родишеля, вспала и поцѣловала руку его. Онъ сѣлъ подлѣ нее, и сказалъ ей словами ласковыми: „Милая, разумная дочь моя, прекрасная Царевна!

„ты знаешь, что у меня нѣтъ
 „дѣшей, кромѣ тебя, свѣша очей
 „моихъ; родъ нашъ долженъ цар-
 „ствовать и въ будущіе вѣки; по-
 „ра тебѣ о женихѣ думать. Давно
 „живутъ у насъ Царевичи и прель-
 „щаются красотою нѣвою: выбери
 „изъ нихъ супруга, дочь моя, и
 „уиѣшь отца своего!“ — Царевна
 долго сидѣла въ молчаніи, пошупя
 въ землю голубые глаза свои; на-
 конецъ подняла ихъ и устремила
 на родителей — шутъ двѣ блестя-
 щія слезы скатились съ алыхъ
 щекъ ея, подобно двумъ дожде-
 вымъ каплямъ, свѣваемымъ съ ро-
 зы дуновеніемъ Зефира. „Любезной
 „родитель мой!“ сказала она нѣж-
 нымъ голосомъ: „будетъ мнѣ вре-
 „мя горевать за мужемъ. Ахъ! и
 „птички любятъ волю; а замуж-
 „няя женщина не имѣетъ ее. Те-
 „перь я живу и радуюсь; нѣтъ у

„меня ни заботѣ, ни печали; ду-
„маю только о томѣ, чтобы угод-
„дать моему родителю. Не могу
„ни чѣмѣ опорочить Царевичей; но
„позволь, позволь мнѣ спастись въ
„дѣвическомѣ моемѣ шеремѣ!“ —
Царь доброй чело-вѣкъ прослезил-
ся. „Я нѣжной отецѣ, а не ти-
„ранѣ твоей, отвѣчалъ онѣ Царев-
„нѣ: благоразумные родители мо-
„гутѣ управлять склонносѣями
„дѣтей своихѣ; но не могутѣ они
„ни возбуждать, ни перемѣнять
„ихѣ — такѣ искусный кормчѣй
„управляетѣ кораблемѣ своимѣ,
„но не можетѣ сказать нишинѣ:
„*превратися въ вѣтерѣ!* или
„воспочному вѣтру: *будь запад-*
„*нымѣ!*“ — *Царь доброй чело-*
вѣкъ обнялъ дочь свою, вышелѣ
къ Принцамѣ, и сказалѣ имѣ съ пе-
чальнымѣ видомѣ и со всевозмож-
ною учинивоснѣю, что *прекрасная*

Царевна ни для кого изъ нихъ не
хочетъ оставишь дѣвическаго свое-
го перема. Всѣ Царевичи пріуныли,
призадумались и повѣсили свои го-
ловы; ибо всякой изъ нихъ надѣял-
ся бышь супругомъ прекрасной
Царевны. Одинъ упирался бѣ-
лымъ плащомъ, другой глядѣлъ
въ землю, третій закрывалъ гла-
за рукою, четвертой щипалъ на се-
бѣ плащъ, пятой спозалъ присло-
нясь къ печкѣ и смотрѣлъ себѣ на
носъ, подобно Индѣйскому Брами-
ну, размышляющему о напурѣ ду-
ши человеческой; шестой ---- Но
что въ сію минушу дѣлалъ ше-
стой, седьмой и прочіе, о томъ мол-
чалъ лѣшописи. Наконецъ всѣ они
вздохнули (такъ сильно, что едва
не зашряслись каменные спѣны),
и помнымъ голосомъ принесли хо-
зяину благодарность за угоще-
ніе. Въ одно мгновеніе бѣлые

шаиры передъ дворцомъ исчезли — Царевичи сѣли на коней своихъ и съ грусти помчались во весь духъ, каждой своею дорогою; пыль поднялась столбомъ, и опять легла на свое мѣсто.

Въ Царскомъ дворцѣ стало все тихо и смирно, и Царь доброй уелозѣкъ принялся за обыкновенное дѣло свое, которое соспояло въ томъ, чшобы править подданными какъ опедъ правилъ дѣшми своими, и распростираяшъ благоденствіе въ подвластной ему спранѣ — дѣло трудное, но святое и пріятное! Однакожь у хлѣбосола рѣдко бываетъ безъ госпей — и скоро по отѣздѣ Приидовъ прѣхалъ къ Царю одинъ спранствующій Аспрологъ, Гимнософитъ, Магъ, Халдей, въ высокой шапкѣ, на кошпоре изображены были луна и звѣзды — прожилъ у него нѣсколько не-

дѣлъ — водилъ за столъ прекрасную Царевну, какъ должно училъ ему Кавалеру — пилъ и ѣлъ по-философски, но ешь за пята-рыхъ, и безпрестанно говорилъ объ умѣренности и воздержаніи. Царь обходился съ нимъ ласково; разспрашивалъ его о происшествіяхъ свѣта, о звѣздахъ небесныхъ, о рудахъ подземныхъ, о пищахъ воздушныхъ, и находилъ удовольствіе въ бесѣдѣ его. Къ чести сего спрансивующаго рыцаря должно сказать, что онъ имѣлъ многія историческія, физическія и философическія свѣдѣнія, и сердце человеческое было для него не со-всѣмъ тарабарскою грамотою — то есть, онъ зналъ людей, и ча-сто угадывалъ по глазамъ самыя сокровеннѣйшія ихъ чувства и мы-сли. Въ нынѣшнее время назвали бы его — не знаю, чѣмъ; но въ то-

гдашнее называли его мудрецомъ. Правда, что всякой новой вѣкъ приносилъ съ собою новое понятіе о семъ словѣ. — Сей мудрецъ, собравшись наконецъ ѣхать отъ Царя добраго человека, сказалъ ему сіи слова: „Вѣ благодарюсь за твою ласку“ — (и за твой хороший столъ, могъ бы онъ примолвить) — „открою тебѣ важную тайну, важную для твоего сердца, Царь доброй человекъ! Ничто не сокрою отъ моей мудрости; не сокрыта отъ нее и душа твоей дочери, прекрасной Царевны. Знай, что она любитъ, и хочетъ скрыть твою любовь свою. Распѣніе, цвѣтущее во мракѣ, позябаетъ и лишается красоты своей: любовь есть цвѣтъ души. Я не могу сказать болѣе Прости!“ — Онъ пожалъ у Царя руку, вышелъ, сѣлъ на осла и поѣхалъ въ иную землю.

Царь доброй челоѣкъ сто-
ялъ въ изумленіи, и не зналъ,
что думашь о словахъ мудрецо-
выхъ: вѣришь ли имъ, или не вѣ-
ришь, — какъ вдругъ явилась Ца-
ревна, поздравила отца своего съ
добрымъ упромъ, и спросила, по-
койно ли спалъ онъ въ прошедшую
ночь? „Очень безпокойно, любезная
„дочь моя! (оповѣчалъ Царь доброй
„челоѣкъ.) Душу мою трево-
„жили разные непріятные сны,
„изъ которыхъ одинъ оспался въ
„моей памяти. Мнѣ казалось, что
„я вмѣстѣ со многими людьми
„пришелъ къ дикой пещерѣ, въ
„которой смертные узнавали бу-
„дущее. Всякой изъ насъ желалъ
„о чемъ нибудь спросить Судьбу;
„всякой по очереди входилъ въ
„сумрачной гротъ, освѣщенный од-
„ною лампадою, и висалъ на стѣнѣ
„вопросъ — черезъ минушу, на томъ

„ же мѣспѣ, огненными буквами
 „ изображался ошвѣнѣ. Я хошѣлъ
 „ знаніе, скоро ли будущѣ у меня
 „ милыя внучата? и къ ужасу мо-
 „ ему увидѣлъ сїи слова: можетѣ
 „ быть никогда. Рука моя дрожа-
 „ ла; но я написалъ еще дру-
 „ гїе вопросы: Развѣ у дочери моеѣ
 „ каменное сердце? развѣ она ни-
 „ когда любить не будетѣ? Послѣ-
 „ довалъ другой ошвѣнѣ: Она уже
 „ любитѣ, но не хочетѣ открытъ
 „ любви своей, и крушится тайнѣ.
 „ Тупѣ слезы покапились изѣ
 „ глазѣ моихѣ; пронумое мое сердце
 „ излилося въ нѣжныхѣ жалобахѣ
 „ на тебя, прекрасная Царевна!
 „ Чѣмѣ я заслужилъ такую неискрен-
 „ ность, такую недоебренность?
 „ Будетѣ ли отецѣ врагомѣ любезной
 „ своей дочери? Могу ли противить-
 „ ся сердечному твоему выбору,
 „ милая Царевна? Не всегда ли же-

„ лачія нѣои были мѣѣ закономъ?
 „ Не бросался ли я на старости лѣтъ
 „ мойхъ за тою бабочкою, которую
 „ ты хвалила? Не собственною ли
 „ рукою поливалъ я тѣѣ цѣѣточки,
 „ которые тебѣѣ нравились? “ — —
 Тушѣ Царевна заплакала, схвати-
 ла руку отца своего, поцѣѣловала ее
 съ жаромъ — сказала: батюшка! ба-
 тюшка! — взглянула ему въ гла-
 за, и ушла въ свой перемѣѣ.

„ И такъ мудрецъ сказалъ
 „ мнѣѣ правду? (размышляя Царѣѣ
 „ доброй челоѣѣвѣкъ:) она не могла
 „ скрыть своего внутренняго дви-
 „ женія. Жестокая! думалъ ли я...
 „ И для чего шайшь? Для чего бы-
 „ ло не сказать, кѣѣторой изъ Царе-
 „ вичей плѣѣнилъ ее сердце? Можетъ
 „ быть онъ не такъ богатъ, не
 „ такъ знатенъ, какъ другіе; но
 „ развѣ мнѣѣ надобны богатство и
 „ знатность? Развѣ мало у меня

„серебра и золота? Развѣ онѣ не
 „будетъ славенъ по женѣ своей?
 „Надобно все узнать.“ — Онѣ въ
 ту же минуту рѣшился итти къ
 прекрасной Царевнѣ; подошелъ къ
 дверямъ ея шерема, и услышалъ
 голосъ мушины, копорой гово-
 рилъ: „Нѣтъ, прекрасная Царевна!
 „никогда, никогда ошечъ швой не
 „согласишься признашь меня зятемъ
 „своимъ!“ Сердце родителя силь-
 но затрепешало. Онѣ растворилъ
 дверь. . . Но какое перо опишетъ
 шецерь его чувствва? Чшо предспа-
 вилось глазамъ его? Безобразной
 придворной карла, съ горбомъ на-
 переди, съ горбомъ назади, обни-
 малъ Царевну, копорая, проливая
 слезы, осыпала его страшными
 поцѣлуями! — Царь окаменѣлъ.
 Прекрасная Царевна бросилась пе-
 редъ нимъ на колѣни и сказала ему
 швердымъ голосомъ: „Родитель

„мой! умерши меня, или отдай
„за любезнаго, милаго, безцѣннаго
„карлу! Никогда не буду я супру-
„гою другова. Душа моя живетъ
„его душою, сердце мое его серд-
„цемъ. Въ жизни и въ смерти мы
„неразлучны.“ — Между тѣмъ кар-
ла стоялъ покойно, и смолчалъ
на Царя съ почтеніемъ, но безъ
робости. Царь долго былъ непо-
движенъ и безгласенъ. Наконецъ,
воскликнувъ: *что я вижу? что
слышу?* упалъ на кресла, и го-
лова его къ лѣвому плечу склони-
лась. Царевна обнимала его колѣ-
ни. Онъ взглянулъ на нее, шакъ,
что прекрасная не могла снести
сего взора, и опустила глаза въ
землю. *ты, ты . . .* Голосъ его
перервался. Онъ посмолчалъ на
карлу — вскочилъ — хлопнулъ
дверью и ушелъ.

„Какъ, какъ могла прекрасная Царевна полюбить горбатого карлу?“ спроситъ, или — не спроситъ читатель. Великой Шекспиръ говоритъ, что причина любви бываетъ безъ причины: хорошо сказано для Поэта! но Психологъ тѣмъ не удовольствуется, и захочетъ, чтобы мы показали ему, какимъ образомъ родилась сѣя склонность, по видимому невѣроятная. Древнїя лѣтописи, въ изъясненіе такого моральнаго феномена, говорятъ слѣдующее:

Придворной карла былъ человекъ опимѣнно умной. Видя, что своею нравная Наншура произвела его на свѣтъ маленькимъ уродцомъ, и что наружность его очень неприлична, рѣшился онъ замѣнить плѣсные недостатки душевными красотою — сталъ учиться съ величайшею прилѣжностію, чи-

иналъ дѣвнихъ и новыхъ Авшю-
ровъ, и, подобно Афинскому Рипо-
ру Демосеену, ходилъ на берегъ
моря да ламировать волнамъ гром-
кія рѣчи, имъ сочиняемыя. Такимъ
образомъ скоро пріобрѣлъ онъ сіе
великое, сіе драгоценное искусство,
которое покоряетъ сердца людей,
и самого нечувствительнаго чело-
вѣка заставляетъ плакать и смѣ-
яться — то дарованіе и то иску-
ство, которымъ Фракійскій Орфей
пѣвнѣлъ и звѣрей и птицъ, и дѣва
и камни, и рѣки и вѣтры —
краснорѣчіе! Сверхъ того онъ
имѣлъ пріятной голосъ, игралъ
хорошо на арфѣ и гитарѣ, пѣлъ
прогнательныя пѣсни своего сочи-
ненія, и могъ прекраснымъ обра-
зомъ оживлять попошно и бумагу,
изображая на нихъ или Героевъ
древности, или совершенство кра-
соты женской, или кристальные

ручейки, осыпавые высокими ивами, и призывающіе къ сладкой дремотѣ упомянутаго паспуха съ паспушкою. Скоро слухъ о достоинствѣхъ и шаданшѣхъ чуднаго карла разнесся по всему городу и всему государству. Всѣ искали его знакомства: и старые и молодые, и мужчины и женщины — однимъ словомъ, умной карла вошелъ въ превеликую моду. Важная услуга, оказанная имъ опечесству. . . . Но о семъ будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ.

Когда прекрасной Цирейѣ было еще не болѣе десяти или двѣнадцати лѣтъ онѣ роду, умной карла ходилъ къ ней въ теремъ сказывать сказки о благодѣшельныхъ дѣлахъ и злыхъ волшебникахъ — подъ именами первыхъ описывалъ онѣ святыя добродѣтели, копорыя дѣлаютъ человека

щасливѣмъ; подъ именами послѣднихъ гибельные пороки, которые ядовитымъ дыханіемъ своимъ превращаютъ цвѣтущую долину жизни въ юдоль мрака и смерти. Царевна часто проливала слезы, слушая горестныя похождения любезныхъ Принцовъ и Принцессъ; но радость сіяла на прекрасномъ лицѣ ея, когда они, преодолевъ наконецъ многочисленныя искушенія рока, въ объяніяхъ любви наслаждались всею полноюю земнаго блаженства. Любя повѣсти краснорѣчиваго карлы, непримѣнно полюбила она и повѣствователя, и проницательные глаза ея открыли въ немъ самомъ нѣ прогнѣтныя черты милой чувствительности, которыя украшали романтическихъ его Героевъ. Сердце ея сдѣлало, такъ сказать, нѣжную привычку къ его сердцу, у кошо-

раго научилось оно чувствовать. Самая наружность карлы стала ей пріятна, ибо сія наружность была въ глазахъ ея образомъ прекрасной души; и скоро показалось Царевнѣ, что никто не можетъ быть красавцемъ, кѣмъ росномъ выше двадцати пяти вершковъ, и у котораго нѣтъ напередѣ и назади горба. — Что принадлежишь до нашего Героя, то онъ, не имѣя слѣпотаго самолюбія, никакъ не думалъ, чтобы Царевна могла имъ паѣниться, а поному и самъ былъ почти равнодушенъ къ ея прелестямъ: ибо любовь не рождается безъ надежды. Но когда въ минушу живѣйшей симпатіи прекрасная сказала ему: *я люблю тебя!* когда вдругъ открылось ему поле такого блаженства, о которомъ онъ прежде и мечтать не осмѣливался: тогда въ душѣ его мгновенно вспыхнули пла-

боко — таившіяся искры. Въ восторгъ бросился онъ на колѣни передъ Царевною, и воскликнулъ въ сладчайшемъ упоеніи сердца: *ты моя!* Правда, что онъ скоро образумился; вспомнилъ высокой родъ ея, вспомнилъ себя, и закрылъ руками лице свое — но Царевна подѣлывала его и сказала: *я теоя, или нмуя!* — Дѣвическая робость не позволяла ей открыться родителю въ своей снѣзени.

„Сія любовь прекрасной Царевны хопя и къ умному, но безобразному карлѣ (говорилъ одинъ изъ насмѣшниковъ поглашняго времени) приводитъ на мысль онаго Царя древности, копорой смертельно влюбился въ лягушечьи глаза, и созвавъ мудрецовъ своего государснва, спросилъ у нихъ: что всего любезнѣе? *Цѣбущая юность*, ошвѣчалъ одинъ по дол-

гомъ. размышленіи — красота, ошвѣчалъ другой — науки, ошвѣчалъ шреній — Царская милость, ошвѣчалъ четвертой съ низкимъ поклономъ, и такъ далѣе. Царь вздохнулъ, залился слезами, и сказалъ: нѣтъ, нѣтъ! всего любезнѣе — *лягушечьи глаза!* “

Теперь обратимся къ нашей повѣсти. Мы сказали, что Царь доброй челоуѣкъ хаопнулъ дѣрню и ушелъ изъ Царевнина шерема, но не сказавъ, куда? И такъ да будетъ извѣстно чинашесамъ, что онъ ушелъ въ свою горницу, заперся тамъ одинъ, думалъ, думалъ, и наконецъ призвалъ къ себѣ карлу — по шомъ прекрасную Царевну — говорилъ съ ними долго, и съ жаромъ; но какъ, и что, о шомъ молчимъ Исторія.

На другой день было объявлено во всемъ городѣ, что Царь

добрый человекъ желаетъ говорить
съ народомъ — и народъ со всѣхъ
сторонъ окружилъ дворецъ, такъ,
что не гдѣ было спасенья яблоку.
Царь вышелъ на балконъ, и когда
воскликанія: да здравствуетъ нашъ
добрый Государь! умолкли, спро-
силъ у своихъ подданныхъ: друзья!
любите ли вы Царевну? Тысячи го-
лосовъ отвѣчали: мы обожаемъ
прекрасную.

Царь. Желаете ли, чтобы
она избрала себѣ супруга?

Тысячи голосовъ. Ахъ! же-
лаемъ сердечно! Онъ долженъ
быть своимъ наслѣдникомъ, Царь
добрый человекъ! Мы знаемъ лю-
бить его, какъ себя и дочь своего
любимъ!

Царь. Но довольны ли будете
вы ея выборомъ?

Тысячи голосовъ. Кто милъ Царевичъ, шонъ милъ и швоимъ подданнымъ!

Въ сїю минушу поднялся на балконъ занавѣсъ — явилась прекрасная Царевна въ снѣгоувѣшной одеждѣ, съ распущенными волосами, копорые какъ бѣлой ленъ развѣвались на плечахъ ея — взглянула какъ солнце на толпы народныя, и милліоны дикихъ людей покорились бы сему взору. Карла ешоялъ подаѣ нее — спокойно и величаво смотрѣлъ на волнующійся народъ, нѣжно и снрасно на Царевну. Тысячи восклицали: *Да здравствуетъ прекрасная!*

Царь, указывая на карлу, сказалъ: „вошъ онъ — шонъ, кого Царевна вѣчно любншь кланеишь, и съ кѣмъ хочешъ она соединншься навѣки!“

Все изумились — по шомъ начали жужжать какъ шмели, и говорили другъ другу: Можно ли, можно ли . . . То ли намъ послышалось? Какъ этому быть? она прекрасна; она Царская дочь — а онъ карла, горбля, не Царской сынъ!

Я люблю его, сказала Царевна — и послѣ сихъ словъ карла показался народу почти красавцемъ.

„Вы удивляеши (продолжалъ Царь доброї челоуѣкъ) но шкъ Судьбѣ угодно. Я долго думалъ, и наконецъ — даю мое благословеніе. Впрочемъ вамъ извѣстно, что онъ имѣетъ достоинство; не забыли вы, можете быть, и важной услуги, оказанной имъ опечесиву. Когда варвары, подъ начальствомъ гигантскаго Царя своего, какъ грозная буря приближились

къ нашему государству; когда
серпъ выпалъ изъ рукъ усмирен-
наго поселянина, и блѣдный па-
снухъ въ ужасѣ бѣжалъ ошѣ сиада
своего: тогда юный карла, одинъ
и безоруженъ, съ масляною вѣш-
вию явился въ сшанѣ непріятель-
скомъ, и заиѣлъ сладостную пѣснь
мира — умиленіе изобразилось на
лицахъ варварскихъ — Царь ихъ
бросилъ мечъ изъ руки своей, об-
нялъ Пѣснопѣвца, взялъ въ шивъ его
и сказалъ: *мы друзья!* По томъ
сей грозной Гигантъ былъ мир-
нымъ гостемъ моимъ — и тысячи
его удалились ошѣ сшраны нашей.
Чѣмъ наградишь тебя? спросилъ я
тогда у юнаго карлы. *Твоею ми-
лостію*, ошвѣчалъ онъ съ улыбкою.
Теперь “ — — —

Тутъ весь народъ въ одинъ
голосъ воскликнулъ: *да будетъ ошѣ*

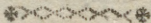
супругомъ прекрасной Царевны! да царствуетъ надъ нами!

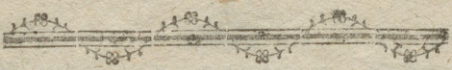
Торжественная музыка загремѣла — загремѣли хоры и гимны — Царь доброй челоѣкъ сложилъ руки любовниковъ — и бракосочетаніе совершилось со всѣми пышными обрядами.

Карла жилъ долго и щасливо со прекрасною своею супругою. Когда Царь доброй челоѣкъ, послѣ дѣятельной жизни, скончался блаженною смертію, по есъ заснулъ, какъ ушомленный спранныкъ при шумѣ ручейка на зеленомъ лугу засыпаешъ: тогда зяшъ его вѣвѣнцѣ сафиро-рубинномъ и съ злашымъ скипшромъ возсѣлъ на высокомъ пронѣ и общалъ народу царшеовашъ съ правдою. Онъ исполнилъ общъ свой, и безприсрастная

Исторія назвала его однимъ
изъ лучшихъ владыкъ земныхъ.
Дѣти его были прекрасны подобно
машери, и разумны подобно роди-
телю.

ПАЛЕМОНЪ и ДАФНИСЬ.

И д и л л і я.

На высокомъ кремнистомъ берегу моря сидѣли Палемонъ и Дафнисъ. Злашное солнце во всемъ своемъ великолѣпїи сіяло на сафирномъ небѣ, и любовалось красотою своею въ чистомъ зеркалѣ спрующихся водъ. Безчисленные корабли, изъ разныхъ частей свѣта плывущіе, распусшивъ бѣлые парусы въ легкомъ вѣяніи благопріятнаго вѣтерка, капились по свѣшлой поверхности океана, подобно спанидамъ бѣлыхъ пшицъ, плавно несущихся въ простиранивахъ голубаго воздуха. Веселые плаватели на разныхъ языкахъ пѣли громкія

пѣсни. Жители влажной спихіи собирались вокругъ кораблей, плескались, пѣили воду, и пускали перловые, блестящіе пузыри.

Палемонъ и Дафнисъ сидѣли въ молчаніи и смотрѣли на море. Наконецъ Дафнисъ сказалъ Палемону:

„Быстро несутся корабли на парусахъ, и плавали радуясь благопріятному вѣтру. Ахъ, Палемонъ! куда плывутъ они? Сердце мое сильно бьется и хочешь, кажешься, выпрыгнушь изъ груди моей, чтобы летѣть въ слѣдъ за ними по неизмѣримостямъ океана — летѣть въ тѣ отдаленныя земли, о которыхъ мы столько чуднаго слышали, но въ которыхъ не бывали ни ошпы, ни дѣды наши.“

Палемонъ. Я то же чувствую, любезной дафнисъ, и вмѣстѣ съ тобою завидую таеіію плава-

щелей, которые весь обширной мѣрѣ
объѣзжаютъ, и собственными гла-
зами видятъ все то, что уди-
вляетъ насъ въ повѣспованіяхъ.

Дафнисъ. Какъ пріятно ды-
шатъ всегда новымъ воздухомъ и
видятъ всегда что нибудь новое!

Палемонъ. Правда, что имъ
должно разскапаться съ своими
друзьями, съ своими любезны-
ми - - -

Дафнисъ. На нѣкоторое вре-
мя. За то вообрази себѣ, Пале-
монъ, съ какою радостію возвра-
щающіяся они наконецъ въ свое оше-
щество, къ своимъ друзьямъ и лю-
безнымъ, и съ какимъ востор-
гомъ бросающіяся въ ихъ объятія; во-
образи, какъ послѣ перваго изступ-
ленія рѣкою лѣющія радостныя слѣ-
зы ихъ; какъ они смотрятъ на
своихъ милыхъ и не могутъ на-
смотреться —

Палемонъ. Правда, минуша свиданія наградишъ ихъ за годъ разлуки.

Дафнисъ. По томъ предснавъ себѣ, какъ сладосно для нихъ успокоеніе послѣ всѣхъ претерпѣнныхъ безпокойствъ и шрудностей —

Палемонъ. И съ какимъ удовольствіемъ рассказывающъ они о чудесахъ, видѣнныхъ и слышанныхъ ими въ спранахъ чуждыхъ: о садахъ Гесперидскихъ, о кривыхъ Циклопахъ, о людобдахъ Лестригонахъ, о Харибдѣ и Сциллѣ!

Дафнисъ. И какъ всѣ, спарые и малые, внимая ихъ повѣ-
-сшамъ, едва осмѣливаются пере-
-водишъ духъ, и жадными взорами
хощашъ ловишъ мысли на устахъ
ихъ, не имѣя шеривнѣя дожидань-
-ся рѣчей!

Палемонъ. Ахъ, какъ они несчастливы! — Но смотри, Дафнисъ, какія гусиныя облака вдали показывающіяся!

Дафнисъ. Боги! надобно ожидать сильной бури. Видишь; какъ молнія въ облакахъ сіяетъ!

Палемонъ. Громъ гремитъ — тучи приближаются, и море чернѣетъ.

Дафнисъ. Умолкли радостныя пѣсни. Всѣ плазашели принялись за работу; опускаютъ парусы, укрѣпляютъ мачты.

Палемонъ. Уже вблизи шумитъ буря — свисаятъ вѣтры — море волнуется.

Дафнисъ. Наспугаетъ грозная ночь со всеми своими ужасами. Сирѣнно гремятъ громы — пылаютъ небо въ молніяхъ — кипитъ, кипитъ пучина морская, и въ чер-

ной смолѣ волнѣ ея клубится бѣлая пѣна.

Палемонъ. Видишь, какѣ водяныя горы къ небу возносящся! видишь, какѣ на бурныхъ хребтахъ ихъ корабли бѣдѣютъ!

Дафнисъ. Смоужи, какѣ опчаянные плаватели при блескѣ молній проспираютъ руки свои къ небу, требуя спасенія!

Палемонъ. Милосердые боги! спасите ихъ.

Дафнисъ. Увы! несчастные погибаютъ! Разъяренная бездна поглощаетъ ихъ!

Палемонъ. И такѣ они не возвращаясь къ своимъ любезнымъ! О несчастное эхо не повторитъ ихъ голоса!

Дафнисъ. Выдентъ на берегъ мать съ дѣтьми своими, долго будетъ сморѣть на синее море, и не увидитъ корабля знакомаго.

Палемонъ. Не увидишъ ко-
рабля, на которомъ поѣхалъ су-
пругъ ея.

Дафнисъ. Она уронишъ слезу
на песокъ берега, и возвратишся
домой съ сиротами своими.

Палемонъ. Соленая вода раз-
моешъ шѣла ваши, несчастные пла-
вашели!

Дафнисъ. Или алчные кишѣ
поглотяшъ ихъ.

Палемонъ. Или хищныя пти-
цы исклюуютъ ихъ на берегу не-
обитаемомъ.

Дафнисъ. Ахъ! для чего не
остались вы дома? —

Палемонъ. Дафнисъ! Даф-
нисъ! . . . мы могли имъ завидо-
вать?

Дафнисъ. Ахъ, Палемонъ! ку-
да мнѣ скрыться отъ своей совѣ-
сти! Принесемъ богамъ покаянiе.

Палемонъ. Просните насъ, милосердые боги, чѣмъ мы хоща на минушу были недовольны нашею долею, и желали изъ суешнаго любопытства — погибнуть въ волнахъ!

Дафнисъ. Просните, просните насъ, милосердые боги! Впредь мы никогда не будемъ мучить себя воображеніемъ опдаленныхъ удовольствій, за которые — увы! — такъ дорого платить должно.

Палемонъ. Будемъ спокойно наслаждаться тѣми благами, которые вы намъ всякой день посылаете.

Дафнисъ. Пусть всегда ясной лучъ восходящаго солнца и сладкой поцѣлуй нѣжной Хлои прерываютъ упренный сонъ мой!

Палемонъ. Пусть всегда па-су я песпрое спядо овецъ моихъ, играю на шроспяной свирѣли, и на

душистыхъ зеленыхъ лугахъ об-
нимаюсь съ моею Филидою!

Дафнисъ. Пущь всегда буду
я утѣщеніемъ оица моего!

Палемонъ. А я радостію мо-
ей манери!

Дафнисъ. А когда у насъ бу-
душъ дѣши —

Палемонъ. Милыя дѣши —

Дафнисъ. Тогда —

Палемонъ. Тогда мы будемъ
ихъ ласкашь и цѣловашь, подобно
какъ горлица ласкаетъ и цѣлуешъ
пшеницовъ своихъ.

Дафнисъ. Мы будемъ ими
играшь и шѣшишься, пока онѣ
малы —

Палемонъ. Будемъ ихъ добру
учишь, когда онѣ выроснушь.

Дафнисъ. Скажемъ имъ: Лю-
безныя дѣши! когда вы въ ясной
полдень будете сидѣшь на высо-
комъ берегу моря, когда увидише

корабли, быстро несущіеся на бѣ-
лыхъ парусахъ; когда услышите
веселыя пѣсни плавателей —

Палемонъ. И позавидуете ихъ
участи —

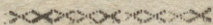
Дафнисъ. Тогда вспомните,
что неслѣдуетъ вдругъ покрыва-
ться черными тучами —

Палемонъ. Могутъ вдругъ за-
рѣзать бури —

Дафнисъ. И въ смущенной
спихіи погребены плавателей со
всеми ихъ радостными надежда-
ми. —

Палемонъ. Я чувствую хо-
лодъ. Возвращимся въ нашу хижи-
ну, любезной Дафнисъ! —

Они встали и пошли въ свою
хижину, гдѣ любовь и спокойствіе
ожидали ихъ.

ФРОЛЪ СИЛИНЪ,

Благодытельной теловѣкъ ()*.

Пусть Виргиліи прославляютъ
Августовъ! Пусть краснорѣчивые
лъстецы хвалятъ великодушіе
Знаемыхъ! Я хочу хвалить Фрола
Силина, проснаго поселянина, и
хвала моя будетъ состоять въ опи-
саніи дѣлъ его, мнѣ извѣстныхъ.

По сіе время не могу я безъ
сердечнаго содроганія вспомнить
того спрашнаго года, коимъ жи-
ветъ въ памяти у Низовыхъ жи-
телей подъ именемъ голоднаго;

(*) Онъ еще живъ. Одинъ изъ
моихъ пріятелей читалъ ему
сію піесу. Доброй шпарикъ пла-
калъ, и говорилъ: я эпова не
ещю, я эпова не ещю!

ного лѣна, въ которое отъ долго-
временной засухи пожелѣвшія по-
ля орошаемы были однѣми слезами
горестныхъ поселянъ; пою осени,
въ которую, вмѣсто обыкновен-
ныхъ веселыхъ пѣсенъ, раздавались
въ селахъ сненанія и вопль оп-
чальныхъ, видящихъ пустоту въ
гумнахъ и житницахъ своихъ; и
той зимы, въ которую цѣлая се-
мейства, оставя дома свои, про-
сили милосшыни на дорогахъ, и не
смотря на вьюги и морозы, цѣлые
дни и ночи подъ открытымъ не-
бомъ на снѣгу проводили. Щады
нѣжное сердце моего Чиншапеля, не
хочу описывать ему ужасныхъ сценъ
сего времени. Я жилъ тогда въ де-
ревнѣ близъ Симбирска; былъ еще
ребенокъ, но умѣлъ уже чувство-
вать какъ большой человекъ, и
спрадалъ, видя страданіе моихъ
ближнихъ. — Въ одной изъ нашихъ

сосѣднихъ деревень жилъ — а можетъ бысть живетъ еще и теперь — Фролъ Силинъ, трудолюбивой по-селянинъ, который всегда лучше другихъ обрабатывалъ свою землю, всегда болѣе другихъ собиралъ хлѣба, и никогда не продавалъ всего, что собиралъ; почему на гумнѣ его споядо всегда нѣсколько запасныхъ скиртовъ. Пришелъ худой годъ, и всѣ жители той деревни обнищали — всѣ, кромѣ оспороженного Фрола Силина. Но оспороженность была не единственнаго его добродѣтелию. Въ то того, чтобы продаваши хлѣбъ свой по дорогой цѣнѣ, и, пользуясь случаемъ, разбогатѣвши вдругъ, онъ созвалъ бѣднѣйшихъ изъ жителей своей деревни и сказалъ имъ: „Послушайте, братья! Вамъ теперь нужда въ хлѣбѣ, а у меня его много; пойдемъ на гумно, пособице мнѣ обмолошите скирда

четыре, и возьмише себѣ, сколько
вамъ надобно на весь годъ. “Крес-
тяне осподбенѣли отъ удивленія —
ибо и въ городахъ и въ селахъ ве-
ликодушїе есть рѣдкое явленіе!
Слухъ о семъ благодѣяніи Фрола
Сидина разнесся въ окрестности.
Бѣдные изъ другихъ жинельскихъ
приходили къ нему и просили хлѣ-
ба. Доброй Фролъ называлъ ихъ
братъями своими, и ни одному не
отказывалъ. „Скоро мы раздадимъ
весь хлѣбъ свой“ — говорила ему
жена. „Богъ великъ давалъ про-
сящимъ“ — отвѣчалъ онъ. — Небо
услышало молитву бѣдныхъ, и
благословило слѣдующій годъ пло-
дородіемъ. Поселяне, одолженные
Фроломъ Сидинымъ, явились къ
своему благошворителю, и отда-
вали ему по количеству хлѣба,
которое у него взяли, и еще съ-
лихвою. „Ты спасъ насъ и дѣшей

нашихъ отъ голодной смерти, говорили они: одинъ Богъ можетъ заплачивать за швое доброе дѣло; а мы возвращаемъ съ благодарностію то, что у тебя заняли. “Мы ничего не надобно, отвѣчалъ Фролъ: у меня много новаго хлѣба. Благодарите Бога; не я, а Онъ помогъ вамъ въ нуждѣ. — Напрасно прислушались къ нему должники его., Нѣтъ, я не возьму вашего хлѣба; а когда у васъ есть лишній, такъ раздайте его тѣмъ, которые въ прошлую осень не могли обсеять полей своихъ и теперь нуждающіеся; въ нашемъ околоткѣ не мало такихъ найдется. Поможемъ имъ, и Богъ благословитъ насъ! “ — „Хорошо (сказали шронутые поселяне, проливая слезы) хорошо. Будь по швоему! Мы раздадимъ эшотъ хлѣбъ нищимъ, и скажемъ, чтобы они вмѣстѣ съ нами молились

за тебя Богу. Дѣти наши будутъ также за тебя молишься. — Фролъ вмѣстѣ съ ними плакалъ и смотрѣлъ на небо; что онъ тамъ видѣлъ — ему, а не мнѣ извѣстно.

Въ одной сосѣдней деревнѣ горѣло четырнадцать дворовъ: Фролъ Силинъ послалъ на каждой дворъ по два рубля денегъ и по кофѣ.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того горѣла другая деревня. Поселяне, лишенные почти всего имущества своего, прибѣгнули къ извѣстному великодушію Фрола Силина. На шестъ разъ не было у него денегъ. „У меня есть лишняя лошадь, сказалъ онъ: возьми-те и продайте ее.“

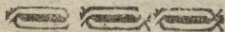
На имя господина своего купилъ онъ двухъ дѣвокъ; выростилъ имъ опускныя, содержалъ ихъ какъ дочерей своихъ, и вы-

далъ за мужъ съ хорошимъ приданымъ.

Еслили ты еще не оставилъ насъ, другъ человечества, и не переселился въ мѣръ тебя достойнѣйшій, въ мѣръ Ангельской, гдѣ рука Милости пославшиъ тебя выше многихъ Царей земныхъ: то конечно и теперь благотворишь ты ближнему, и возвышаешь небесной санъ свой! По особливому случаю, и въ опдаленіи, узналъ я дѣла твои; живучи близъ тебя, я не зналъ ихъ. Когда буду въ мѣстѣхъ, тобою украшаемыхъ, то съ благодареніемъ приближусь къ швоей хижинѣ, и поклонюсь добродѣтели въ лицѣ швоемъ. Но еслили не найду тебя живого, то велю проводить себя ко гробу швоему, и на безчувственную земаю пролью слезу чувствительности; сяду бѣлой камень, положу его на швою

могилу, и собственною рукою вырѣку на немъ слова: *Здѣсь похороненъ прижѣ благодѣтельнаго челоѣка.*

Славнѣйшая нація въ Европѣ посвятила великолѣпной храмъ (*) мужамъ великимъ, мужамъ, которые удивляли насъ своими дарованіями. Съ покрытою головою не пройду я мимо сего мѣсна; но безъ слезъ сердечныхъ не прошелъ бы я мимо храма, посвященнаго добрымъ Теніямъ человѣчества — и въ семъ храмѣ надлежало бы соорудить памятникъ Фролу Силину.

(*) Въ Лондонѣ, въ Вестминстерскомъ Аббатствѣ, посвящены монументы многимъ славнымъ Англійскимъ Авшорамъ

НЕВИННОСТЬ.

Веселіе сіяетъ въ очахъ ея. Она улыбаешся подобно утру весеннему. На высокомъ челѣ ея изображается душевный миръ и спокойствіе. Неувядаемыя розы и лиліи цвѣтутъ на ея ланипахъ. Станъ ея подобенъ прямому стеблю нѣжнаго нарцисса. Рѣзвые зефиры, вѣясь вокругъ ея, развѣваютъ на ней легкую, бѣлую одежду, и распушенными власами ея играютъ; но едва дерзаютъ они прикасаться къ дѣвственнымъ грудямъ ея, подобнымъ чистѣйшему снѣгу двухолмистой горы въ Гельвеціи (*), къ которому ничто смертное не прикасалось. Увѣчанная цвѣтами

(*) Сія гора называется *юнгферъ*, н. е. дѣвица.

Грацій, шествуетъ она бодро по землѣ благословенной; бури и мраки отъ нее удаляются; ядовитыя змѣи не смѣютъ ужалишь ноги ея; колючія травы смягчаются подъ ея ступами; Небесная благость изливается предъ нею въ лучахъ солнечныхъ.

Когда смертные повиновались гласу благодѣтельной Природы, и жили въ любви, тишинѣ и мирѣ: тогда Невинность на землѣ обитала, гуляла по лугамъ съ пасушками, играла и пѣла съ ними въ хородахъ. Но когда человѣкъ, въ гибельный часъ заблужденія, восхотѣлъ бытъ мудрѣе Природы: тогда Невинность возвратилась на небеса, въ свое отечество. Съ того времени она уже рѣдко посѣщаетъ землю, и рѣдко бываетъ видима оку смертнаго; но я видѣлъ ее — въ образѣ любезной Аглаи.

КАЛИФЪ АБДУЛ-РАМАНЪ.

Жаль, что Исторія мало говоритъ намъ о Калифѣ-Абдул-Раманѣ, которой велѣлъ написать на гробѣ своемъ, что онъ полвѣка царствовалъ и славился, а былъ щастливъ—десять дней! Какъ бы хотѣлось мнѣ чипать описаніе сихъ десяти дней!—Авторы моего опечесства! вотъ предметъ достойный вашей живописной кисти! вотъ обширное поле для вашего воображенія! Напишите мнѣ: *десять щастливыхъ дней Калифа Абдул-Рамана.*

СОФІЯ.

Драматической

отрывокъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. Добровъ, дворянинъ (человѣкъ лѣтъ вѣ шестьдесятъ).

Софія, жена его (лѣтъ двадцати пяти).

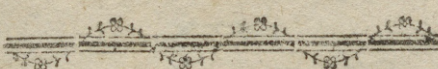
Ле-Тъень, молодой Французъ, родившійся въ Россіи.

Молодой Добровъ, племянникъ стараго Доброва.

Иванъ, слуга Софійинъ.

Анна, старая дѣвка Софійина.

Слуга ле-Тъеневъ, и люди Доброва.

С Ц Е Н А I.

ВЪ деревнѣ Доброва.

(Утро. Представляется комната. Софія сидитъ въ задумчивости подлѣ стола; на лицѣ ея примѣтны сильныя внутреннія движенія. — Наконецъ встаетъ.)

Такъ и быть! я рѣшилась. Нынѣ все скажу ему. Будь твердо, сердце мое, будь твердо: переспань пререпешать, и успокойся! — Только съ чего начашь? и какимъ голосомъ? Какимъ голосомъ сказать ему, что я — — Боже мой! — Онъ идетъ. (Входитъ Добровъ).

Добровъ (подходя къ Софіи). Ты уже совсѣмъ одѣща! Что это

значишѣ? Бывало до девяти часовъ не вставала съ постели.

Софія (цѣлуя руку его). Я во всю ночь не могла заснуть.

Добровъ (цѣлуя Софію и садясь подаѣ нее). Опѣ чего же? Здорова ли ты, другъ мой?

Софія. У меня лежишѣ нѣчто на сердцѣ. Намѣ должно изъяснишѣся — надобно все сказать — — Боже мой!

Добровъ. Софія! Софія! что съ тобою сдѣлалось? Ты блѣднѣешь — ты больна. Что такое? что? — (*Обнимаетъ ее; молчаніе*).

Софія. Пуспи меня — это пройдешѣ.

Добровъ. Понюхай чегонибудь. Гдѣ у тебя спиртѣ? ,

Софія (нюхая спиртѣ). Сядь.

Добровъ (садясь). Боже мой! какѣ я испугался! Что съ тобою сдѣлалось? Что у тебя лежишѣ

на сердце? Чѣмъ хочешь ты сказать?

Софія (стараясь ободриться). Да, надобно тебѣ все сказать. — Дай мнѣ только отдохнуть.

Добровъ. Чѣмъ такое? Выведи меня изъ смертельнаго безпокойства. Скажи, скажи! — Я не могу ничего придумать. Чѣмъ сдѣлалось? Скажи; не мучь меня!

Софія. Ради Бога, дай мнѣ собраться съ силами! Все узнаешь — узнаешь, другъ мой!

Добровъ. Боже, Боже мой! Я вѣдь себя. Чѣмъ такое? — (одушевляется). Ты сумасбродишь, сударыня! Тебѣ надобно пускать кровь. У тебя какой нибудь вздоръ въ головѣ. Чему бышь важному? Я не боюсь ничего. Мы слава, Богу, живы; впрочемъ никакое несчастіе не сразитъ меня; скажи только, что такое?

Часть I.

I

Софія. Дай мнѣ опдохнуть нѣсколько минутокъ (встаетъ). Прикажи подать чаю.

Добровѣ (встаетъ и зеваетъ. Вошедшему слугѣ). Чаю! чаю! — скорѣе!

Слуга (уходя). Слышу, сударь!

Добровѣ. Не понимаю, не понимаю. (Обнимаетъ Софію) Милой, любезной, любезной другъ мой!

Софія (садится, нюхаетъ спиртъ, и по нѣкоторомъ молчаніи, во время котораго Добровѣ держитъ ее за руку и съ нѣжною заботливостію смотритъ ей въ глаза). Сядь-ше — возьми чай. (Слугѣ, принесшему чайной приборъ). Поддай сюда; я сама спану наливать. (Слуга ставитъ чай подлѣ Софіи на столъ. Добровѣ садится напротивъ и смотритъ

на нее, не спуская глазъ. Софія на-
ливаетъ).

Добровъ. Какова шы?

Софія. Теперь лучше.

Добровъ. Ну, слава Богу! —
Лишь бы шы была здорова!

Софія (роняя на столъ чаш-
ку). Надобно скорѣе все рѣшить. —
(Слугѣ, стоящему у дверей) Выдѣ-
вонѣ.

Добровъ (схвативъ ея руку).
О другъ мой! — —

Софія (твердымъ голосомъ).
Будь мужесшвенѣ; одно слово,
одно слово

Добровъ (въ сильномъ движе-
ніи страха). О! эшо не шушка!

Софія. Десять лѣтъ мы жи-
ли вмѣстѣ; семь лѣтъ шы былъ
для меня все; послѣдніе три го-
да. . . (Смотря ему въ глаза) Ожи-
даешь ли, что я скажу тебѣ? —
Намѣ надобно разстаться.

Доброев. Разсвѣдѣлся? Намъ разсвѣдѣлся?

Софія. Непремѣнно.

Доброев. въ изумленіи). Софія! намъ разсвѣдѣлся? — Для чего?

Софія (поднявъ глаза всерьезъ). Боже мой! какая минута! — (съ рѣшительностію) Я себя недоснойна. — Ты видишь во мнѣ преслупницу, которая, предавшиясь не позволенной спрасни, въ минушю слабости забыла, что у нее есть супругъ. Знай, я люблю де-Тьеня. . . .

Доброев. (какъ громомъ пораженный). Ты? — Ныпъ! — ныпъ!

Софія. Три года сражалась я съ порочною моею склонностію, и не могла преодолѣть ее: наконецъ рѣшилась открыть себѣ свое преслупленіе и удалиться отъ

тебя навѣки. — Будь же мужес-
твенъ! (Доброєвъ блѣднѣетъ и дро-
житъ. Софія хочетъ обнять его).
Въ послѣдній разъ осмѣливаюсь...

Доброєвъ (отталкивая ее тре-
пещущею рукою). Нѣшъ — (Па-
даетъ на полъ безъ чувствъ).

Софія. Боже мой! ударъ!
ударъ! Люди! люди! (Вбѣгаютъ,
одинъ за другимъ, три челоѣка.)
Помогите! помогите! Онъ безъ
памяти. Ахъ! что дѣлать? (Лю-
ди поднимаютъ Доброва и кладутъ
его на канапе).

Одинъ изъ людей. Спирту,
сударыня, спирту; надобно ше-
реть его спиртомъ.

Софія (бросаясь къ нему, льетъ
спиртъ ему на голову). Опомнись!
опомнись!

Доброєвъ (приходя въ чувство).
А!

Софія. Другъ мой! другъ мой! — Слава Богу! — Ободришь! ободришь!

Доброевъ. Слава Богу, Софія! (Силясь встать, отъ слабости опять упадаетъ на канapé). Гдѣ силы мои? — (Людямъ) Подише вонъ. — Софія, Софія! (топкимъ и нѣжнымъ голосомъ) скажи, скажи, что это не правда! — Скажи лучше, что мы хотѣла умерить меня! — Скажи только, что это не правда, не правда!

Софія (со вздохомъ). Ты уже знаешь.

Доброевъ (съ жаромъ гнѣва). Злодѣйка! (Вскочивъ, бросается на Софію; но удержавъ свое стремленіе, садится) Что я? Боже! (поднимая глаза на небо) Боже!

Софія. Успокойся, успокойся! — Я не прошу у тебя про-

шенія; не хочу извиняшьяся передъ
побою; прошу только побережь
себя.

Добровъ (смотря на нее съ
свирѣпостію.) Побережь себя! —
Разбойникъ, произивъ ножемъ мое
сердце, просишь меня, чшобъ я
берегъ свое здоровье!

Софія. Презри меня, презри —
забудь, и успокойся!

Добровъ. И шакъ я прижи-
малъ змѣю къ моему сердцу, но
подозрѣвая ничего!

Софія. Ахъ! ешьяли бы ты
зналъ, какъ мучительны были
для меня ласки швой!

Добровъ (какъ будто бы ее не
слушая). Гдѣ были глаза швой,
снарой младенецъ?

Софія. Когда родился сынъ
мой, ты проливалъ радостныя
слезы, а я вздыхала, и сердце
мое шерзалось.

Доброе (съ ужасомъ). Твой сынъ? — Несчастной! — Неправосудное Небо! чѣмъ заслужилъ я гнѣвъ Твой? — (въ смирѣнномъ изступленіи вскочивъ и топая ногами). Гдѣ онъ? гдѣ злодѣй? — Мщеніе! мщеніе! — Въ адѣ низвергнешъ ваъ рука моя, — ваъ, гнусныя души, — себя, свѣдѣ своего пола, и злобнаго, подлаго, неблагодарнаго, адскаго выродка! Трепещи, развратная женщина! — И тамъ, въ безднахъ ада, тамъ увѣнчается любовь нѣжной чешы! Тамъ змѣиной свистъ будешь музыкою брачнаго пиршества! Тамъ Фуріи освѣщаютъ брачное ложе ваше! Тамъ . . . О! веселись, радуйся! — Опъ чего блѣднѣшь? Чего бояться? — (Шатается) Что я? — (При-
 слоняется къ столу, роняетъ его и самъ падаетъ. Два человека вбѣ-
 гаютъ на стукъ, поднимаютъ и

держатъ его.) Боже! пятгоспѣно нака-
заніе руки Твоей! — Выведи же
меня. (Люди выводятъ его. Голова
его преклоняется къ плечу. Софія
стоитъ какъ окаменѣлая; ужасъ
изображается на лицѣ ея).

Софія (по долгомъ молчаніи).
Жива ли я? — Сердце холод-
но; кровь остановилась. — Какой
спрашной голосъ! — Ободрись же,
слабая женщина! — Развѣ я эпова
не предвидѣла? Развѣ я не рѣши-
лась? Теперь и возвращишься поз-
дно, — поздно!

(Уходитъ.)

С Ц Е Н А II.

(Вечеръ. Добровѣ сидитъ на креслѣ
подлѣ раствореннаго окна и смот-
ритъ на заходящее солнце; голова
его повязана бѣлымъ платкомъ.)

Думалъ ли я, будучи про-
бужденъ упренными лучами шво-

Часть I.

К

ими, что ты освѣпишь нынѣ ужас-
нѣйшій день моей жизни? — А!
мнѣ нужна помощь Вышняго — То-
го, Кто невидимою рукою правишъ
твоимъ печеніемъ! — Не дерзаю
ропсать на Его суды — я, червь,
во прахѣ пресмыкающійся. Но слезы
мои, слезы, прахъ орошающія, не уже
ли будутъ Имъ презрѣны — Тѣмъ,
Кто слышишъ крикъ пшеницъ
безпомощныхъ? — (Слезы катят-
ся градомъ изъ глазъ его; молча-
ніе — звонишъ — выходитъ человекъ.)
Позови Софію. — Боже! Ты ви-
дишь сердце мое! — (Закрывается
платкомъ — Софія выходитъ, при-
блжается тихонько къ кресламъ и
становится противъ него. Онъ опу-
скаетъ платокъ, взглядываетъ на
нее нѣжно и подаетъ руку) Софія!...
Сядь подѣ меня!... (Молча-
ніе. Софія потупляетъ глаза въ
землю. Дѣвочка пожимаетъ ее руку.)

Ты не хочешь смотрѣть на меня, другъ мой? — Взгляни по крайней мѣрѣ на заходящее солнце: какъ тихо и пріямно капишся оно за горы! Это часъ обыкновенной прогулки нашей, ... часъ удовольствія и крошечной радости. Съ какою нѣжностію прижималась ты къ моей груди, когда я, въ пріямой вечеръ, будучи до слезъ тронутъ своимъ щастіемъ, благодарилъ Бога за все дары Его — за изобиліе — за сердце, которое и въ самой старости чудеснѣйшею къ красотамъ Его творенія — и за нѣжную супругу, подношу и утѣшеніе слабымъ дѣтямъ моимъ, снисходительную къ моимъ недосыпкамъ, тихую, любезную; — когда я описывалъ тебѣ скуку и тоску холостой жизни моей, — пустоту своихъ удовольствій, въ которыя всегда вмѣщалось горестное чув-

ство одиначества. Вспомни, какъ ты съ веселою улыбкою смотрѣла мнѣ въ глаза, когда я сравнивалъ вечера съ вечерами — вечера, въ которые бродя одинъ по рощамъ и лугамъ, повсюду носилъ я въ душѣ меланхолію; когда всякая мысль рождалась и умирала въ головѣ моей; когда сердце мое было шемницею всѣхъ чувствъ моихъ — съ вечерами, когда, гуляя съ тобою рука въ руку и обнимаясь въ объятіяхъ Натуры, сообщалъ тебѣ всѣ мысли свои, которыя возбуждали въ тебѣ новыя, взаимно мнѣ сообщаемыя — когда я въ себѣ и въ тебѣ чувствовалъ и наслаждался жизнью! — Ты все еще не хочешь поднять глазъ?... Вспомни. . . .

Софія. А! какой переходъ отъ проклятій къ нѣжности! — (Поднявъ Глаза, снова потупляетъ ихъ.)

Добровъ. Вспомни тотъ вечеръ, въ которой привелъ я тебя ко гробу моего дѣда и отца, и сквозь слезы сказалъ тебѣ: „Здѣсь плакалъ я за двѣнадцать лѣтъ передъ симъ и теперь плачу; но тогдашнія слезы лились отъ горести, а теперь отъ радости. Тогда думалъ я: здѣсь погребутъ тебя нечувствительные люди; памяшь швоя погребешься вмѣстѣ съ шобою; никто не посѣтитъ швоего гроба. Теперь думаю: здѣсь погребетъ тебя нѣжная супруга, печальная, но разсудительная — печальная, но утѣшаемая надеждою вѣчнаго соединенія въ лучшей жизни. Здѣсь, при свѣтѣ ясной души, будутъ на гробѣ швоемъ блистать слезы ея, благословляемыя швоимъ духомъ. Тутъ наконецъ будетъ покоишься и ея прахъ, и надъ гробами нашими надпишутъ: *Здѣсь*

лежатъ вѣрные супруги, которые
жизнію своею доказали, что раз-
ность лѣтъ не препятствуетъ ща-
стію супружества.“

Софія. Ради Бога! — На что
это?

Добровѣ (продолжая, и какъ
бы не слышавъ ея словъ). Ты при-
клонила голову къ моей груди; ка-
пля слезъ упала на мое сердце ----
(Останаваливается и смотритъ на
растроганную Софію).

Софія (поднимая глаза, на-
полненные слезами). Тогда была я
доспойна любви швоей; а теперь —
теперь. . . . кляни пресшупницу!
Ты имѣешь право мучить меня.
Такъ и быть! я рѣшилась все сно-
сить. Но не могу понять, какъ
можешь ты — послѣ всего, что
тебѣ открылось — говорить со
мною такимъ языкомъ.

Добровѣ. Такъ пойми же шеперь, Софія! (*встаетъ и становится передъ нею на колѣни.*)

Софія. Что? что? (*стараяся поднять его.*)

Добровѣ. Заклинаю тебя шюю любовію, кошорую ты нѣкогда ко мнѣ имѣла — а ты конечно любила меня — —

Софія. Ахъ! встань, встань!

Добровѣ. Нѣтъ, Софія! дай мнѣ прежде все выговоришь. — Заклинаю тебя законами благодарности — ихъ уважаюшъ и шѣ, кошорые презираюшъ всѣ прочіе законы — заклиная тебя всѣмъ, что ты еще можешь начинать за свяшо: избавь ошѣ поношенія старости моею — избавь ошѣ стыда сѣдую голову старца! — (*сбрасываетъ съ головы поязку.*) Смощри: эта бѣлазна предвѣщаетъ близость смерти — Софія! дай мнѣ умереть спо-

койно, и по помѣ дѣлай, что хочешь!

Софія. Вспань! сдѣлай милость, вспань! я не могу эшова вынести. И чего ты опѣ меня потребуешь?

Добровѣ. Того, чтобы ты презрѣла изверга. Я забуду преступленіе швое, забуду его какѣ женскую слабость, и буду любить тебя болѣе, нежели прежде. Свѣтъ не знаешь еще нашего несчастія; а я найду средство заснавить молчаніе злодѣя. Прости мнѣ давешнее мое изступленіе — ахѣ, Софія! ударѣ былѣ такѣ неожиданнымѣ!

Софія. Дай мнѣ другое сердце, сердце невинное и тебя достойное; тогда я останусь жить съ тобою, и мы будемѣ щасливы.

Добровѣ (сквозь слезы, и нѣжнымѣ голозомѣ). Софія! Софія!

Софія. Я недостойна эпова
голоса, Сдѣлай милоснѣ, вспанѣ.
(Поднимаетъ его.)

Добровѣ (саясь на кресла и
взяеъ ее за руку.) Ты не хочешъ
оспанѣся со мною?

Софія. Естѣли бы я и мог-
ла побѣдишь спрасѣ свою. — —

Добровѣ (сѣ жаромъ). Спрасѣ
свою! Софія! думалъ ли я когда
нибудѣ, чѣобы ты вѣ соспоянѣи
была такъ унизишься — такъ раз-
вратишься — и на моихъ глазахъ!
Излишняя увѣренносѣ ослѣпила
меня. — И такъ ты не думаешъ о
томъ, чѣо несчастной мужъ твой
будешъ посмѣшищемъ цѣлаго сѣѣ-
та, копорой обыкновенно гнушашъ
ся невѣрною жемою и шѣшишъ на
счешъ обманутаго мужа! Знай шоль-
ко, чѣо ты будешъ причиною
преждевременной смерши моей. Все
спанешъ мнѣ воспоминашъ заблуж-

деніе, на которомъ основывалъ я
щасіе свое; все будетъ терзать
меня, и жизнь моя не продолжит-
ся. Смощри, Софія! здѣсь буду я
бороться со смертію; здѣсь бу-
детъ стоять гробъ мой! (*Молча-
ніе — Софія закрываетъя платкомъ.*)
Хорошо, забудь меня, забудь; но
подумай о собщвенной судьбѣ тво-
ей. Ты надѣешься, можешь быть,
найши щасіе въ объятіяхъ тво-
его развращеннаго? Нѣтъ, Софія,
минувшіе воспорги, минувшія
изскупленія спраспи не могутъ
составить благополучія жизни на-
шей. И не уже ли ты думаешь,
что развращенной твоей любов-
никъ — (*отъ сильнаго внутренняго
движенія перерываются слова его*) —
злодѣй, копорой потубилъ тебя и ме-
ня — меня, за то, что я принялъ его
въ домъ какъ искренняго друга — Со-
фія! не уже ли ты думаешь, что онъ

можетъ любить тебя постоянно ?
Но онъ и не любитъ тебя , или
любитъ такъ , какъ любилъ онъ
тысячу презрительныхъ женщинъ.

Софія. Что со мною ни бу-
детъ , намъ надобно расстаться.
Я уже потеряла любовь твою ; я
недостойна любви твоей. Никакое
раскаяніе не можетъ мнѣ возвра-
тить ее. Тебѣ не льзя просить
меня , не льзя — —

*Добровъ (хочетъ опять бро-
ситься передъ нею на колѣни).* Со-
фія!

Софія (скачавъ со стула).
Я рѣшилась ! — Умерши меня ,
если хочешь , — или я вижу
тебя въ послѣдній разъ.

Добровъ. А ! когда такъ —
(съ жаромъ) предаю тебя судьбѣ
твоей ! — Не ожидай опъ меня
мщенія , о которомъ говорилъ я въ
первомъ безпамятствѣ. Ты почув-

спвуешь его глубоко въ сердцѣ своемъ; но не моя рука накажеть тебя. Сступай, несчастная! теперь нѣтъ у тебя супруга! (*Вставъ и стараясь казаться спокойнымъ*) Принадлежащее вамъ теперь же получише. (*Отпираетъ бюро, и вынимаетъ изъ одного ящика бумагу, а изъ другаго пакетъ съ ассигнаціями. Развертывая бумагу*) Двадцать тысячъ — вотъ онѣ. Еще проценты — — извольте взять. (*Подаетъ Софіи, которая, взявъ ассигнаціи, бросаетъ ихъ на полъ*). О! начшо эшо? Эшо ваши деньги, а деньги въ жизни нужны — вы же принуждены будете заводить новое хозяйство. (*Поднимая съ полу ассигнаціи*) Вамъ ихъ послѣ вручатъ, есѣли вы теперь не хотите взять. — (*Звонитъ — входятъ челоѣкъ*) Барыня нынѣ въ ночь ѣдетъ; вели пригошовить для нее Ан-

глѣйскую карету. Послѣ спросишь, кому она прикажетъ съ собою ѣхать. Слышишь ли? Поди. (*Слуга, взглянувъ на Софію, уходитъ.*) Теперь, сударыня, надобно вамъ сбираться. Приказывайте, повелѣвайте; все будетъ сдѣлано. Не забудьте описатьъ къ вашимъ родственникамъ, куда вы ѣдете; а я съ своей стороны увѣdomляю ихъ о благополучномъ вашемъ отъѣздѣ. — Прощайте, сударыня.

Софія (*бросаясь къ ногамъ его и рыдая*). Въ послѣдній разъ прошу тебя — забудь меня! Въ послѣдній разъ. . .

Добровѣ (*вырываясь*). Желая вамъ всякаго добра. (*Уходитъ въ кабинетъ. Софія бросается къ дверямъ, но онѣ запираетъ ихъ. — Запертъ опускается.*)

С Ц Е Н А III.

(Ночь. Комната освѣщена слабо. Софiя, въ дорожномъ платьѣ, сидитъ подлѣ стола, гдѣ горитъ свѣча. Нѣсколько минутъ молчитъ.)

Не могу забыть его голоса, его взоръ. — Ахъ! я не знала его прежде! — (Встаетъ и подходитъ къ окну.) Онъ еще неидетъ. — (Глазамъ ея представляются луга, гдѣ въ кустахъ поютъ соловьи; рѣка, и за рѣкою большая дубовая роща. Луна ясно освѣщаетъ предметы.) Какая ночь! какія мѣсяца! (Беретъ со стола свѣчу, ставитъ ее на каминъ, стоящій близъ окна; садится, играетъ фантази, поглядывая въ окно: по томъ развертываетъ нотную книгу, играетъ томную мелодiю и поетъ тихимъ голосомъ:)

мѣста пріятныя , простите!

Увы! я здѣсь съ послѣдній разъ.
Слезу изъ сердца съ даръ примите! —
Навѣки осталяю васъ.

Сокроюсь я въ лѣсахъ дремучихъ ,
Среди пустынь , песковъ сыпучихъ ,
И буду тамъ во мракѣ жить ,
Подъ тѣнью древнихъ соснъ бро-
дить.

мѣста пріятныя , простите! и пр.
(Перестаетъ играть и сидитъ нѣ-
сколько времени съ задумчивости;
по томъ встаетъ.) Ночь проходишь;
звѣзды блистающъ слабо; луна
скрывается; показывается заря —
а его нѣтъ. (Ставитъ опять себѣ
на столъ, садится, опираетъ стоя-
щій на столъ ларчикъ, и находитъ
портретъ Доброва.) А! шы здѣсь!
Вонъ! вонъ! (кидаетъ его на зем-
лю, и по томъ опять подымаетъ.)
Прости мнѣ! (кладетъ его на столъ.)
Осцавайся здѣсь.

Ле-Тьень (подъ окномъ). Софїя!

Софїя (подбѣгая къ окну). Другъ мой! — Войди, войди! двери оппершы.

Ле-Тьень (входитъ изъ саду въ боковую дверь. *Софїя* бросается въ его объятія). Все гошово?

Софїя. Все рѣшено, и я предаюсь тебѣ. О другъ мой! чпо мнѣ надлежало вышерпѣть! — Удалимся, оставимъ, забудемъ все!

Ле-Тьень. Софїя! еспьли бы могъ я изъяснить тебѣ, какъ шро-нуло меня письмо швое — —

Софїя. Начпо изъясненіе? я чувствую. — Теперь шы для меня все, все! Тамъ, во шьмѣ Брянскихъ лѣсовъ, будемъ жить другъ для друга; тамъ будетъ и гробъ мой.

Ле-Тьень. Еспьли все гошово, поѣдемъ.

Софія. Поѣдемъ! — (Смотря на него съ нѣжностію) Теперь шы меня любишь — я эшо вижу, знаю — но есшьли когда нибудь перемѣнишься, когда нибудь перестанешь любишь меня — —

Ле-Тъень. Я?

Софія. Чшо со мною будешъ?

Ле-Тъень. Какая мысль! —

Софія! (беретъ ея руку и цѣлуетъ.)

Софія! (взглянувъ на него со слезами). Вспомни шогда, чѣмъ я тебѣ пожертвовала, и люби меня хошя изъ благодарности!

Ле-Тъень. Клянусь тебѣ всѣмъ, чшо есшь свяшо, клянусь — —

Софія (съ улыбкою и сквозь слезы). Любишь меня?

Ле-Тъень. Любишь себя болѣе всего на свѣшѣ.

Софія. Другъ мой! сердце любишь и не любишь иногда противъ воли нашей.

Ле-Тьень. Я не достоинъ буду жить ни одной минушы, ежели перестану любить тебя.

Софія (обнимая его). Побѣдемъ!

Ле-Тьень. Коляска моя спойтъ въ полуверстѣ отсюда — я тамъ буду тебя дожидаться.

Софія. Хорошо.

Ле-Тьень. Прости же!

Софія. Не говори никогда *прости* — это слово для меня страшно.

Ле-Тьень. О Софія! (цѣлуетъ ея руку и уходитъ.)

Софія (проводитъ его глазами, задумывается; молчитъ нѣсколько минутъ, и становится на колѣни) Боже мой! (дрожащимъ голосомъ, поднявъ глаза и руки вверхъ) Боже! я дерзаю молишь Тебя! — Ниспошли миръ въ сердце оскорбленнаго мною супруга! Утѣшь, успокой его! — Услышь

сердечную молишву мою, Отецъ милосердый! — (*Встаетъ и беретъ ларчикъ.*) Я уже никогда не возвращусь сюда, никогда, никогда! (*Уходитъ.*)

С Ц Е Н А IV.

*Въ Софїиной деревнѣ среди
Брянскихъ лѣсовъ.*

(*Анна, старая дѣвка, сязетъ чулокъ; Иванъ, старой слуга, топтитъ печь.*)

Анна. Смогри же, Иванъ, на-
топи горницу по салѣ. Барыня
все зябнетъ; да и у меня руки
корчашся, шакъ чшо чулокъ мой
не спорился. Кажется еще и Октя-
бря нѣтъ, а холодъ не на шутку.

Иванъ. Да, Аннушка, пришлось
мнѣ подъ старость шопить горни-
цы. Плачься Богу, а слезы вода.

Анна. Куда какъ ты нѣженъ!

Иванъ. Дорога честь, Аннушка. У барина было мнѣ не таково жишъ. Ты знаешь, какъ онъ меня жаловалъ. Только было мнѣ и дѣла, что варить чай да кофе. Правду говоряшъ, что время переходчиво.

Анна. Всѣ мы это говоримъ, другъ мой, да что дѣлать!

Иванъ. Коли бы я не боялся грѣха - - -

Анна. Ну, что жъ бы ты сдѣлалъ?

Иванъ. Только бы и жишъ - -

Анна. Кому?

Иванъ. Тому, кто вчера посулилъ мнѣ, старику, пощечину, за то, что я не хотѣлъ самъ принести дровъ.

Анна. Пришлось терпѣть. Мы служимъ не ему, а барынѣ.

Иванъ. Бѣдная, бѣдная барыня! Всякое воскресенье ставлю я свѣчу Николаю Чудотворцу, и

молю святова Угодника, чтобы онъ спасъ ея душу.

Анна. Она погубила себя.

Иванъ. Злодѣй ввелъ ее въ смертной грѣхъ. Пословица говоритъ: у бабы волосъ дологъ, да умъ коротокъ. Она развѣся уши его слушала - -

Анна. Знаешь ли, Иванъ, что я думаю? Ужь не приворошилъ ли онъ ее къ себѣ какими нибудь кореньями?

Иванъ. Не кореньями, а гладкими словами. Лихо разъ поддашь-ся Сатанѣ, а то не увидишь, какъ очутишься въ аду.

Анна. Пресвятая Богородица помилуй ее!

Иванъ. Ты молись за нее, а онъ шепчетъ ей въ уши: нѣтъ ни Святыхъ, ни Богоматери!

Анна. Меня по кожѣ подираетъ.

Иванъ. Какъ бы ты послушала, чпо онъ ей однажды за сшоломъ говорилъ!

Анна. А чпо?

Иванъ. Чпо! Всего я не понималъ; а знаю шолько, чпо онъ училъ ее Французской вѣрѣ.

Анна (съ ужасомъ). Французской вѣрѣ!

Иванъ. У меня сердце обмерло.

Анна. Вошъ дочего мы дожили! Скоро будемъ пресшавленіе свѣшна.

Иванъ. Эшова никто знашь не можетъ, Аннушка.

Анна. Да когда ужъ жены отъ мужей уходяшь, шакъ чево ожидашь доброва!

Иванъ. Вѣдь эшо бывало и въ спарые годы, Аннушка.

Анна. Барыня кличетъ меня:
(Уходитъ).

Иванъ. Пойми - было посмотришь, не ушла ли и моя жена.
(Уходитъ.)

СЦЕНА V.

(Софія и Ле-Тьень входятъ.)

Ле-Тьень. Твое подозрѣніе оскорбляетъ меня.

Софія. Оскорбляетъ тебя? Въ самомъ дѣлѣ?

Ле-Тьень. Я не знаю, какъ мнѣ говорить; какъ изъяснить тебѣ, что я чувствую.

Софія. О! ты умѣлъ говорить, умѣлъ изъясниться тогда, когда въ восторгахъ умираешь на груди моей. Трепетаніе сердца, огненные глаза, томные вздохи — все, все было краснорѣчивымъ выраженіемъ любви истинной. А теперь, когда сердце швое отъ любви ушумилось; когда

ласки швои спали холодны и при-
нужденны; когда въ глазахъ шво-
ихъ видно мертвое равнодушїе, и
скука заспавляешъ тебя взды-
хашъ: ты ищешь словъ, — гово-
ришь языкомъ: *я люблю тебя,*
Софія! а голосъ швой, взоръ швой,
сердце швое говоришь: *я уже не*
люблю тебя, Софія!

Ле-Тъень. Ты меня мучишь!

Софія. Проспи меня, другъ
мой, что я прогаю чувствитель-
ное швое сердце!

Ле-Тъень. Оно конечно чув-
ствительно; оно любитъ тебя и
погда, когда ты мучишь его.

Софія. Много великодушїя!

Ле-Тъень. Я скажу только
одно, Софія. Для чего бѣ мнѣ жить
здѣсь въ мрачномъ уединенїи, въ
этой темницѣ непреходимыхъ лѣ-
совъ, есшлыбы я не предпочиталъ
тебя всему на свѣтѣ? Ты знаешь,

какъ я любилъ городскія веселья, шумныя забавы и многочисленныя общеснва; однимъ словомъ, какъ я привязанъ былъ къ свѣту, теперь мною ославленному, забытому для себя, для любви. . . .

Софія. Ты хочешь упрекать меня эшою жершвою?

Де-Тьень. Не упрекать, а доказать, какъ я тебя люблю.

Софія. Благодарна! Чувствую все, что ты для меня сдѣлалъ и дѣлаешь; чувствую опять и то, что я для тебя ничего не сдѣлала, и ничѣмъ тебѣ не пожертвовала. Супругъ, благодѣтель мой, другъ мой, честь, доброе имя, спокойствіе совѣсти — все это ничего не значитъ. Такъ ли, другъ мой?

Де-Тьень. Я въ твоей любви не сомнѣваюсь, Софія.

Софія. А я въ твоей сомнѣваюсь? Даже и тогда, когда ты

предлагаешь мнѣ такія убѣдительныя доказательства? Какая несправедливосць! — И такъ ты все еще любишь меня, пошому что все еще живешь со мною въ этой скучной деревнѣ? А если бы ты пересталъ любить?

Ле-Тьенъ. Тогда бы — —

Софія. Что бы тогда?

Ле-Тьенъ. Тогда бы я оставилъ тебя, Софія.

Софія (съ жаромъ). Ты бы оставилъ меня? Ты бы оставилъ меня? Меня бѣдную, слабую женщину, которая жила и дышала тобою! Когда бы я не могла уже возбуждать въ тебѣ новыхъ пріятныхъ чувствъ, ты бы оставилъ меня, такъ какъ бросаешь игрушку, когда она уже не забавляетъ насъ? — Ты бы меня оставилъ? — Послушай: я женщина, однако жъ

у меня есть сердце: (съ сирѣпостію) бойся меня! (Уходитъ)

Ле-Тьень. Я въ самомъ дѣлѣ боюсь тебя. — Какъ можно теперь ее любишь? Надобно поскорѣе отъ нее отдѣлаться. (Задумывается — потихоньку отворяются двери — Параша выглядываетъ.) А, Параша! Поди, поди сюда! (Обнимаетъ ее и сажаетъ къ себѣ на колѣни)

Параша. Чѣмъ насъ не увидѣли!

Ле-Тьень. Не бойся, дурочка.

Параша. Что у васъ было съ барынею? Она очень сердита, и заперлась въ спальнѣ

Ле-Тьень. Бѣсится.

Параша. Правда, что она очень бѣшена. Какъ ты можешь жить съ нею такъ долго?

Ле-Тьень (лаская ее). Твои червеныя глазки меня за все награждаютъ. Какъ ты мила!

Параша. Ахъпецъ!

Ле-Тьень. Посмотришь въ зеркало, ешьли мнѣ не вѣришь —
смотри. . . .

Параша. Ай! ай! идушъ! идушъ! (Вырывается и бѣжитъ сонъ. Анна выходитъ и осматривается.)

Ле-Тьень. Чего ты ищешь?

Анна. Книги, сударь, кошорую барыня чипать изволишъ.

Ле-Тьень. Вотъ она. (Уходитъ.)

Анна (смотря за нимъ съ съѣдъ). Хорошо! хорошо! Я не хочу жива быть, ешьли барыня рано или поздно этова не свѣдешъ. — О мущины, мущины! (Уходитъ).

С Ц Е Н А VI.

Въ деревнѣ Доброва.

(Представляется комната Доброу
лежитъ на постелѣ; племянникъ
его сидитъ подлѣ него и держитъ
его руку.)

Доброу. Нѣтъ, другъ мой!
я чувствую конецъ свой. Не ду-
май, чѣмъ смерть была спрашна
для меня — нѣтъ! я желалъ ее,
такъ, какъ можешь желать смер-
ти Христїянинъ. (Со вздохомъ)
Послѣ того, что я вытерпѣлъ —
Боже, Боже мой!

Молодой Доброу. Дядюшка!
дядюшка!

Доброу. Стыдись плакать! —
Другъ мой! лей слезы при рожде-
нїи младенца, котораго въ океанѣ
мїра ожидающъ бури и вихри; не
видя тихой конецъ спарда, про-
спирающаго нестерпимыя обѣ-

ашія къ вѣчности, гдѣ надѣется онъ собрать сладкіе плоды съ горькихъ слезъ здѣшней жизни — другъ мой! радуйся и желай, что бы конецъ твой былъ подобенъ его концу.

Молод. Доброѣ. Чего вы требуете? — Мысль о вѣчной разлуки съ вами — —

Доброѣ. Вѣчной? — Нѣтъ, другъ мой! я надѣюсь съ тобой увидѣться. — Живи — помни меня — (чувствительной молодой чело-вѣкъ со слезами цѣлуетъ его руку) — помни, что я расстался съ тобой въ надеждѣ радостнаго свиданія. Доброѣ сердце твое скажетъ тебѣ все прочее. — Приподыми меня. — Хорошо. — Теперь выслушай мою послѣднюю просьбу, которую конечно ты исполнишь (пожимаетъ его руку).

Моя Доброзь Дядюшка! можете ли вы просить меня!

Доброзь. Ты знаешь несчастную; я никогда не говорилъ о ней, оплакивая въ тишинѣ судьбу ея. Закрывъ глаза мои, спѣши къ ней; скажи ей, что я давно просилъ ее; что при последнемъ моемъ концѣ не желалъ я ничего такъ сердечно, какъ ея блага; что блаженствомъ будущей жизни не могу совершенно наслаждаться, если бы участь будущая не была несчастна. О если бы ты могъ пронуть, могъ размягчить то сердце, которое нечувствительно было къ моей просьбѣ! Правда, что я думалъ тогда болѣе о свѣтѣ, нежели о Богѣ — теперь думаю иначе. Да будущій твой голосъ подобенъ гласу увѣщающаго Ангела! Влей раскаяніе и утѣшеніе въ душу, столь мнѣ любезную! Обрати ее къ Богу, къ

Богу! — Ты закрываешься — дай мнѣ обнять тебя. (*Молчаніе.*) Такъ ты исполнишь мою просьбу?

Мол. Добровъ. Я скажу все то, что вы мнѣ приказываете; но позвольте мнѣ надѣяться, что я еще не лишаюсь васъ!

Добровъ. Другъ мой! естъ-либъ можно было повелѣвать Настурю! — Я умираю спокойно. — Начинаю слабѣть — — Положи меня. — Нѣтъ, позови сюда людей, естъли они хощають со мною проснишься. — Мнѣ пошню — пошню — (*Молодой Добровъ поддерживаетъ его клонящуюся голову*) — Дай — дай — мнѣ опдохнуть. (*Вздыхаетъ нѣсколько разъ тяжело, и опять подымается*) — Теперь позови ихъ. (*Мол. Добровъ выходитъ.*) — Боже! и такъ приближается часъ мой! — (*Погружается въ забвеніе.* *Мол. Добровъ возвра-*

щается, становится на колѣни подлѣ постели и беретъ руку его. Пришедшіе съ нимъ люди также становятся на колѣни; горестъ видна на лицахъ ихъ.)

Доброзъ (приходя въ себя.) Ты здѣсь? — И вы здѣсь? — Друзья мои! просните, просните, есѣли я иногда былъ противъ васъ несправедливъ! (Люди плачутъ.)

Одинъ изъ людей. Ты былъ ошецъ нашъ!

Другой. Ты былъ намъ дороже отца и матери!

Третій. Мы бы рады были умереть за тебя!

Доброзъ. Благодарю васъ. Просните, друзья мои! Возъ вашъ господинъ (указывая на племянника) — любите его. — Обнимите меня. (Люди цѣлуютъ его руки и рыдаютъ.) Просните! — просните! (Занавѣсъ опускается.)

С Ц Е Н А VII.

Въ Софїиной деревнѣ.

(Представляется комната. Софія входитъ и бросается на кресла.)

Какая шоска! какое мученіе! —
Вездѣ мрачность, вездѣ шма;
нѣтъ свѣта для души моей! —
Боже мой! — Но я не могу молишь-
ся; въ сердцѣ моемъ нѣтъ ни вѣры,
ни надежды. Чшо со мною бу-
детъ? — Разумъ мой мѣшается;
сердце мое наполняется адскою зло-
бою. — Ужасно! ужасно! — Куда
скрышья? *(Уходитъ.)*

С Ц Е Н А VIII.

Входитъ Анна; за нею Иванъ.)

Иванъ. Я не знаю, надобно ли
это сказать барынѣ.

Анна. Непремѣнно.

Иванъ. Да какъ же ты ска-
жешь?

Анна. Я ужъ знаю.

Иванъ. Чшо съ нею будетъ!
Она и шакъ почти какъ сумасшедшая.

Анна. Не бойся; она отъ эшова лучше въ себя придетъ.

Иванъ. Какъ бы она мапушка приказала намъ раздѣлаться съ нимъ, шакъ мы бы дали ему себя знать!

Анна. Ужъ долго пили мы отъ него горькую чашу; теперь полно. — Присматривай же ты, Иванъ, за его людьми; а я пойду къ барынѣ.

Иванъ. Хорошо, Аннушка.
(Уходятъ въ разные стороны)

СЦЕНА IX.

(Ночь. Комната освѣщена слабо. Софія поспѣшно входитъ; волосы ея распущены, платье въ безпорядкѣ, лице блѣдно; дикая сѣрбпость видна чѣея въ зорахъ.)

Ты меня оставишь хочешь? Хочешь меня оставишь, и смѣешься надо мною? — Смѣйся! — Скоро самъ ты будешь посмѣянїемъ ада! — Злодѣй! ты почувствуешь силу руки моей! Запрепещетъ внутренность твоя, запрепещетъ, и звѣрское сердце твое распадется отъ удара моего! — Гдѣ ты, орудіе моего мщенїя, гдѣ? (Вынимаетъ изъ кармана большой ножъ.) Я умѣю владѣть шобою. — (Бьютъ часы.) Это часъ его смерти!

(Уходитъ.)

СЦЕНА X.

(*Ясень — осенняя ночь. Сады.*)

Ле-Тьень (слугѣ). Подѣвжай-
те съ коляскою къ заднимъ две-
рямъ сада; я пошчасъ выду.

Слуга. Слышу, сударь.

Ле-Тьень. Ну, поди! (*Слуга
хочетъ идти.*) — Поспой! — Чпо
это? Слышишь ли?

Слуга (*испугавшись*). Нѣтъ —
нѣтъ, сударь; я ничего не слышу.

Ле-Тьень. Мнѣ слышалось,
что кто-то спонетъ.

Слуга. Я ничего не слыхалъ.

(*Слуга уходитъ.*)

Ле-Тьень. Я наконецъ бо-
юсь, чшобы и мнѣ съ ума не
сойши. Двѣ ночи сряду видѣлъ
я страшные сны, а теперь мнѣ
уже наяву чудится. Сумасше-
ствіе заразительно; каждой дикой
взоръ ея возбуждаетъ въ душѣ

моей какойнибудь ужасной образъ. Миѣбѣ давно надобно было уѣхать отсюда. — Поѣдемъ, поѣдемъ! Выпреная Параша разсѣетъ дорогою мрачныя мысли мои, которыя противъ воли приходять миѣ въ голову. — Спранны и непонятны дѣйствія души нашей! Прѣхавъ въ Москву, сплану чинать Философовъ, чѣобы лучше узнать само-го себя. — (*Щупаетъ съ карманѣ*) Тушѣ ли деньги? Въ эшомѣ пакетѣ было у нее, кажется, десять тысячъ; иной взялъ бы и брилліанты, а я не дошронуся до нихъ: довольно честности! (*Садится на лавку и задумывается. — Прибѣгаетъ Параша, осматривается и бросается къ нему на шею.*) А! наконецъ явилась.

Параша. Я насилу могла разспаться съ машушкою. Миѣ спало такъ грустно, такъ грустно!

Ле-Тьень. Полно, дурочка! не говори мнѣ о грусти. (Обнимаетъ ее. *Софія* показывается изъ алей, бросается на ле-Тьеня, и ранитъ его ножемъ въ шею)

Софія. Злодѣй!

Параша. Ай! ай! (убѣгаетъ)

Ле-Тьень. Чудовище! (Хочетъ схватить ее за руки, но она успѣваетъ еще ранить его въ грудь).

Софія. Умри! умри! (бросаетъ ножъ и уходитъ.)

Ле-Тьень. Убійца! — Люди! — люди! — Никто не слышитъ. (Хватается за дерево.) Слабѣю — кровь льется. (Хочетъ идти, но въ двухъ шагахъ отъ дерева падаетъ.) Нѣтъ силъ! — Я зарѣзанъ! — Не уже ли пришелъ конецъ мой? — Это кровь — я весь въ крови. — (Силится встать, но не можетъ, и опять падаетъ на землю.) Нѣтъ! — И такъ надобно

умерешь, умерешь! — И такъ внезапно! такъ скоро! — (*Зажимаетъ рукою рану въ груди.*) Уймись, горячая кровь! — Она льется изъ сердца. — Я дрожу — въ глазахъ темнѣетъ — не вижу ни неба, ни звѣздъ. — Всему ли конецъ? — Умри же! (*Валется по песку — смертныя конвульсіи — занавѣсъ опускается.*)

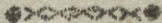
С Ц Е Н А XI.

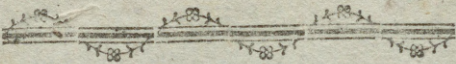
(*Бурная осенняя ночь. Лѣсъ по берегу рѣки. Софія бродитъ въ сумасшествіи по лѣсу.*)

Бурные вѣтры! разорвите черныя облака неба, чѣобы моря пролилися на землю и смыли съ меня огненную кровь! — Все во мнѣ перегорѣло! — Въ жилахъ моихъ тѣчетъ пламя! — Моря, пролейтесь! — — Кшо, кшо свисшишъ

миѢ въ уши? Черная, большая пѣнь.
Какъ спрашно! — Кшо клянешъ
меня? — Это голосъ моего супру-
га. Обманщикъ! ты увѣрялъ, что
онъ простилъ меня! — Моря, про-
лейшесь! Кровь палишъ меня. —
Громы! заглушите свиснѣ черной
пѣни и прокляшѣ моего супруга! —
Гдѣ я? — Въ аду? — И умерешъ
не лзя? Спрашно! спрашно! —
(Подходитъ къ рѣкѣ) Вода! вода!
(Бросается въ рѣку и утопаетъ).

Н О Ч Ь.

Явился , прекрасное свѣшило ночи, явился на лазурномъ сводѣ, и пролей серебряные лучи свои на шихую долину! Разсѣй ночныя тѣни и страхъ любезной Хлои, идущей къ своему другу, — да не боишься она ни звѣря хищнаго , коварно спрежущаго своей добычи, ни тернія колючаго, шаящагося во мракѣ!

Криспальный ручеекъ, рѣзво пекущій по зеленому лугу, и шонкою пѣною своихъ маленькихъ волнъ окропляющій голубые цвѣточки и мягкую травку красивыхъ бережковъ своихъ! журчи, шуми въ изгибахъ блестящихъ, и будь веселымъ вождемъ любезной Хлои, идущей къ своему другу! Здѣсь,

на муравѣ орошенной, дожидается онѣ прихода ея.

Дышите, дышите ароматами, фѳіолі ночныя! Цвѣтушія древа! пишайте воздухъ своими сладкими испареніями! Каждая травка курись благовоніемъ! я жду моей любезной.

Пой не умолкая, первѣйшій изъ пѣвцовъ крылатыхъ! Изъ шона въ шонѣ да возвышавшися пѣснь швоя! Безмолвныя рощи внимающѣ тебѣ: да услышишѣ тебя моя любезная, и волшебныя шрели швои да привлекушѣ ея въ мои отверстыя обѣщанія!

Ночь тиха и прекрасна, подобно шой, въ которую цѣломуудренная Діана на горѣ Карійской узрѣла въ первый разъ нѣжнаго Эндиміона, въ сладкомъ снѣ погруженнаго, и ощутивъ въ сердцѣ своемъ жаръ любви, дошолъ ей ве-

извѣстный, ниспустилась съ вы-
сошы небесной, и дѣвспвенными
успами своими поцѣловала щасп-
ливаго юношу.

Взоры мои обѣмлюшѢ все
проспранспво долины. ТамѢ, на
опдаленномѢ холмикѢ, за пальмо-
вой рошей, чернѣтся хижина доб-
раго Акаспа, вѢ копорой спранни-
ки находятѢ опдохновеніе, бѣдные
помощь, печальные опраду. ТамѢ
сѣдой спарецѢ, Небу любезный,
провождаетѢ щаспливые дни свои
среди дѣшей, вѢ добродѣтели ему
подобныхѢ. Теперь покойной сонѢ
смыкаетѢ его вѣжди, и вѢ свѣт-
лой душѢ его, опѢ чувспвенныхѢ
узѢ освобожденной, созерцающся
поля Елисейскія, поля блаженспва
со всѣми радоспиями, копорыя нѣ-
когда будутѢ наградою правопы
его.

Тамъ, въ шемной зелени вы-
сокихъ елей, бѣлѣлся памятникъ
вещасной Филлиды. Она была
прекрасна; но гордясь своимъ без-
спрастїемъ, презирала любовь, и
никогда не наслаждался ея красою.
Печально цвѣла юность ея, подоб-
но розѣ, въ пустынѣ расшустей:
восходящѣ румяная заря, и видя
горестное уединенїе алой царицы,
лїетъ слезы сожалѣнїя на нѣжные
листочки ея; увянешъ роза, и
спранныкъ скажетъ: *начто цвѣ-
ла она въ пустынѣ?* Увяла ве-
щасная Филлида, и паспухъ, бро-
сая цвѣшокъ на ея могилу, сказалъ:
начто цвѣла она? Засверкали
слезы въ глазахъ его; онъ вздох-
нулъ, и тихими шагами пошелъ
онъ сего мѣста, преклоня голову
къ спѣсенной груди своей. Пе-
чальное воспоминанїе!

Тамъ, между миртами, возвышается олтарь, Любви посвященный, на кошоромъ никогда не увядающъ вѣнки, щаспливыми любовниками на него полагаемые. Тамъ въ первый разъ увидѣлъ я Хлою; тамъ въ первый разъ отъ спраснаго взора моего расцвѣли розы любви на лилейныхъ щекахъ ея; тамъ въ первый разъ. . . Но я слышу тихой шорохъ въ кустахъ лавровыхъ — Хлоя! . . . Нѣтъ, это бѣлой кроликъ, зефиромъ пробужденный. Но скоро она будетъ: зефиръ всегда вѣетъ передъ нею.

Высоко взошелъ ясный мѣсяцъ; свѣтло блистаетъ журчащій ручей въ своемъ теченіи; деревья, цвѣшны и правы изливаютъ свою амброзію; громко поетъ соловей на вѣшви розмаринной. -- Сердце мое бьется; я смотрю и слушаю -- шорохъ приближается -- раздѣляютъ

ся вѣшѣви — вечерняя роса обли-
ваетъ меня — и Хлоя въ моихъ
объятіяхъ.

Радость, восхищеніе, сла-
досное безмолвіе — руки наши
сплелися — уста слипаются —
я прижимаю Хлою къ горячей
груди моей — чувствую пре-
нешъ ся — густой мракъ по-
крываетъ мои глаза — тонкое
пламя лѣется изъ нервы въ
верву — ноги мои подгибаются —
я плаваю, уношаю въ сладо-
стяхъ — забываю самого себя —
душа моя соединяется съ душою
Хлои — замираетъ — и мы ли-
шаемся чувства . . . Но богъ
любви, копорой невидимо но-
сился надъ нами, ниспустился, и
свѣщильникомъ своимъ зажегъ во
внутренности нашей потухшій
огонь жизни — тяжелый вздохъ
вылетѣлъ изъ моего сердца, изъ

ея сердца, и мы пришли въ себя — Купидонъ улыбулся, и воспарилъ на вершину Олимпа.

Хлоя устремляетъ на меня томный взоръ свой; двѣ слезы ка-
паясь изъ глазъ ея; она опуска-
етъ голову на грудь мою — легкой
въперокъ провѣваетъ ея русые воло-
сы — мирры осыпающъ насъ млеч-
нымъ цвѣтомъ своимъ — душа
моя освѣжается — упихаетъ вол-
неніе въ крови моей — сердце
покойно и весело — я обнимаю Хлою,
пишаю взоры свои опкрытыми ея
прелесциями, и благословляю Лю-
бовь всемогущую.

Любовь, Любовь, причина и
цѣль жизни нашей! блаженъ, удо-
стоенный твоихъ благодѣяній! Бла-
женъ, кто въ цвѣтущихъ лѣтахъ
своихъ находить себѣ нѣжную по-
другу, шобою украшенную! Бла-
женъ, кто вкушаетъ всю сладость,

изливаемую побою на жизнь смерт-
ныхъ! Блаженъ. . . . Но сонъ при-
касается ко мнѣ маковымъ сплѣ-
демъ своимъ, и я засыпаю вмѣстѣ
съ моею любезною — крылашья
мечшы шумяшъ надо мною, и го-
товяшъ мнѣ новыя прїяшности.

ДЕРЕВНЯ.

Благословляю васъ, мирныя сельскія шѣни, густыя, кудрявыя рощи, душистые луга, и поля, злачными класами покрытыя! Благословляю тебя, крошкая рѣчка, и васъ, журчащiе ручейки, въ нее текущiе! Я пришелъ къ вамъ искашь отдохновенiя.

Давно уже душа моя не наслаждалась такою тишиною, такимъ совершеннымъ уединенiемъ, такою совершенною свободою. Я одинъ — одинъ съ своими мыслями — одинъ съ Натурою.

Какъ мила Природа къ деревенской одеждѣ своей! Ахъ! она воспоминаетъ мнѣ лѣта моего младенчества, — лѣта, проведенныя

мною въ пишинѣ сельской, на краю Европы, среди народовъ варварскихъ. Тамъ воспылывался духъ мой въ простотѣ естественной; великіе феномены Натуръ были первымъ предметомъ его вниманія. Ударъ грома, скапавшійся надъ моею головою съ небеснаго свода, сообщилъ мнѣ первое понятіе о величествѣ Міроправителя; и сей ударъ былъ основаніемъ моей Религіи. — —

Вижу садъ, алеи, цвѣтники — иду мимо ихъ — сенистая роща для меня привлекательнѣе. Въ деревнѣ всякое искусство пропитано. Луга, лѣсъ, рѣка, буеракъ, холмъ, лучше Французскихъ и Англійскихъ садовъ. Всѣ сіи маленькія дорожки, пескомъ усыпанныя, обсаженные березками и липками, производятъ во мнѣ какое-то пропитанное чувство. Гдѣ видны трудъ

и работа, шамъ нѣшъ для меня удовольствія. Дерево пересаженное, обрѣзанное, подобно невольнику съ золотою цѣпью. Мнѣ кажется, что оно не такъ и зеленѣетъ, не такъ и шумитъ въ вѣяніи вѣтра, какъ лѣсное. Я сравниваю его съ такимъ человѣкомъ, который смѣется безъ радости, плачетъ безъ печали, ласкается безъ любви. Нашура лучше нашего знаетъ, гдѣ расти дубу, вязу, липѣ; человѣкъ мудритъ и портитъ.

Нѣшъ, нѣшъ! я никогда не буду украшать Природы. Деревня моя должна быть деревнею — пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличиваетъ духъ мой. Реци мои будутъ цѣлы — пустынь заростають онѣ высокою травой! Пастушка пойдетъ искать заблудшейся овцы своей, и положишь мнѣ шопинку. Къ тому

же я люблю преодола́вашъ запру-
дненія — люблю продира́ться сквозь
чащу к у с т а р н и к а и раздѣляшъ
сросші́йся вѣшви. Ядови́шая змѣя
услыши́тъ шорохъ и удали́тся отъ
ноги мое́й. Листья, къ которымъ
дыханіе человѣческое рѣдко прика-
сается, свѣжѣе и бальзамичнѣе.

Не хочу я имѣть въ деревнѣ
большаго, высокаго дому; всякая
огромность про́тивна сельской про-
стои́нѣ. Домикъ какъ хижина, ни-
зенькой, со всѣхъ сторонъ осы́ня-
емый деревьями — жилище прохла-
ды и свѣжести — вотъ чего же-
лаю! Не будешь виду изъ оконъ —
правда — но его и не надобно. Есть-
ли я, сидя въ своей комна́тѣ, вижу
прекрасныя ландша́фты, то мнѣ
не такъ скоро захочется иными гу-
лять. Нѣтъ, гораздо лучше смо-
трѣть на нихъ съ какого нибудь
холма. Да и какъ улыбу́тся пе-

редо мною долины и пригорки, когда я взгляну на нихъ, вышедши изъ моего сумрачнаго жилища! Въ комнатахъ надобно только опдыхать или работать, а наслаждаться въ полѣ.

*

*

*

День мой.

И человекъ просыпается сіи торжественные часы утра, когда бѣлыя облака на позлащенныхъ хребтахъ своихъ выносятъ изъ безднъ океана свѣтлозарнаго жениха Нашуры, привѣщиваемаго громкими хорами живаго творенія! — Молчу, и поклоняюсь! — Удивительно ли, что младенцы человечества, чада дикой Природы, просподушные народы древности обожали сіе великолѣпное свѣтило, на все жизнь и свѣтъ изливающее?

Оно есть покровъ и одежда невидимаго Божества.

Какая свѣжестъ въ воздухѣ! Моря благоуханій волнуется между небомъ и землею, какъ между двумя берегами, раздѣленными великимъ пространствомъ.

Уже спада разсыпаются вокругъ холмовъ; уже блистаютъ косы на лугахъ зеленыхъ; поющей жаворонокъ вълетѣлъ надъ трудящимся поселяниномъ — и нѣжная Лавинія приговариваетъ зазвѣръ своему Палемону.

Гуляю среди полей разноцвѣтныхъ. Здѣсь серебрился распылъ Азии; тамъ желтѣетъ колосистая рожь; шумѣ зеленѣетъ ячмень съ острыми иглами своими. Живописецъ! кисть твоя никогда не изобразитъ всѣхъ оцѣнокъ сей прекрасной картины!

Возвращаюсь въ свое тихое жилище. Стаканъ густыхъ, желтыхъ сливокъ ожидаетъ меня: какъ они прѣшны послѣ утренней прогулки! — Теперь перебираю книги свои; нахожу Томсона — иду съ нимъ въ рошу, и чишаю — кладу книгу подлѣ малиноваго кусточка, смопю на высокѣя дерева, на густую зелень вѣтвей, копорая, при мерцающемъ свѣтѣ солнца, изъ тѣни въ тѣнь переливается; слушаю разногласный шумъ листьевъ, слышу отличный отъ городского, Парижскаго, Лондонскаго шуму — погружаюсь въ задумчивость, и пошомъ снова берусь за книгу.

Время лешитъ, и часы мои показываютъ полдень. Выхожу изъ роши — солнце льетъ на меня пламя — вѣтерокъ не дышетъ — серебрящіяся листочки осинника не колеблются, легкое перо лежитъ на

муравѣ неподвижно — василекѣ повѣсилѣ свою головку; песнрая Сильфидѣ опдыхаешѣ на немѣ. Все молчишѣ, кромѣ спѣрекозы, сидящей подѣ томною шравкою — пчела сѣ сладкимѣ запасомѣ своимѣ сокрылась вѣ улей — селянинѣ поклонился на бальзамической шравѣ, имѣ скошенной. Рѣчка журчитѣ и манишѣ меня кѣ берегамѣ своимѣ — подхожу — ея спруи прельщаютѣ, влекушѣ меня — не могу прошивишѣ сему влеченію, и бросаюсь вѣ текущій кристаллѣ. Двѣ ивы сплетаютѣ надо мною зеленую бесѣдку — лучь солнечный едва, едва проницаешѣ сквозь кровѣ ея, и неспришѣ осѣненную воду. Прохлада освѣжаетѣ мое сердце. . . . Ахѣ! тошѣ не знаешѣ одного изѣ живѣвшихѣ чувствѣнныхѣ удовольствій, кно вѣ жаркое время никогда вѣ дѣкѣ не купался!

Обѣдъ мой готовъ — два блю-
да, самыя пресныя, соснавяющъ
его. — Сажусь подъ шѣнію вяза,
растущаго противъ самыхъ оконъ
моихъ; читаю Ла-Фонтена, Грес-
сета — книга изъ рукъ моихъ вы-
падаетъ, и шонкая дремоша на
мѣсколько минушъ покрываетъ гла-
за мои флеромъ — зефиръ свѣваетъ
его — пробуждаюсь, и чувствую
легкой жаръ въ моей внутренно-
сти — услужливой садовникъ при-
носитъ мнѣ корзинку съ благово-
ною малиною. . . . Какъ пріятны,
освѣжительны сіи сочныя плоды
щедрой Натуры! Ахъ! можно ли
не любить ее за все то, чѣмъ она
шѣшитъ и нѣжитъ человѣка!

Жаръ проходишъ — иду на
дугъ ботанизировашъ, какъ ма-
ленькой Коммерсонъ — люблюсь
справками и цвѣточками — разма-
шриваю ихъ шонкія жилочки, зуб-

чашыя краешки, песпренъкіе лис-
точки, будно бы изъ тончайша-
го шелка сошканные, шо гладкіе,
шо пушистые — удивляюсь разне-
душистымъ испареніямъ, разнесой-
ственнымъ сокамъ, варимымъ въ
цвѣточныхъ чашечкахъ искусною
Природою — удивляюсь тонкимъ
сосудамъ, въ которыхъ сїи пипа-
тельные соки обращающяся, и ко-
торые втягивають во внутрен-
ность растѣія живительный воз-
духъ. Срываю — и каждую шравку,
каждый цвѣточикъ бережно завер-
шиваю въ особливую бумажку. Воз-
вращаясь въ свою комнату, разби-
раю, кладу ихъ на солнце, и не
будучи многоучеымъ Ботани-
стомъ, на каждое растѣіе пишу
краткія примѣчанія. На примѣръ:
„ Сїи бѣлые цвѣточки съ желтою
„ оппѣшкою, на гладкомъ, темно-
„ зеленомъ, сочномъ стеблѣ, прѣдш-

„ны для глазъ, но еще прїятнѣе
 „для обонянїя. Когда сокроешься
 „дневное свѣтило и вечернїй мракъ
 „спуснился въ пространствѣ воз-
 „духа, поди въ темную рошу:
 „тамъ нервы твои запрепещутъ
 „опъ небеснаго благоуханїя, и
 „ты въ сладостномъ упоенїи
 „чувствъ воскликнешь: *Ангелъ*
 „на крылахъ ночи спустился съ
 „рошу! Нѣтъ! сїе благоуханїе из-
 „ливается изъ нѣжныхъ колоколь-
 „чиковъ, которые бѣлѣются въ
 „тусмой травѣ, и которые по спра-
 „ведливости называются *красотою*
 „ночи. “

Я слышу свирѣль паслуха —
 стадо возвращается въ деревню,
 и каждая овечка находитъ дворъ
 свой; но селянинъ еще не возвра-
 тился съ поля. — Какъ прїятенъ
 чай на чистомъ воздухѣ! Вечернїе
 ароматы льются ко мнѣ въ чашку.

Но я спѣшу видѣть конецъ лучезарнаго дня — спѣшу на высокой песчаной берегъ излучистой рѣчки. Тамъ обширной гладкой лугъ предсавляеяся глазамъ моимъ — и за симъ лугомъ, по свѣшлomu небу, капиыя вечернее солнце, въ шихомъ велелѣпїи и въ крошкѣмъ величесшвѣ. Уже достигаешъ оно до вращъ запада — мердаешъ за тонкимъ, златоволнующимся облакомъ — расноплаетъ его лучами — являеяся снова во всей полношѣ своей — бросаешъ на земаю блескъ и сїянїе — и скрывается. Вечерняя заря алѣешъ шеперь на западѣ. — Такъ мудрый и добродѣшельный мужъ, коцораго жизнь была благошворнымъ свѣшилѣмъ для нравшвенныхъ сущесшвѣ, собрашїй его, шихо и великолѣпно приближаешся къ дѣли своего шеченїя. Пылкое

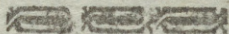
воображеніе съ лѣтами прохлаждае­
дается, но разумъ не померкнетъ и
на западѣ жизни; спокойное вели­
честіе блистаетъ на челѣ мудра­
го и въ самое же время, когда
мрачная могила передъ нимъ раз­
верзается; послѣдній ясный взоръ
его есть послѣднее благодѣяніе для
человѣчества. Онъ скрывается, но
память его сіяетъ въ мірѣ какъ
заря вечерняя. — Я преклоняю ко­
лѣна. Всемогушій! сердце мое Те­
бѣ открыто: исполни его желаніе,
достойное человѣка!

Величественная ночь несется
на черныхъ орлахъ своихъ; ея
темная манія развѣвается по воз­
духу, и все на землѣ засыпаетъ.

Я одинъ иду по тихой равни­
нѣ, въ молчаніи, въ глубокой за­
думчивости. Но вдругъ душа моя
содрогается отъ внезапнаго блеска
одненихъ лучей. Смотрию на вос­

шочное небо — шамъ въ сизыхъ
лучахъ блистаетъ молнія, и освѣ-
щаетъ передо мною развалины спа-
рой церкви и густою нравою за-
росшія могилы. Съ другой спо-
роны восходитъ свѣтлая луна;
небо вокругъ ее чисто. — Такъ
мракъ и свѣтъ, порокъ и добро-
дѣтель, буря и спокойствіе, скорбь
и радость, совокупно владычеству-
ютъ въ нашемъ мірѣ!

НОВЫЙ ГОДЪ.

Любезная Аглая! къ тебѣ спѣшу я
въ сію минушу — спѣшу со всеѣмъ
пламенемъ чистѣйшаго дружества
прижать тебя къ моему сердцу,
напечатлѣвъ огненный поцѣлуй на
устахъ твоихъ, и сказать тебѣ:
„Милая Аглая! поздравляю тебя
съ новымъ годомъ!“

Ты молчишь, прекрасная . . .
пожимаешь руку мою, и слезы бли-
стаютъ въ черныхъ глазахъ тво-
ихъ . . . Ахъ! онѣ каплютъ, кап-
лютъ на мое сердце, подобно пер-
ламъ небеснаго дождя, падающимъ
сквозь солнце; бѣлой флеръ поды-
маешься на груди твоей.

Сердца наши разумѣютъ другъ
друга. Наступающій годъ не воз-

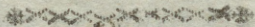
вращишѣ тебѣ того, чего лиши-
лась ты въ прошедшемъ!

О естли бы всемогущій рокъ
поручилъ мнѣ на время свой ски-
петръ! Тогда, прекрасная, тогда
бы жизнь твоя была подобна лучу
солнечному, все озаряющему, и
ничѣмъ не помрачаемому! Но, увы!
я не могу воскресить Изидора!
Могу только плакать вмѣстѣ съ
тобою вошѣ слезы мои!

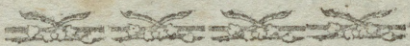
Теперь пушистая зима осы-
пала снѣгами своими хладную зем-
лю, и сокрыла отъ глазъ нашихъ
могилу любезнаго; но когда при-
детъ благословенная весна, и снявъ
съ полей снѣжные покровы, разспе-
летъ повсюду зеленые ковры свои:
тогда, любезная Аглая, пойдемъ
мы къ тому мѣсту, гдѣ лежишъ
прахъ незабвеннаго друга нашего.
Тамъ ладкогласной соловей, пѣснь

отъ гроба Орфеева (*), воспоемъ тебѣ нѣжную, утѣшительную пѣснь свою; тамъ каждая возникающая травка, и каждый благовонный цвѣточикъ скажетъ тебѣ: *въ темныхъ нѣдрахъ земли таилась жизнь моя!* Мысль о безсмертіи возсіяетъ въ душѣ твоей — и ты увидишь Изидора, проспирающаго къ тебѣ свои обѣщанія изъ спранныхъ отцовъ нашихъ.

(*) Извѣстно, что на Орфеевомъ гробѣ пѣлъ соловей пріятнѣе, нежели гдѣ нибудь.

ПОСВЯЩЕНІЕ КУЩИ.

Прекрасная, вѣчноюная, многообразная, крылатая богиня, цвѣтущая *Фантазія*! сію мрачную, уединенную, безмолвную кущу, — окропляемую пѣннстымъ ручьемъ, съ гранитнаго утеса низпадающимъ, — посвящаю тебѣ, божественная!

Здѣсь, удалясь отъ всего міра, буду я сидѣть въ молчаніи, и съироническимъ пренебреженіемъ сердца внимать шуму приближающагося твоего полета. Во всякомъ образѣ будешь мнѣ пріятна: тогда ли, когда, одѣянная покровомъ златоцвѣтнымъ, предстанешь мнѣ съ солнечнымъ лицомъ шоржесивующей Добродѣтели; или, увѣчанная благовонны-

ми миртами и подпираясь лилей-
нымъ сѣблемъ, явившися въ обра-
зѣ нѣжноудыбающейся Горы (*);
или когда въ вихрѣ и бурѣ, съ
власами распущенными, съ лицомъ
блѣднымъ, съ очами огненными,
съ обнаженною грудью, примчишь-
ся отъ снѣжной вершины сѣдаго
Кавказа, гдѣ внимаешь ты воплю
окованнаго Прометей (**), хищною
пшицею безпрестанно шерзаемаго,

(*) Римская богиня красоты.

(**) Прометей, какъ извѣстно,
былъ сынъ Титана Япета. Юпи-
теръ, озлобясь на него за то,
что онъ образовалъ богамъ по-
добнаго человека, велѣлъ при-
ковать его къ Кавказу, и по-
слалъ къ нему коршуна, кошо-
рой безпрестанно шерзалъ его пе-
чень. Сей жестокой языческой
богъ забылъ, что Прометей по-
могалъ ему мудрыми совѣтами
во время войны съ Титанами.

и бѣспѣ съ Океанидами (*) кля-
нушаго жестоко снѣ безчеловѣчнаго,
неблагодарнаго Юлишера; или ког-
да, вѣ тишину ночную, вѣ видѣ
сѣшующей Нѣобы (**), медленно
низпустишѣся на гробѣ моего Ага-
шона, спящаго сномѣ смершнымѣ
предѣ отверстѣемѣ сей куши, и
опершишѣ на хладной камень, луною
освѣщаемый, воззришѣ на меня оч-
ми слезящими, и тихою рукою
разсыплешѣ по могилаѣ двѣны пе-
чальнаго воспоминанѣя, анемоны съ
гѣациншами (**).

(*) Дочери Океановы, бравшія уча-
стѣе вѣ жалосшной судьбѣ Про-
меша.

(**) Сѣ пруга Амфѣонова: Когда
Аполлонѣ и Дѣана умершвили дѣ-
тей ея, то она о смерши ихѣ
столько печалилась, что на-
конецѣ превратилась вѣ камень.

(***) Анемонѣ напоминаетѣ не-
щасшную кончину Адонисову, а

Благодѣшная богиня, уиѣ-
шишельница человѣковъ! ты сни-
маешь цѣпи съ невольника, на Аф-
риканскомъ берегу спенающаго, и
на быстрыхъ крыльяхъ своихъ пе-
реносишь его въ дражайшее опече-
шво, въ нѣдра милаго семейства;
ты прикосновеніемъ розовыхъ пер-
стовъ своихъ превращаешь свинцо-
вое бремя жизни въ легкое, зефи-
ромъ несомое перо, и Гиметскимъ
медомъ (*) услаждаешь горесны
слезъ, преливаемыхъ сиротою; ты,
единымъ махомъ крыла своего, воз-
носишь послѣдняго изъ насѣуховъ
на тронъ царскій, и предъ павели-

гїаціишъ безвременную смерть
любимца Аполлонова, называв-
шагося симъ именемъ.

(*) Гиметской медъ починался у
древнихъ Грековъ самымъ луч-
шимъ. Пчелы горы Гимета пи-
тали Юпитера въ его младенче-
ствѣ.

цельнымъ взоромъ его преклоняешь
выю двѣхъ народовъ.

Но кто исчислишь твои обра-
зы? Кто исчислишь твои дѣй-
ствія, храмовъ и оларей до-
стойная?

Сія уединенная куца (ибо ты
любилъ уединеніе) да будетъ хра-
момъ твоимъ, усладительница
моей жизни, цвѣтущая Фантазія!

РАЙСКАЯ ПТИЧКА.

Благочестивый старецъ, провождавшій святыя дни свои въ мирномъ монастырѣ, пошелъ однажды въ лѣсъ собирать смоквы для брашеской шрапезы. Предавшись священнымъ своимъ размышленіямъ, зашелъ онъ далеко въ мрачную гушину лѣса, гдѣ нога смертнаго дошолъ не бывала, и куда самыя звѣри заходить не дерзали. Вдругъ слухъ его плѣняется пѣніемъ птички. Онъ слушаетъ, восхищается, забываетъ самого себя, забываетъ вселенную, и стоитъ неподвижно какъ мраморъ. Летитъ время, и не смѣетъ прикоснуться къ нему крылами своими; не смѣетъ пре-

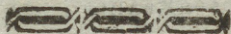
рвать его вниманія: ибо оно было подобно вниманію *обчужденныхъ* жителей неба. Наконецъ ппичка умолкла, и благочестивый спаредъ пошелъ обратно въ свою обитель. Приходишь, и видишь — другія снѣны, другую церковь, другія кельи и другихъ монаховъ; — не вѣришь глазамъ своимъ, идешь къ начальнику монастырскому, и въ изумленіи вопрошаешь его: „Скажи, ошедъ преподобный! скажи, какое чудо преобразило сію обитель? За нѣсколько часовъ передъ симъ я вышелъ изъ нее, и теперь нахожу все иное.“ — Мы себя не знаемъ, пришедецъ! ошвыспивовалъ начальникъ. — Спаредъ рассказываетъ исторію монастыря своего — именуешь своего Архимандриша. „Изъ древнихъ лѣтописей нашей обители извѣстно мнѣ все нубою повѣстнуемое, ска-

залъ сѣ удивленіемъ начальникъ:
извѣстно мнѣ и самое имя сего
Архимандрита; но онъ жилъ за
тысячу лѣтъ передъ симъ. “ —
„Теперь небесный лучъ освѣщаетъ
счи мои!“ воскликнулъ спарецъ
по глубокомъ размышленіи и видъ
его привелъ въ трепетъ всѣхъ
присутствующихъ, ибо въ немъ
было нѣчто божественное — „Бра-
шнѣя! я слышалъ пѣніе райской
птички, и не чувствовалъ тыся-
чи лѣтъ!“ — Тупъ хочетъ онъ
изъяснить сладость сего пѣнія; но
языкъ его тупѣетъ, взоръ его
меркнетъ — онъ падаетъ, и свя-
тая душа вылетаетъ изъ тѣлѣн-
наго нѣбла. На камнѣ, покрываю-
щемъ могилу его, вырѣзаны сѣи
слова: онъ слышалъ пѣніе райской
птички, и не чувствовалъ тысячу
лѣтъ.

Любезная Аглая! я также не
чувствую времени, когда внимаю
твоему пѣнію!

НАТАЛЬЯ,

Боярская дочь.

Кто изъ насъ не любилъ тѣхъ временъ, когда Рускіе были Рускими; когда они въ собственное свое платье наряжались, ходили своею походкою, жили по своему обычаю, говорили своимъ языкомъ и по своему сердцу, то есть говорили такъ, какъ думали? По крайней мѣрѣ я люблю сѣи времена; люблю на быстрыхъ крыльяхъ воображенія летать въ ихъ опдаленную мрачность, подъ сѣнію давно-исчлѣвшихъ вязовъ искать брадашыхъ моихъ предковъ, бесѣдовать съ ними о приключеніяхъ древности, о характерѣ славнаго народа Рускаго

и съ нѣжностію цѣловашь ручки у
моихъ прабабушекъ, которыя не
могутъ насмотрѣться на св его
почтишельнаго правнука, не мо-
гутъ наговориться со мною (ибо
женщины, а особливо старыя, во
всякія времена бывали говорливы)
и не могутъ надивиться моему раз-
уму, потому что я, рассуждая
съ ними о старыхъ и новыхъ мо-
дахъ, всегда оцѣню преимуще-
ствъ ихъ подкапкамъ и шубейкамъ пе-
редъ нынѣшними bonnets à la . . . и
всеми Галло-Албійскими наряда-
ми, блистающими на Московскихъ
красавицахъ въ концѣ осьмого-
надесяти вѣка. Такимъ образомъ
(конечно понятнымъ для всѣхъ чи-
сташелей) старая Русь извѣстна
мнѣ болѣе, нежели многимъ изъ
моихъ согражданъ; и еслили урю-
мая Парка еще нѣсколько лѣтъ не
перерѣжетъ жизненной моей нити,

но наконецъ не найду я и мѣста
въ головѣ своей для всѣхъ анекдо-
товъ и повѣстей, рассказываемыхъ
мнѣ жителями прошедшихъ спо-
лѣтій. Чтобы облегчить не много
грузъ моей памяти, намѣренъ я
сообщить любезнымъ читателямъ
одну былъ или исторію, слышан-
ную мною въ области шѣней, въ
црствѣ воображенія, отъ бабушки
и его дѣдушки, которая въ свое
время почиала съ весьма краснорѣ-
чивою, и почти всякой вечеръ ска-
зывала сказки Царицѣ Н. Н. Толь-
ко спрашусь безобразить повѣсть
ея; боюсь, чтобы спарушка не при-
мчалась на облакѣ съ того свѣта и
не наказала меня собственноруч-
но клюкою своею за худое ритор-
ство. Ахъ нѣтъ! просни безразсуд-
ность мою, великодушная шѣнь —
ты неудобна къ такому дѣлу! Въ
самой земной жизни своей была ты

смирна и незлобна какъ юная овсч-
ка; рука швоя не умершвила здѣ и
ни комара, ни мушки, и бабочка
всегда покойно оплдыхала на носу
швомъ: и пакъ возможно ли, чпо-
бы шеперь, когда шь плаваешь
въ морѣ неописаннаго блаженства,
и дышишь чистѣйшимъ эфиромъ
неба — возможно ли, чпобы рука
швоя поднялась на швоего покорнаго
праправнука? Нѣтъ! шь дозволишь
ему безречияшвенно упражнянъ
ся въ похвальномъ ремеслѣ мараши
бумагу, взводишь небылицы на жи-
выхъ и мершвыхъ, испыываешь
шершнѣе своихъ чипашелей, и на-
конецъ, подобно вѣчно-зѣваю дему
богу Морфею, низвергаешь ихъ — на
мягкіе диваны и погружаешь въ гау-
бокой сонъ Ахъ! въ самую сію
минушю я вижу необыкновенной
свышъ въ шемномъ моемъ коридо-
рѣ, вижу огненные круги, кондорые

вершающа сѣ блескомъ и сѣ пре-
скомъ, и наконецъ — о чудо! —
являюща мнѣ швой образъ, сбразъ
неописанной красоты, неописаннаго
величества! Очи швой сіяюща какъ
солнцы; уста швой албюша какъ
заря ушрення, какъ вершины снѣж-
ныхъ горъ при восходѣ дневнаго
свѣшила — пы улыбаешься, какъ
юное швореніе въ первый день бы-
тія своего улыбалось — и въ воспор-
гъ слышу я сладко-гремящія
слова швой: „продолжай, любезной
мой праправнукъ!“ Такъ, я буду
продолжать, буду; и вооружась пе-
ромъ моимъ, мужественно начер-
таю исторію *Наталли*, бояр-
ской дочери, исторію, которую,
какъ выше сказано, слышалъ я отъ
тебя въ царствѣ швей. — Но пре-
жде должно мнѣ опдохнуть; вос-
шоргъ, въ которой привело меня яв-
леніе пра-прабабушки, утомила ду-

шевные мои силы. На нѣсколько минутъ кладу перо — и сіи написанныя строки да будутъ вступленіемъ или предисловіемъ!

*

*

*

Въ преснѣльномъ градѣ славнаго Рускаго царства, въ Москвѣ бѣлокаменной, жилъ Бояринъ Машвѣй Андреевъ, человекъ богатой, умной, вѣрной слуга Царской, и, по обычаю Рускихъ, великой хлѣбосолъ. Онъ владелъ многими помѣстьями, и былъ не обидчикомъ, а покровителемъ и заступникомъ своихъ бѣдныхъ сосѣдей, — чему въ наши просвѣщенные времена можетъ быть не всякой повѣрить, но что въ старину совсѣмъ не почиталось рѣдкостію. Царь называлъ его правымъ глазомъ своимъ, и правой глазъ никогда Царя не обманывалъ. Когда ему надлежало

разбиратьъ какую нибудь важную
 тяжбу, онъ призывалъ къ себѣ въ
 помощь Боярина Матвѣя, и Боя-
 ринъ Матвѣй, кладя чистую ру-
 ку на чистое сердце, говорилъ:
сей правъ (не по шакому-то
 указу, соспоявшемуся въ шакомъ-
 то году, но) *по моей совѣсти;*
сей виноватъ по моей совѣсти —
 и совѣсти его была всегда согласна
 съ правдою и съ совѣстію Царскою.
 Дѣло рѣшилось безъ замедленія:
 правой подымалъ на небо слезя-
 щее око благодарности, указы-
 вая руку на добраго Государя и
 добраго Боярина; а виноватой бѣ-
 жалъ въ густые лѣса, сокрывъ
 стыдъ свой отъ челоуковъ.

Еще не можемъ мы умолчать
 объ одномъ похвальномъ обыкнове-
 ніи Боярина Матвѣя, обыкновеніи,
 которое доселѣ подражанія во
 всякомъ вѣкѣ и во всякомъ цар-

спивѣ; а именно, каждой двана-
десятой праздникъ поспавлялись
длинные сполы въ его горницахъ,
чистыми скапершми накрышые,
и Бояринѣ, сидя на лавкѣ подлѣ
высокихъ ворошѣ своихъ, звалъ къ
себѣ обѣдаль всѣхъ мимоходящихъ
бѣдныхъ (*) людей, сколько ихъ
могло помѣститься въ жилищѣ бо-
ярскомѣ; по томѣ, собравъ полное
число, возвращался въ домѣ, и
указавъ мѣсто каждому гостю,
садился самѣ между ими. Тутѣ
въ одну минуу являлись на спо-
лахъ полныя чаши и блюда, и
ароматической парѣ горячаго ку-
шанья какѣ бѣлое тонкое облако
вися надъ головами обѣдающихъ.
Между шѣмѣ хозяинѣ ласково бесѣ-
довалъ съ гостями, узнавалъ ихъ
нужды, подавалъ имѣ хороше

(*) Въ истинѣ сего увѣрялъ меня
не одинѣ старой человекѣ.

совѣны, предлагалъ свои услуги, и наконецъ веселился съ ними какъ съ друзьями. Такъ въ древнѣя Папирѣархальныя времена, когда въ кѣтъ человѣческой былъ не сшоль крашокъ, почтенными сѣдинами украшенный спарецъ насыщался земными благами со многочисленнымъ своимъ семействомъ — смотрѣлъ вокругъ себя, и видя на всякомъ лицѣ, во всякомъ взорѣ живое изображеніе любви и радости, восхищался въ душѣ своей. — Послѣ обѣда всѣ немощіе браться, наполнивъ виномъ свои чарки, восклицали въ одинъ голосъ: *Доброй, доброй боляринъ и отецъ нашъ! мы пьемъ за твое здоровье! Сколько капель въ нашихъ чаркахъ, столько лѣтъ жизни благополучно.* Они пили, и благодарныя слезы ихъ капали на бѣлую скатерть.

Таковъ былъ Бояринъ Маш-
вѣй, вѣрной слуга Царской, вѣрной
другъ человѣчества. Уже минуло
ему шестидесятъ лѣтъ; уже кровь
медленнѣе обращалась въ жилахъ
его; уже шихое пренежаніе сердца
возвѣщало наступленіе жизненнаго
вечера и приближеніе ночи — но
доброму ли бояшья сего гуспаго,
непроницаемаго мрака, въ кошоромъ
теряются дни человѣческіе? Ему
ли спрашивья сего тѣнистаго
пути, когда съ нимъ доброе серд-
це его, когда съ нимъ добрыя дѣ-
ла его? Онъ идетъ впередъ без-
препятно, наслаждается послѣдни-
ми лучами заходящаго свѣтила,
обращаетъ покойнѣй взоръ на про-
шедшее, и съ радостнымъ — хоща-
щимъ, но не менѣе того радост-
нымъ предчувствіемъ — заноситъ
ногу въ оную неизвѣстность. —
Любовь народная, милость Царская

были наградою добродѣтелей ~~опа~~-
раго Боярина ; но вънцемъ его ща-
спія, перломъ его радостей была
любезная Нашалья, единственная
дочь его. Уже давно оплакалъ онъ
мать ея, которая заснула вѣчнымъ
сномъ въ его объятіяхъ; но кипа-
рисы супружеской любви покры-
лись цвѣтами любви родитель-
ской — въ юной Нашаль увидѣлъ
онъ новой образъ умершей, и, вмѣ-
сто горькихъ слезъ печали, возсія-
ли въ глазахъ его сладкія слезы
нѣжности. Много цвѣтовъ въ полѣ,
въ рощахъ и на лугахъ зеленыхъ;
но нѣтъ подобнаго розѣ; роза всѣхъ
прекраснѣе: много было красавицъ
въ Москвѣ бѣлокаменной, ибо цар-
ство Руское искони почиалось жи-
лищемъ красоты и пріятностей;
но никакая красавица не могла срав-
няться съ Нашальею — Нашалья
была всѣхъ прелестнѣе. Пустычи-

шапель воображитъ себѣ бѣлизну
Италіанскаго мрамора и Кавказска-
го снѣга: онъ все еще не воображитъ
бѣлизны лица ся — и представя
себѣ цвѣтъ Зефировой любовницы,
все еще не будетъ имѣть совер-
шеннаго понятія объ алоści щекъ
Напалливыхъ. Я боюсь продолжашь
сравненіе, чтобы не наскучить
читателю повтореніемъ извѣстна-
го; ибо въ наше роскошное время
весьма испоѣнился магазинъ пѣиши-
ческихъ уподобленій красоны, и
не одинъ писатель съ досады ку-
саетъ перо свое, мѣща и не находя
новыхъ. Довольно знашь и того,
что Боярская дочь моглабъ быть
образцомъ Діоней для живописца,
или четвертою Грацією, и что
видя ее у обѣдни, самые богомоль-
ные спарики забывали класъ зем-
ные поклоны, и самыя приспра-
шныя манеры отдавали ей пре-

имущество передъ своими дочерями. Сократъ говорилъ, что красота иблесная бываетъ всегда изображеніемъ душевной. Намъ должно повѣрить Сократу, ибо онъ былъ впервыхъ искуснымъ ваятелемъ, (слѣдственно зналъ принадлежності красоте иблесной) а ввѣро-рыхъ мудрецомъ или любившемъ мудрости (слѣдственно зналъ хорошо красоту душевную). Да и собственные мои опыты не противорѣчаютъ сему мнѣнію, и я худовѣрю анекдоту о Лейпцигскомъ студентѣ и безобразномъ Жидѣ, разсказанному Аншономъ Валемъ въ его *Бездѣлкахъ*. Какъ бы то ни было — спорить не буду, но скажу только, что прелестная Напалля имѣла прелестную душу, была ибжна какъ горлица, невинна какъ агнецъ, мила какъ Маймѣсяцъ; однимъ словомъ, имѣла

всѣ свойства благовоспитанной дѣвушки, хотя Рускіе не читали тогда ни Локка о воспитаніи, ни Руссова Эмиля, ни Кампе, ни Вейсе, ни Морица — во первыхъ для того, что сихъ Авторовъ еще и на свѣстѣ не было, а во вторыхъ и по тому, что худо знали грамотѣ — не читали и воспитывали дѣтей своихъ, какъ Нашура воспитывалъ шрапки и дѣвочки, то естъ, поили и кормили ихъ, оставляя все прочее на произволъ Судьбы; но сія Судьба была къ нимъ милослива, и за довѣренность, которую имѣли они къ ея всемогуществу, награждала ихъ почти всегда добрыми дѣньми, утѣшеніемъ и подпорою ихъ снарыхъ дней.

Одинъ великой Психологъ, котораго имени я право не упомяну, сказалъ (или совсѣмъ не сказалъ).

Часть I.

С

что описаніе дневныхъ упражненій
человѣка есть вѣрнѣйшая характе-
ристика его сердца. По крайней
мѣрѣ я такъ думаю, и съ позво-
ленія моихъ любезныхъ чипаше-
лей опишу, какъ Нанзалья, Бояр-
ская дочь, проводила время свое
отъ восхода до заката краснаго
солнца. Лишь только первые лучи
сего великолѣпнаго свѣтила пока-
зывались изъ-за упреняго обла-
ка, изливая на тихую землю жид-
кое, неосязаемое золото: красавица
наша пробуждалась, открывала чер-
ные глаза свои, и перекрестившись
бѣлою ашласною, до нѣжнаго локтя
сбнаженною рукою, вснавала, надѣ-
вала на себя тонкое шелковое
платье, камчатную шѣлогрѣю, и
съ распушенными темнорусыми во-
лосами подходила къ круглому ок-
ну высокаго своего перема, чтобы
взглянуть на прекрасную карти-

ну оживляемой Нашуры — взглянушь на злопоглавую Москву, съ кошорой лучезарный день снималъ туманный покровъ ночи, и кошорая, подобно какой нибудь огромной птицѣ, пробужденной глазомъ ушра, въ вѣяніи вѣтерка спряхивала съ себя блестящую росу — взглянушь на Московскія окрестности, на мрачную, густую, необозримую Марьину рощу, кошорая какъ сизый, кудравый дымъ шерялась отъ глазъ въ неизмѣримомъ отдаленіи, и гдѣ жили тогда въ дикіе звѣри сѣвера; гдѣ спрашной ревъ ихъ заглушалъ мелодій птицъ поющихъ. Съ другой стороны являлись Нашалыну взору сверкающіе изгибы Москвы рѣки, двѣнущія поля и дымящіяся деревни, откуда съ веселыми пѣснями выѣзжали трудолюбивые поселяне на работы свои — поселяне, кошорые

и посѣе время ни въ чемъ не перемѣнились, такъ же одѣваются, такъ живутъ и работаютъ, какъ прежде жили и работали, и среди всѣхъ измѣненій и личинъ представляютъ намъ еще истинную Рускую физиономію. Напалья смогрѣла, опершись на окно, и чувствовала въ сердцѣ своемъ тихую радость; не умѣла краснорѣчиво хвалишь Напуры, но умѣла ею наслаждаться; молчала и думала: *какъ хороша Москва бѣлокаменная! какъ хороша ея окрестности!* Но потому не думала Напалья, что сама она въ упреніемъ своемъ нарядѣ была всего прекраснѣе. Юная кровь, разгоряченная ночными сновидѣніями, красила нѣжныя щеки ея алѣйшимъ румянцемъ; солнечные лучи играли на бѣломъ ея лицѣ, и проникая сквозь черныя, пушистыя ресницы, сіяли въ глазахъ ея свѣтлѣе,

нежели на золотѣ. Волосы, какѣ
 шемпо - кофейной бархатѣ, лежали
 на плечахѣ и на мраморной груди
 ея, открытой (но не совсемѣ) для
 вѣющаго Зефира. Иногда
 сей вѣтренной супругѣ Флоры дер-
 жалъ и даже во святилище тѣхѣ
 красотѣ, того рельефа, кошо-
 рому удивляюща въ изваянномѣ
 образѣ Медицейской Никофоры; но
 прелестная скромность, сныдась
 самаго солнца, самаго вѣтерка, са-
 мыхъ нѣмыхъ снѣгѣ, снова закалы-
 вала тонкое полотно на груди сво-
 ей. Потомѣ будила она свою няню,
 вѣрную служанку ея покойной ма-
 тери. *Вставай, мама!* говорила
 Наталья: *скоро заблаговѣстятѣ*
къ обѣдѣ. Мама вскакала, одѣ-
 валась, называла свою барышню ран-
 нею пшичкою, умывала ее ключе-
 вою водою, чесала ея длинные во-
 лосы бѣлымѣ коспьянымѣ гребнемѣ,

заплетала ихъ въ косу, и украшала голову нашей прелестницы жемчужною повязкою. Такимъ образомъ снарядившись, дожидались онѣ благовѣста, и заперевъ замкомъ свѣшлицу свою, (чтобы въ отсутствіе ихъ не закрался въ нее какой нибудь недоброй чловѣкъ) опирались къ обѣднѣ.

„Всякой день?“ спросилъ чисташель. Конечно — шakovъ былъ въ старину обычай — и развѣ зимою одна жестокая вьюга, а лѣтомъ проливной дождь съ грозою могли иногда удержатъ красную дѣвицу отъ исполненія сей набожной должности. Спановясь всегда въ уголкѣ трапезы, Нашалья молилась Богу съ усердіемъ, и между тѣмъ изъподлбья посматривала на право и на лѣво. Въ старину не было ни клововъ, ни маскарадовъ, куда нынѣ ѣздитъ себя казать и другихъ

смотрѣшь; и такъ гдѣ же, какъ
 не въ церкви могла тогда любопыш-
 ная дѣвушка поглядѣть на лю-
 дей? Послѣ обѣдни Напалья разда-
 вала всегда нѣсколько копѣекъ бѣд-
 нымъ людямъ, и приходила къ
 своему родителю, съ нѣжною лю-
 бовію поцѣловать его руку. Почтен-
 ной старикъ всегда плакалъ отъ
 радости, видя, что дочь его день
 отъ дня становилась лучше и ми-
 лѣе, и не зналъ, какъ благода-
 рить Бога за такую неоцѣненную
 даръ, за такое сокровище. Напалья
 садилась подлѣ него, или шила въ
 пальцахъ или плести кружево, или
 сучить шелкъ, или низать ожерелье.
 Нѣжной родитель хотѣлъ смотрѣть
 на работу ея, но вмѣсто того смо-
 трѣлъ на нее самое, и наслаждал-
 ся безмолвнымъ умиленіемъ. Чи-
 татель! знаешь ли ты по собствен-
 ному опыту родительскія чувства?

Еспѣли нѣтъ, то вспомни по край-
ней мѣрѣ, какѣ любовались глаза
твои песнрою гвоздичкою или бѣ-
ленькимъ ясиномъ, шобою поса-
женнымъ; съ какимъ удовольстві-
емъ разманиривалъ ты ихъ крас-
ки и шѣни, и сколь радовался мы-
слию: *это мой цѣтокъ*; я поса-
дилъ его и *выростилъ*! вспомни,
и знай, что ощу еще веселѣе
смотрѣшь на милую дочь, и
веселѣе думаешь: *она моя*! —
Послѣ Рускаго сыннаго обѣда Боя-
ринъ Машвѣй ложился ошдыхашъ,
а дочь свою съ ея мамою ошпус-
калъ гуляшъ или въ садъ, или
на большой зеленой лугъ, гдѣ нынѣ
возвышающаяся *красная сорока* съ
пирубящею Славою. Нашалъя рвала
цвѣты, любовалась летяющими ба-
бочками, пишалась благоуханіемъ
травъ, возвращалась домой весела
и покойна, и прививалась снова за

рукодѣлье. Наступалъ вечеръ — новое гулянье, новое удовольствіе; иногда же юныя подруги приходили дѣлать съ нею часы прохлады, и разговаривать о всякой всячинѣ. Самъ доброй Бояринъ Машвѣй бывалъ ихъ собесѣдникомъ, есѣли государспвенныя или нужныя домашнія дѣла не занимали его времени. Сѣдая борода его не пугала молодыхъ красавицъ; онъ умѣлъ забавлять ихъ пріятнымъ образомъ, и рассказывалъ имъ приключенія благочестиваго Князя Владимира и могучихъ богатырей Россійскихъ.

Зимою, когда не лзя было гулять ни въ саду, ни въ полѣ, Насталѣя кашалась въ саняхъ по городу, и ѣздила по вечеринкамъ, на копорыя собирались однѣ дѣвушки, шѣшились и веселились и невиннымъ образомъ сокращають время. Тамъ мамы и няни выду-

мывали для своихъ барышенъ разныя забавы; играли въ жмурки, прыгались, хоронили золопо, пѣли пѣсни, рѣзвились не нарушая благопристойности, и смѣялись безъ насмѣшекъ, шакъ что скромная и цѣломудренная дочь Фаунова, милая Дрѣада, могла бы всегда присушествовать на сихъ вечеринкахъ. Глубокая полночь разлучала дѣвушекъ, и прелестная Напалья въ объятіяхъ мрака наслаждалась покойнымъ сномъ, которымъ всегда юная невинность наслаждается.

Такъ жила Боярская дочь, и семнадцатая весна жизни ея наступила; травка зазеленѣлась, цвѣтны расцвѣли въ полѣ, жаворонки запѣли — и Напалья, сидя поутиру въ свѣтлицѣ своей подъ окномъ, смотрѣла въ садъ, гдѣ съ кусточка на кусточекъ порхали пшички, и мѣжно лобызаясь

своими маленькими носиками, пря-
тались въ густому листвѣ. Кра-
савица въ первой разѣ замѣнила,
что онѣ лежали парами — сидѣли
парами, и скрывались парами. Серд-
це ея какъ будто бы вздрогну-
ло — какъ будто бы какой нибудь
чародѣй дошронулся до него вол-
шебнымъ жезломъ своимъ — какъ
будтобы какой нибудь Месмеръ
прикоснулся къ нему магнетиче-
скимъ перстомъ! Она вздохнула —
вздохнула въ другой и въ третій
разъ — посмошрѣла вокругъ себя —
увидѣла, что съ нею никого не
было, никого, кромѣ спарой няни
(которая дремала въ углу горни-
цы на красномъ весеннемъ солныш-
кѣ) — ональ вздохнула, и вдругъ
бриллѣнная слеза сверкнула въ
правомъ глазѣ ея, — по шомъ и
въ лѣвомъ — и обѣ выкашились —
одна капнула на грудь, а другая

оспановилась на румяной щекѣ, въ маленькой нѣжной ямкѣ, копорая у милыхъ дѣвушекъ бываетъ знакомъ того, что Купидонъ цѣловалъ ихъ при рожденіи. Нашалья подгорюнилась — чувствовала нѣкопорую грусть, нѣкопорую томность въ душѣ своей; все казалось ей не такъ, все неловко; она встала и опять сѣла — наконецъ, разбудивъ свою маму, сказала ей, что сердце у нее шоскуешъ. Спарушка начала крестить милую свою барышню, и съ нѣкопорыми *набожными оговорками* (*) бранилъ того человека, копорой взглянулъ на прекрасную Нашалью не чистымъ глазомъ, или похвалилъ ея прелести нечистымъ языкомъ,

(*) На прим. *прости Господи*, и прочее тому подобное, что можно еще слышать и отъ нынѣшнихъ нянюшекъ.

не отъ чистаго сердца, не въ доброй часѣ; ибо старушка была увѣрена, что ея сглазили, и что внутренняя плеска ея происходитъ не отъ чего другаго. Ахъ, добрая старушка! хопя пы и долгожила на свѣтѣ, однакожь многова не знала; не знала, что и какъ въ нѣкопорыя лѣта начинается у чувствительныхъ красныхъ дѣвушекъ; не знала --- Но можетъ быть и читашели (если до сей минуты они все еще держатъ въ рукахъ книгу и не засыпаютъ) — можетъ быть и читашели не знаютъ, что за бѣда случилась вдругъ съ нашею Героинею; чего она искала глазами въ горницѣ, отъ чего вздыхала, плакала, грустила. Известно, что до сего времени веселилась она какъ больная пташка; что жизнь ея текла, какъ прозрачной ручейкѣ спремившися по бѣленькимъ камешкамъ

между зланныхъ, двѣпущихъ бережковъ: что жь сдѣлалось съ нею? Скромная Муза, повѣдай! — — — Съ небеснаго лазореваго свода, а можетъ бышь откуда нибудь и повыше, слетѣла какъ маленькая вшичка Колибри, порхала, порхала по чистому весеннему воздуху, и влетѣла въ Натальино нѣжное сердце — *потребность любить, любить, любить!!!* Вотъ вся загадка; вотъ причина красавициной грусти — и естъли она покажется кому нибудь изъ читателей не совсѣмъ поняшною, то пусть требуетъ онъ подробнѣйшаго изъясненія отъ любезнѣйшей ему осмнадцатилѣтней дѣвушки.

Съ сего времени Наталья^а во многомъ перемѣнилась — спала не такъ жива, не такъ рѣзва — иногда задумывалась, — и хотя попрежнему гуляла въ саду и въ

Жолѣ, хопя по прежнему проводи-
ла вечера съ подругами, но не на-
ходила ни въ чемъ прежняго удо-
вольствія. Такъ человѣкъ, вышед-
шій изъ дѣшъ дѣшсва, видишъ
игрушки, копорыя соснаваляли за-
баву его младенчества, — берешся
за нихъ, хочешъ играшъ; но чув-
свуя, что онѣ уже не веселяшъ
его, оспавляешъ ихъ совздохомъ. —
Красавица наша не умѣла самой
себѣ данъ опичеша въ своихъ но-
выхъ, смѣшенныхъ, шемныхъ чув-
ствахъ. Воображеніе предснавляло
ей чудеса. На примѣрѣ, часно ка-
залось ей, (не только во снѣ, но
даже и наяву) что передъ нею,
въ мерцаніи опдаленной зари, но-
синся какой-то образъ, прелесш-
ной, милой призракъ, копорой
манишъ ее къ себѣ Ангельскою
улыбкою, и по томъ исчезаетъ
въ воздухъ. Ахъ! восклицала

Нашалья, и простертыя руки ея медленно опускались къ землѣ. Иногда же воспаленнымъ мыслямъ ея представлялся огромный храмъ, въ которой тысячи людей, мужчинъ и женщинъ, спѣшили съ радостными лицами, держа другъ друга за руку. Нашалья хотѣла также войти въ него; но невидимая рука удерживала ее за одежду, и неизвѣстный голосъ говорилъ ей: *стой въ притворѣ храма, ни-что безъ милаго друга не выходитъ въ его внутренность.* — Она не понимала сердечныхъ своихъ движеній; не знала, какъ толковать сны свои; не разумѣла, чего желала; но живо чувствовала какой-то недосышокъ въ душѣ своей, и помилась. — Такъ, красавицы! ваша жизнь съ нѣкоторыхъ лѣтъ не можетъ быть счастлива, ешлыи печешъ она какъ уединен-

ная рѣка въ пустынѣ; а безъ милаго паспущка цѣлой свѣшъ для васъ пустыня, и веселые голоса подругъ, веселые голоса дѣвчечекъ кажутся вамъ печальными опъзывами уединенной скуки. Тщешно, обманывая самихъ себя, хоните вы пустошу души своей наполнишь чувствами дѣвической дружбы; тщешно избираете лучшую изъ подругъ своихъ въ предметъ нѣжныхъ побужденій вашего сердца! Нѣшъ, красавицы, нѣшъ! сердце ваше желаетъ чего-то другаго: оно хочетъ такого сердца, которое не приближалось бы къ нему безъ сильнаго преша; которое вмѣстѣ съ нимъ составляло бы одно чувство, нѣжное, спрашное, пламенное — а гдѣ найши его, гдѣ? Конечно не въ Дафнѣ, конечно не въ Хлоѣ, которыя вмѣстѣ съ вами могутъ только горевашъ, тайно или явно —

горевашъ и крушишься, желая и не находя того, чего вы сами ищете и не находите въ хладной дружбѣ, но что найдете — или въ прошивномъ случаѣ вся жизнь ваша будетъ безпокойнымъ, тяжелымъ сномъ — найдете въ пѣни миршовой бесѣдки, гдѣ сидишь теперь въ уныніи, въ шокѣ любезной юноша съ свѣтлоглубыми глазами, и въ печальныхъ пѣсняхъ жалуется на вашу наружную жестокость. — Любезной чинашель! прости мнѣ сѣе ошущеніе! Не одинъ Стернъ былъ рабомъ пера своего. — Обращимся снова къ нашей повѣсти.

Бабушка моего дѣдушки съ великимъ краснорѣчіемъ описывала грусть нѣжной боярской дочери, можетъ быть ошъ того, что она знала ее по собственному своему опыту; не я, покорной ея прапра-

внукъ, весьма ослабилъ копѣю сего описанія. Чувствую — но пособишь не чѣмъ — и такъ далѣе !

Бояринъ Машвѣй скоро примѣтилъ, что Напалья спала пасмурнѣе; родинельское сердце его по тревожилось. Онъ разспрашивалъ ее съ нѣжною заботливостію о причинѣ такой переменѣ, и наконецъ заключивъ, что дочь его не можетъ, отправилъ нарочнаго гонца къ спольнней шешкѣ своей, которая жила въ шемношѣ Муромскихъ лѣсовъ, собирала травы и коренья, обходилась болѣе съ волками и медвѣдями, нежели съ людьми Рускими, и прослыла естѣли не чародѣйскою, но по крайней мѣрѣ велемудрою снарушкою, искусною въ леченіи всѣхъ недуговъ человѣческихъ. Бояринъ Машвѣй описалъ ей всѣ признаки Напальиной болѣзни, и вресилъ, чтобы она посредствомъ

своего искуссва возвратила внукѣ своей здравіе, а ему старику радоешь и спокойствіе. — Успѣхъ сего посольсва остаеися въ неизвѣстности; впрочемъ нѣтъ большой нужды и знать его. Теперь должны мы приступить къ описанію важнѣйшихъ приключеній.

Время и въ старину такъ же скоро летѣло, какъ нынѣ, и между тѣмъ, какъ наша красавица вздыхала и поминалась, годъ перевернулся на оси своей; зеленые ковры весны и лѣна покрылись пушистымъ снѣгомъ; грозная царица хлада возсѣла на ледяной престолю своей, и дохнула выюгами на Русское царство; но ещѣ, зима наступила, и Напалья по своему обыкновенію пошла однажды къ обѣднѣ. Помолившись съ усердіемъ, она ненарочно обратила глаза свои къ лѣвому крылосу — и что же уви-

дѣла? Прекрасной, молодой чело-
вѣкъ, въ голубомъ кафшанѣ съ зо-
лотыми пуговицами, снюялѣ шамъ
какъ царь среди вѣѣ прочихъ
людей, и блестящій, проницатель-
ный взоръ его встрѣтился съ ея
взоромъ. Нашалъ въ одну секунду
вся покраснѣла, и сердце ея, за-
шрепешавъ сильно, сказало ей: *соть*
онъ! . . . Она пошупила глаза свои,
но не надолго; снова взглянула на
красавца, снова запыдала въ лицѣ
своемъ, и снова зашрепешала въ
своемъ сердцѣ. Ей казалось, что лю-
безной призракъ, кошорой ночью и
днемъ прельщалъ ея воображеніе,
былъ ничто иное, какъ образъ се-
го молодого челоѣка — и пошому
она смолрѣла на него какъ на сво-
его милаго знакомца. Новой свѣшъ
возсѣялъ въ душѣ ея, какъ буди-
бы пробужденной явленіемъ солнца,
но еще не пришедшей въ себя послѣ

многихъ несвязныхъ и замѣчен-
ныхъ сновидѣній, волновавшихъ
ее въ печеніе долгой ночи. „И
„такъ — думала Наспалья — и такъ
„подлинно естъ на свѣтѣ такой ми-
„лой красавецъ, такой человѣкъ, та-
„кой прелестной юноша? ... Какой
„ростъ! какая осанка! какое бѣлое,
„румяное лице! А глаза, глаза у
„него какъ молніи; я робкая боюсь
„глядѣть на нихъ. Онъ на меня
„смотришь, смотришь очень при-
„стально — даже и тогда, когда
„молился. Конечно и я знакома ему;
„можешь быть и онъ, подобно мнѣ,
„грустилъ, вздыхалъ, думалъ,
„думалъ и видѣлъ меня, — хотя
„темно, однако жъ видѣлъ, такъ
„какъ я видѣла его въ душѣ моей.“

Чишпель долженъ знать, что
мысли красныхъ дѣвушекъ быва-
ютъ очень быстры, когда въ серд-
цѣ у нихъ начинаешь ворошиться

что, чего онѣ долго не называютъ
именемъ, и что Наталья въ сіи
минуты чувствовала. Обѣдня пока-
залась ей очень коротка. Няня де-
сять разъ дергала ее за камчатную
пѣлогрѣю, и десять разъ говорила
ей: пойдѣмъ, барышня; все кон-
чилось. Но барышня все еще не
прогласилась съ мѣсна, для того что
и прекрасной незнакомецъ стоялъ
какъ вкопаной подлѣ лѣваго крыло-
са; они посматривали другъ на
друга, и тихонько вздыхали. Сія
нѣмая сцена продолжалась нѣсколь-
ко минутъ; но старая мама, по
слабости зрѣнія своего, ничего не
видала, и думала, что Наталья
чиняетъ про себя молитвы и для
того нейдетъ изъ церкви. Нако-
нецъ дьячекъ загремѣлъ ключами:
шумъ красавица опомнилась, и ви-
дя, что церковь хотѣтъ запи-
рать, пошла къ дверямъ; а за пето

и молодой человекъ — она на лѣво, онъ на право. Нашалья раза два обступилась; раза два роняла плашокъ, и должна была ворочаться назадъ; незнакомецъ оправлялъ кушакъ свой, стоялъ на одномъ мѣстѣ, смотрѣлъ — на красавицу, и все еще не надѣвалъ бобровой шапки своей, хотя на дворъ было холодно.

Нашалья пришла домой, и ни о чемъ больше не думала, какъ о молодомъ человекѣ въ голубомъ кафтанѣ съ золотыми пуговицами. Она была не печальна, однако жъ и не очень весела, подобно шакому человеку, которой наконецъ узналъ, въ чемъ состоятъ его блаженство, но имѣетъ еще слабую надежду имъ насладиться. За обѣдомъ она не ѣла, по обыкновенію всѣхъ влюбленныхъ — ибо для чего не сказать намъ прямо и просто, что Нашалья влюбилась въ незнакомца?

„ВѢ одну минушу?„ (скажетъ чиншатель:) „увидѣвъ въ первой разѢ, и не слыхавъ отъ него ни слова?„ Милоспивые государи! я рассказываю, какъ происходило самое дѣло: не сомнѣвайшесь въ испинѢ; не сомнѣвайшесь въ силѢ того взаимнаго влеченія, которое чувствуютъ два сердца, другъ для друга сошворенныя! А кпо не вѣришѢ симпатіи, пошѢ поди отъ насѢ прочѢ, и не чиншай нашей испоріи, копорая сообщается только для однѣхъ чувствительныхъ душѢ, имѣющихъ сію сладкую вѣру! —

Когда БояринѢ Машвѣй послѣ обѣда заснулъ — (не на Вольперскихъ креслахъ, шакѢ какѢ нынѣ спятъ бояре, а на широкой дубовой лавкѢ) — Напалья пошла съ нянею въ свѣшлицу свою, сѣла подѢ любимымѢ окномѢ, вынула изѢ кармана бѣлой плашокѢ, хощѣла

что-то сказать, но раздумала —
 взглянула на окончины, расписан-
 ные морозомъ — оправила жемчу-
 жную повязку на головѣ своей, и по-
 томъ, смотря себѣ на колѣни, ти-
 химъ и немного дрожащимъ голо-
 сомъ спросила у няни, каковъ по-
 казался ей молодой человекъ, быв-
 шій у обѣдни? Старушка не пони-
 мала, о комъ говоришь она. Надле-
 жало изъясниться, но легко ли это
 для спѣдливой дѣвушки? Я гово-
 рю о томъ, продолжала Напалья —
 о томъ, которой — которой былъ
 всехъ лучше. Няня все еще не по-
 нимала, и красавица принуждена
 была сказать, что онъ споялъ
 подлѣ леваго крылоса, и вышелъ
 изъ церкви за ними. „Я не при-
 мѣнила его“ — холодно ошвѣчала
 старушка, и Напалья тихонько
 пожала прекрасными своими пле-

чиками, удивляясь, какъ можно было его не примѣнить!

На другой день Наталья пришла всѣхъ ранѣе къ обѣднѣ, и вышла всѣхъ позже изъ церкви; но красавца въ голубомъ кафтанѣ тамъ не было, — на преній день такъ же не было. Чувствительная Боярская дочь не хотѣла ни пить ни ѣсть, перестала спать и насилу ходишь могла; однако жъ спаралася знаишь внутреннее свое мученіе какъ онъ родинеля, такъ и онъ няни. Только по ночамъ лились слезы ея на мягкое изголовье. „Жестокой! (думала она) жестокой! за чѣмъ, за чѣмъ скрываешься онъ глазъ моихъ, которые тебя всеминутно ищутъ? Развѣ ты хочешь безвременной смерти моей? Я умру, умру — и ты не выронишь ни слезки на гробъ злощасливой!“ — Ахъ! для чего самая нѣжнѣйшая,

самая пламеннѣйшая изъ страстей
родился всегда съ гореспѣю? ибо
какой влюбленной не вздыхаетъ,
какой влюбленной не поскуетъ въ
первые дни страсти своей, думая,
что его не любятъ взаимно!

На четвертой день Нашалья
опять пошла къ обѣдѣ, не смол-
я ни на слабость свою, ни на же-
сткой морозъ; ни на то, что
Бояринъ Машвѣй, примѣтивъ на-
канунъ необыкновенную блѣдность
на лицѣ ея, просилъ ее беречь се-
бя и не выходить со двора въ хо-
лодное время. Еще никого не было
въ церкви. Красавица, стоя на сво-
емъ мѣстѣ, смотрѣла на двери.
Вошелъ первый человекъ — не онъ!
вошелъ другой — не онъ! третій,
четвертой — все не онъ! вошелъ
пятый, и всѣ жилки задрожали
въ Нашальѣ — это онъ, тотъ
красавецъ, котораго образъ навсе-

гда въ душѣ ея впечатлѣлся! Отъ
сильнаго внутренняго волненія она
едва не упала, и должна была
оперешься на плечо няни своей.
Незнакомецъ поклонился на всѣ че-
тыре стороны, а ей особливо, и
припомъ гораздо ниже и почи-
тельнѣе, нежели прочимъ. Томная
блѣдность изображалась на его ли-
цѣ, но глаза его сіяли еще свѣтлѣе
прежняго; онъ смотрѣлъ по-
чти безпрестанно на прелестную
Ниналью (которая отъ нѣжныхъ
чувствъ выпала еще прелестнѣе),
и вздыхалъ такъ неоспорочно, что
она примѣтила движеніе груди его,
и не взирая на свою скромность,
угадывала причину. Любовь, на-
деждою оживляемая, алкала въ
свою минушу на щекахъ милой на-
шей красавицы; любовь сіяла въ
ея взорахъ; любовь билась въ ея
сердцѣ; любовь подымала руку ея,

когда она крестилась. — Часъ обѣд-
ни былъ для нее одною блаженною
секундою. Всѣ сѣли выходящъ
изъ церкви; она вышла послѣ всѣхъ,
а съ нею и молодой человѣкъ. Вме-
сто того, чтобы итти опять въ
другую сторону, онъ пошелъ уже
слѣдомъ за Нашальею, которая по-
глядывала на него и черезъ правое
и черезъ лѣвое плечо свое. Чудное
дѣло! любовники никогда не мо-
гутъ насмотрѣться другъ на дру-
га, подобно какъ алчной корысто-
любецъ не можетъ никогда насы-
титься золошомъ. — У воровъ
Боярскаго дому Нашалья въ послѣд-
нѣй разъ взглянула на красавца, и
нѣжнымъ взоромъ сказала ему:
прости, милый незнакомецъ! Ка-
лишка хлопнула, и Нашальъ по-
слышалось, что молодой человѣкъ
вздыхнулъ; по крайней мѣрѣ она
сама вздохнула. — Спарушка няня!

была на сей разъ примѣшливѣе, и не дождавшись еще ни слова отъ Нашальи, начала говорить о незнакомомъ красавцѣ, кошорой провожалъ ихъ отъ церкви. Она хвалила его съ великимъ жаромъ; доказывала, что онъ похожъ на ея покойнаго сына; не сомнѣвалась въ знаніи его, и желала быришии своей такого супруга. Нашальи радовалась, краснѣлась, задумывалась, отпѣчала: да! нѣтъ! и сама не знала, что отпѣчала.

На другой, на третій, на четвертой день опять ходили къ обѣднѣ — видѣли, кого видѣшь желали — возвращались домой, и у воротъ говорили нѣжнымъ взоромъ: *прости!* Но сердце красной дѣвушки есть удивительная вещь: чѣмъ оно довольно нынѣ, тѣмъ не довольно завтра — всеболѣе и болѣе, и желаніямъ конца нѣтъ. Такимъ образомъ

и Нашальѣ показалось уже мало того, чѣшобы смонрѣшь на прекраснаго незнакомца, и видѣшь нѣжностъ въ глазахъ его; ей захошѣлось слышать его голосъ, взять его за руку, бышь поближе къ его сердцу, и проч. Чѣшобъ дѣлать? какъ бышь? Такія желанія искореняшь шрудно; а когда онѣ не исполняются, красавицѣ бываетъ грустно. — Нашалья опять принялась за слезы. Судьба, Судьба! неужели ты не сжалишься надъ нею? не уже ли захочешь, чѣшобы свѣшплые глаза ея отъ слезъ померкли? — Посмонримъ, чѣшо будетъ.

Однажды передъ вечеромъ, когда Боярина Машвѣя не было дома, Нашалья увидѣла въ окно, чѣшо калишка ихъ растворилась — вошелъ человекъ въ голубомъ кафтанѣ, и работа выпала изъ рукъ Нашальиныхъ — ибо сей человекъ былъ прекрасной незнакомецъ.

Няня! сказала она слабымъ голосомъ: *кто это?* Няня посмoтрѣла, улыбулась и вышла вонъ.

„Онъ здѣсь! няня усмѣхнулась; пошла къ нему, вѣрно къ нему — ахъ, Боже мой! что будетъ?“ думала Нашалья, смoтрѣла въ окно и видѣла, что молодой человекъ вошелъ уже въ сѣни. Сердце ея лешѣло къ нему на встрѣчу; но нѣкошорая робость говорила ей: *останься!* Красавица повиновалась сему послѣднему голосу, только съ мучительнымъ принужденіемъ, съ великою тоскою: ибо всего не-сноснѣе прошивишься влеченію своего сердца. Она вспавала, ходила, бралась за то и за другое, и чеп-вершь часа показала ей годомъ. Наконецъ дверь расшворилась, и скрипъ ея пошрясъ Нашальину душу. Вошла няня — взглянула на барышню, улыбулась, и — не ска-

зала ни слова. Красавица также не начинала говорить, и только одним робким взором спрашивала: что няня? что? Старушка как будтобы веселилась смущеніемъ, ся неперпѣніемъ — долго молчала, и спусня уже нѣсколько минушъ, сказала ей: „знаешь ли, барышня, что эшошъ молодой человекъ боленъ?“ — Боленъ? чѣмъ? спросила Нашалья, и цвѣшъ въ лицѣ ея перемѣнился. — „Очень боленъ, продолжала няня: у него такъ болишъ сердце, что бѣдной не можешъ ни пишь ни ѣсть, блѣденъ какъ полошно, и на силу ходишъ. Ему сказали, что у меня есть лекарство на эшу болѣзнь, и для того онъ прибредъ ко мнѣ, плачешъ горькими слезами, и просишъ, чтообы я помогла ему. Повѣришъ ли, барышня, что у меня слезы на глазахъ навернулись? Такая жа-

лоссть!“ — Чшо же, няня? дала ли
шы ему лекарство? — „Нѣшѣ; я
велѣла подождать.“ — Подождать?
гдѣ? — „Вѣ нашихѣ сѣняхѣ.“ —
Можно ли? Тамѣ превеликой хо-
лодѣ; со всѣхѣ сторонѣ несешѣ, а
онѣ боленѣ! — „Чшожь мнѣ дѣ-
лать? Внизу у насѣ такой чадѣ,
чшо онѣ можешѣ угорѣшь до смер-
ти: кудажь его внесши, пока изго-
товлю лекарство? Развѣ сюда? Раз-
вѣ прикажешѣ ему войти вѣ ше-
ремѣ? Эшо будешѣ доброе дѣло,
барышня; онѣ человекѣ честной —
спанешѣ за себя Богу молишься,
и никогда не забудешѣ швоей ми-
лоссти. Теперь же бабюшки нѣшѣ
дома — сумерки, шемно — никто
не увидишѣ, и бѣды никакой нѣшѣ:
вѣдь шолько вѣ сказкахѣ мушны
бываюшѣ страшны для красныхѣ
дѣвушекѣ! Какѣ думаешѣ, судары-
ня?“ Нашалѣя (не знаю, ошѣ че-

го) дрожала, и перерывающимся голосомъ ошвѣчала ей: я думаю . . . какъ хочешь . . . ты лучше моего знаешь. Тутъ няня ошворила дверь — и молодой человекъ бросился къ ногамъ Нашальнымъ. Красавица ахнула, и глаза ея на минушу закрылись; бѣлыя руки повисли, и голова приклонилась къ высокой груди. Незнакомецъ осмѣлился поцѣловать ея руку, въ другой, въ третій, четвертой разъ — по томъ осмѣлился поцѣловать красавицу въ розовыя губы, въ другой, въ третій, четвертой разъ, и съ такимъ жаромъ, что мама испугалась, и закричала: *баринъ! баринъ! помни уговоръ!* Нашалья ошкрыла черные глаза свои, которые прежде всего всмѣрились съ черными глазами незнакомца, ибо они въ сію минушу были къ нимъ всего ближе; и

въ нѣхъ и въ другихъ изобража-
лись пламенные чувства, любовію
кипящее сердце. Наташя съ шру-
домъ могла приподнять голову,
чтобы вздохомъ облегчить грудь
свою. Тогда молодой человѣкъ на-
чалъ говорить — не языкомъ рома-
новъ, но языкомъ истинной чув-
ствительности; сказалъ просты-
ми, но нѣжными, искренними сло-
вами, что онъ увидѣлъ и полюбилъ
ее, полюбилъ такъ, что не мо-
жетъ быть щастливъ и не хочетъ
жить безъ взаимной любви ея. Кра-
савица молчала; только сердце и
взоры ея говорили — но недовѣрчи-
вой незнакомецъ желалъ еще сло-
веснаго подтвержденія, и споя на
колѣняхъ, спросилъ у нее: „; На-
ташя, прекрасная Наташя! лю-
бишь ли меня? Твой отвѣтъ рѣ-
шитъ судьбу мою: я могу быть
щастливѣйшимъ человекомъ на свѣ-

тѣ, или шумящая Москва рѣка
будетъ гробомъ моимъ. “ — „Ахъ
барышня! сказала жалосплавая ня-
ня: опивчай скорѣе, что онъ тебѣ
мравенъ! Не ужели захочешь ты по-
губишь его душу? “ — *ты миль*
сердцу моему, произнесла На-
шальянѣжнымъ голосомъ, положивъ
руку на плечо его. *Дай Богъ*, при-
молвила она, поднявъ глаза на не-
бо, и обративъ ихъ снова на восхи-
щеннаго незнакомца — *Дай Богъ*,
чтобъ я была столько же мила
тебѣ! Они обняли другъ друга:
казалось, что дыханіе ихъ остано-
вилось. Кто видалъ, какъ въ пер-
вой разъ цѣломудренныя любовники
обнимаются; какъ въ первой разъ
добродѣтельная дѣвушка цѣлуешь
милаго друга, забывая въ первой
разъ дѣвическую стыдливость:
пустишь шопъ и вообразишь себѣ сѣю
картину; я не смѣю описывать

ее, — но она была прогашельна — самая спарая няня, свидѣшельница шакого явленія, выронила капли двѣ слезѣ и забыла напомнишь любовнику обѣ уговорѣ; но богиня непорочности присушпвовала невидимо въ Нашальиномѣ шеремѣ.

Послѣ первыхъ минушѣ нѣматого воспорга молодой челоувѣкѣ, смощря на красавицу, залился слезами. Ты плачешь? сказала Нашалья нѣжнымъ голосомъ, приклонивъ голову свою къ его плечу. — „Ахъ! я долженъ опкрыть шебѣ мое сердце, прелесшная Нашалья! (*) оп-

(*) Читатель догадается, что спаринные любовники говорили не совсѣмъ шакѣ, какъ здѣсь говоряшѣ они; но тогдашняго языка мы не могли бы шеперь и понимащѣ. Надлежало шолько нѣкоторымъ образомъ поддѣлаться подѣ древній колоритѣ.

вѣчалъ онъ: оно еще не совершенно
увѣрено въ своемъ щастіи.“ —
Чтожь ему надобно? спросила
Нашалья, и съ неперпѣніемъ ожи-
дала отвѣта. — „Обѣщай, что ты
исполнишь мое требованіе.“ —
*Скажи, скажи, что такое! Испол-
ню, все сдѣлаю, что велишь
мнѣ!* — „Въ нынѣшнюю ночь, ко-
гда зайдешь мѣсяцъ — въ то вре-
мя, какъ поютъ первые пѣшухи —
я прѣйду въ санихъ къ вашимъ воро-
тамъ; ты должна ко мнѣ выйти
и ѣхать со мною: вѣдь чего опѣ-
тебѣ пребую!“ — *Ѣхать? въ
нынѣшнюю ночь? куда?* — Спер-
ва въ церковь, гдѣ мы обвѣнчаем-
ся; а по томъ шуда, гдѣ я жи-
ву.“ — *Какъ? безъ вѣдома от-
ца моего? безъ его благослове-
нія?* — „Безъ его вѣдома, безъ
его благословенія, илия погибъ!“ —
Боже мой! . . . Сердце у меня

замерло. Убѣжать тихонько изъ
дому родительскаго! Что же бу-
детъ съ батюшкою? Онъ умретъ
съ горя, и на душѣ моей оста-
нется страшная грѣхъ. Милой
другъ! для чего намъ не бро-
ситься къ ногамъ его? Онъ по-
любитъ тебя; благословитъ, и
самъ отпуститъ насъ въ цер-
ковь. — „Мы бросимся къ ногамъ
его, но черезъ нѣкоторое время.
Теперь онъ не можетъ согласи-
ся на бракъ нашъ. Самая жизнь
моя будетъ въ опасности, когда
меня узнаютъ. “ — Когда тебя
узнаютъ? тебя, милаго душѣ
моей? . . . Боже мой! какъ люди
злы, если ты говоришь прав-
ду! Только я не могу повѣрить.
Скажи мнѣ, какъ тебя зовутъ? —
„Алексѣемъ.“ — Алексѣемъ? Я
всегда любила это имя. Чтожъ бѣ-
ды, если тебя узнаютъ? —

„Все будетъ тебѣ извѣстно, когда ты согласишься сдѣлать меня счастливымъ. Прелестная, милая Наталья! время проходитъ; мнѣ не лѣзя быть долѣе съ тобою. Чтобы родителъ твоихъ, котораго я самъ люблю и почиаю за добрыя дѣла его — чтобы родителъ твоихъ не сокрушался и не почиалъ дочери своей погибшею, я напишу къ нему письмо, и увѣдомлю, что ты жива, и что онъ можешь скоро увидѣть тебя. Скажи, скажи, чего ты хочешь: жизни моей или смерти?“ — При сихъ словахъ, произнесенныхъ твердымъ голосомъ, онъ всматривался, и смотрѣлъ огненными, пламенными глазами на красавицу. „Ты меня спрашиваешь?“ сказала она съ чувствительностію: „развѣ я не обѣщала тебѣ повиноваться? Съ самаго младенчества привыкла я любить моего родите-

ля, потому что и онъ любилъ меня, очень, очень любилъ — (пусть Нашалья обтерла платкомъ слезы свои, которыя одна за другою капали изъ глазъ ея) — тебя знаю не давно, а люблю еще больше, нежели его; какъ это случилось, не знаю.“

Алексѣй обнялъ ее съ новымъ восхищеніемъ, снялъ золотой перстень съ руки своей, надѣлъ его на руку Нашальѣ, сказалъ: *ты моя!* и скрылся какъ молнія. Спарушка няня проводила его со двора.

Что будетъ обвинять Нашалью; что будетъ порицать ее за то, что она, видѣвъ только раза при молодого человѣка, и услышавъ отъ него нѣсколько пріятныхъ словъ, вдругъ рѣшилась бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дому, не зная, куда — поручить судьбу свою незнакомому человѣку, котораго, по собствен-

нымъ рѣчамъ его, можно было считать подозрительнымъ — а что всего болѣе, оставишь такого добраго, чувствительнаго, нѣжнаго ошца; что не знаетъ, что есть любовь; не знаетъ ее всемогущества. Ахъ! она можетъ сдѣлать преступникомъ самаго добродѣтельныйшаго человѣка! И кто, любивъ пламенно въ жизни своей, не послушалъ ни въ чемъ противъ строгой нравственности: что — щасливъ! щасливъ въ шѣмъ, что спросъ его не была въ противоположности съ добродѣтелію — иначе послѣдняя признала бы слабость свою, и слезы щещнаго раскаянія полились бы рѣкою. А что писи человѣческаго сердца увѣряютъ насъ въ сей печальной истинѣ.

Что принадлежитъ до няни, то молодой человѣкъ (послѣ того,

какъ онъ увидѣлъ Нашалю въ церкви) нашелъ способъ перегово-
ришь съ нею и склонилъ ее на
свою сторону разными пышными
обѣщаніями и подарками. Увы! ко-
го не ослѣпляетъ серебро и золото,
а особливо подѣ спаросшь, когда
корысполубіе бываетъ главною
спраснью чловѣка! Спарушка за-
была то, что она болѣе сорока
лѣтъ служила безпорочно и вѣрно
въ домѣ Боярина Машвѣя — за-
была и продала себя незнакомцу.
Однакожь, по оспашку чеспнноти,
взяла съ него слово женишь на
прекрасной Нашальѣ, и до того вре-
мени не упошребляшь во зло ея
любви и невинности.

Нашалья, по уходѣ своеголю-
бовника, спояла нѣсколько минушь
неподвижно; на лицѣ ея видны
были знаки сильныхъ душевныхъ
движеній, но не сомнѣній, не

леблемости — ибо она уже рѣшилась! и хотя тихой голосъ изъ глубины сердца, какъ будто бы изъ отдаленной пещеры, спрашивалъ ее: *что ты дѣлаешь, безразсудная?* но другой голосъ, гораздо сильнѣйшій, въ томъ же самомъ сердцѣ отвѣчалъ за нее: *люблю!*

Няня возвратилась успокоить Нашалю, говоря ей, что она будетъ супругою молодого красавца, и что жена, по самому закону, должна все оставить и все забыть для мужа своего. — „Забыть?“ перервала Нашалю, вслушавшись въ послѣднїя слова: нѣтъ! я буду помнить моего родителя, буду всякой день объ немъ молиться. Къ тому же онъ сказалъ, что мы скоро бросимся къ ногамъ башюшкинымъ — не такъ ли, няня?“ — Конечно, барышня!

отвѣчала старушка: а что онъ сказалъ, то будетъ. — „Вѣрно будешь!“ сказала Напалья, и лице ея стало веселѣе.

Бояринъ Машвѣй возвратился домой поздно, и думая, что дочь его уже спитъ, не зашелъ къ ней въ шереѣ. Полночь приближалась — Напалья думала не обо снѣ, а объ миломъ другѣ, кощому навѣки ошдала она сердце свое, и котораго съ нешерпѣнѣемъ ожидала къ себѣ. Еще мѣсяцъ сѣялъ на небѣ — мѣсяцъ, кощорымъ прежде глаза ея всегда веселились: шеперь онъ спалъ ей непрѣяшенъ; шеперь думала красавица: „Какъ медленно кашишь ты по круглому небу! Зайди, зайди скорѣе, мѣсяцъ свѣшлый! Онъ, онъ прѣдешъ за мною, когда ты сокроешься!“ — Луна опушилась — уже часъ ея зашла за кругъ зем-

ной — мракъ въ воздухѣ сгустился — [пѣшухи заѣли — мѣсяцъ исчезъ, и серебрянымъ кольцомъ брякнули въ Боярскія ворота. Напашаля вздрогнула. *Ахъ, няня! бѣги, бѣги скорѣе; онъ прѣхалъ!* — Черезъ минушу явился молодой человекъ, и Напашаля бросилась въ его объятія. Вошъ письмо къ своему родителю, — сказалъ онъ, показавъ бумагу. — „Письмо къ моему родителю? Ахъ! прочти его! я хочу слышать, что ты написалъ.“ — Молодой человекъ развернулъ бумагу, и прочиталъ слѣдующія строки: „Я люблю милую дочь свою болѣе всего на свѣтѣ — ты не согласишься бы отдать ее за меня — она ѣдетъ со мною — прости насъ! — любовь всего сильнѣе — можешь быть со временемъ я буду доискоинъ называться зятемъ тво-

„имѢ.“ — Нашалья взяла письмо, и хощя не умѣла читашь, однакожь смошрѣла на него, и слезы лились изѢ глазѢ ея. „Наниши, сказала она, наниши еще, что я прошу его не плакашь, не крушишься, и что эта бумага мокра онѢ слезѢ моихѢ; наниши, что я не вольна сама вѢ себѢ, и чтобы онѢ или забылѢ или просилѢ меня.“

Молодой человекѢ вынулѢ изѢ кармана перо и чернилицу — написалѢ, что говорила Нашалья, и сплавилѢ письмо на сполѢ. ПотомѢ красавица, надѣвѢ лисью шубу свою, помолившись Богу, взявѢ съ собою щомѢ образѢ, которымиѢ благословила ее покойная мать, и подавѢ руку щасливому любовнику, вышла изѢ шерема, сошла съ высокаго крыльца, со двора, — взглянула на родитель-

ской домъ, обшѣрла послѣднѣя слезы, сѣла въ сани, прижалась къ милому, и сказала: *вези меня, куда хочешь!* Кучеръ ударилъ по лошадямъ, и лошади помчались; но вдругъ раздался жалобной голосъ: *меня покинули, меня бѣдную, несчастную!* Молодой чело-вѣкъ оглянулся и увидѣлъ бѣгу-щую няню, которая оспаивалась на минушу въ свѣшлицѣ, чтобы при-бравъ нѣкоторыя изъ драгоцен-ныхъ Нашальиныхъ вещей, и ко-торую наши любовники совсѣмъ было-забыли. Лошадей удержали, посадили сшарушку, снова поска-кали, и черезъ четверть часа вы-ѣхали изъ Москвы. На правой спо-ронѣ дорги, вдали, свѣшился ог-некъ: туда поворошили, и На-шалья увидѣла деревянную, ни-зенькую черковъ, занесенную снѣ-гомъ. Алексѣй — (чишашель не за-

былъ имени молодого человека) — Алексѣй ввелъ любовницу свою во внутренность сего вѣшного храма (конечно не похожаго на шопъ, которой представлялся Насаль въ снѣ; но такъ юное воображеніе украшаетъ всѣ предметы!) храма, освѣщеннаго одною маленькою, слабо-горящею лампадою. Тамъ встрѣтилъ ихъ старый священникъ, согбенный бременемъ лѣтъ, и дрожащимъ голосомъ сказалъ имъ; „Я долго ждалъ васъ, любезныя дѣш! Внукъ мой уже заснулъ.“ Онъ разбудилъ мальчика, въ углу церкви спавшаго; поспавилъ любовниковъ передъ иконой и началъ ихъ вѣнчать. Мальчикъ чинилъ, пѣлъ, что надобно: съ удивленіемъ глядѣлъ на жениха и невѣсту, и дрожалъ при всякомъ порывѣ вѣтра, которой шумѣлъ въ худое окно церкви. Алексѣй и Насаль

молились усердно, и произносая общѣ
свой, смотрѣли другъ на друга съ
умиленьемъ и сладкими слезами.
По совершеніи обряда пресвѣтѣль
священникъ сказалъ новобрачнымъ:
*Я не знаю и не спрашиваю, кто вы;
но именемъ великаго Бога, котораго
намъ и мракъ ночи и шумъ бури
проповѣдуетъ — (въ сіе мгновеніе
спрашно зашумѣлъ вѣтеръ) —
именемъ Непостижимаго, ужаснаго
для злыхъ, для добрыхъ милосер-
даго, обещаю вамъ благоденствіе въ
жизни, естли вы будете всегда лю-
бить другъ друга; ибо любовь су-
пружеская есть любовь саятая, Бо-
жеству пріятная, и кто соблю-
даетъ ее въ чистомъ сердцѣ — въ
нечистомъ же она жить не мо-
жетъ — тотъ пріятенъ Всевышне-
му. Грядите съ миромъ, и помни-
те слова мои!* Новобрачные приняли
благословеніе отъ снѣрка, поцѣло-

зали съ поцѣпеніемъ руку его, поцѣловали другъ друга, вышли изъ церкви и поѣхали.

Вѣшеръ заносилъ дорогу; но рѣзвые кони лешѣли какъ молнія — ноздри ихъ дымились, паръ вился столбомъ, и пушистой снѣгъ отъ копытихъ ихъ подымался вверхъ облаками. Скоро путешественники наши вѣѣхали въ темную лѣсу, гдѣ совсѣмъ не было дороги. Старушка няня дрожала отъ страха, но прекрасная Нашалья, чувствуя подлѣ себя милаго друга, ничего не боялась. Молодой супругъ отводилъ рукою всѣ вѣтви и сучья, кошорые грозили уколоть бѣлое лице супруги его. Онъ держалъ ее въ своихъ объятіяхъ, когда сани опускались въ глубинусугробовъ, и жаркими поцѣлуями удалялъ холодъ отъ нѣжныхъ розъ, кошорыя цвѣли на устахъ ея. Око-

до четырехъ часовъ ѣздили они по лѣсу, пробираясь сквозь ряды высокихъ деревъ. Уже лошади начинали ушомляться, и съ трудомъ выпаскивали ноги свои изъ глубинъ снѣжныхъ; сани двигались медленно, и наконецъ Нашадья, пожалъ руку своего любезнаго, тихимъ голосомъ спосила у него: *скоро ли мы прїѣдемъ?* Алексѣй посмотрѣлъ вокругъ себя, на вершины деревъ, и сказалъ, что жилище его не далеко. Въ самомъ дѣлѣ черезъ нѣсколько минутъ выѣхали они на узкую равнину, гдѣ стоялъ маленькой домикъ, обнесенной высокимъ заборомъ. На встрѣчу къ нимъ вышли пять или шесть человѣкъ съ пиками зажженной лучины и вооруженные длинными ножами, кошорые висѣли у нихъ на кушакахъ. Спарушка няня, видя сіе дикое уеди-

неннос жилище, посреди непроходимаго лѣса; видя сихъ вооруженныхъ людей и примѣшивъ на лицахъ ихъ нѣчто суровое и свирѣпое, пришла въ ужасъ, сплснула руками и закричала: *ахъ ти! мы погибли! мы въ рукахъ — у разбойниковъ!*

Теперь могъ бы я представить страшную картину глазамъ чистаго — прельщенную невинность, обманутую любовь, несчастную красавицу во власти варваровъ, убійцъ — женою ашамана разбойниковъ, свидѣтельницею ужасныхъ злодѣйствъ, и наконецъ, послѣ мучительней жизни, издыхающую на эшафотѣ подъ сѣкирою правосудія, въ глазахъ несчастнаго родителя; могъ бы представить все сіе вѣроятнымъ, естественнымъ, и чувствительной человѣкъ пролилъ бы слезы горести и скорби —

но въ шакомъ случаѣ я удалился бы отъ исторической истины, на копорой основано мое повѣствованіе. Нѣшѣ, любезной чашапель, нѣшѣ! на сей разѣ побереги слезы свои — успокойся — старушка няня ошиблась — Нашалья не у разбойниковѣ!

Нашалья не у разбойниковѣ!... Но, кто же сей таинственный молодой человекѣ, или, говоря языкомъ Оссіянскимъ, *сынѣ опасности и мрака*, живущій во глубинѣ лѣсовѣ? — Прошу чашапель далѣе.

Нашалья поспревожилась восклицаніемъ няни, схватила Алексѣя за руку, и смотря ему въ глаза съ иѣкопорымъ безпокойствомъ, но съ полною довѣренностію къ любимцу души своей, спросила: *гдѣ мы?* Молодой человекѣ взглянулъ со гнѣвомъ на старушку; но шомъ, усшремивъ нѣжный взоръ на милую Нашалью,

отвѣчалъ ей съ улыбкою: ты у добрыхъ людей — не бойся! Нашалья успокоилась; ибо шотѣ, кого она любила, велѣлъ ей успокоиться!

Вошли въ домикъ, раздѣленной на двѣ половины. „Здѣсь живущіе люди мои (сказалъ Алексѣй, указывая на право) а здѣсь я.“ Въ первой горницѣ висѣли мечи и бердыши, шишаки и панцыри, а въ другой спояла высокая кровашь, и передъ иконою Богоматери горѣла лампада. Нашалья шутѣ же поснявила и свой образѣ, помолилась, и взглянувъ умильно на Алексѣя, незехонько поклонилась ему какъ хозяину въ домѣ. Молодой супругъ снялъ съ красавицы лисью шубу, дыханіемъ своимъ отопрѣлъ ея руки, посадилъ ее на дубовую лавку, смотрѣлъ на прелестную, и плакалъ отъ радости. Милая

Наша лъя вмѣстѣ съ нимъ плакала — —

Слезы, блаженные слезы, неоцѣненный даръ милосердаго Божества! небесныя перлы, влѣянныя въ нѣжный сосудъ человѣческаго сердца, для того, чтобы ушояшь печали наши, и оживляшь самыя удовольствія! вы пища чувствительнаго міра; вы душа его. Безъ васъ, друзей моихъ, безъ васъ все хладно и пусто; безъ васъ нѣтъ ни шастія, ни добродѣтели. Злополучный, котораго блѣдное лице вами орошается, не придетъ уже въ отчаяніе; сердце, согрѣваемое вашею благодѣтельною теплою, наслаждается крошкимъ свѣтомъ утѣшенія — а кто въ радости васъ не проливаетъ, тотъ еще не знаетъ и не чувствуетъ истинной радости!

Нашалья и Алексѣй чувствовали ее, и пошому они плакали. Красавица забыла свое любопытство, или, лучше сказать, она совсѣмъ не имѣла его, зная то, что милый душѣ ея не можетъ быть дурнымъ человекомъ. Ахъ! если бы всѣ люди, сколько ихъ было тогда въ Рускомъ царствѣ, въ одинъ голосъ сказали Нашальбъ: Алексѣй злодѣй! она бы съ тихою улыбкою отвѣчала имъ: нѣтъ! . . . сердце мое знаетъ его лучше, нежели вы; сердце мое говоритъ, что онъ всѣхъ любезнѣе, всѣхъ добрѣе. Я васъ не слушаю.

Но Алексѣй самъ говоритъ началъ. „Любезная Нашалья! сказалъ онъ: тайна жизни моей должна тебѣ открыться. Воля Всевышняго соединила насъ навѣки; ничто уже не можетъ разорвать со-

юза нашего. Супругъ не долженъ
 ничего скрывать отъ супруги сво-
 ей. И такъ знай, что я сынъ
 несчастнаго Боярина Любославска-
 го“ — — — *Сынъ Любослав-*
скаго? Возможно ли? Батюш-
ка сказывалъ мнѣ, что онъ
пропалъ безъ вѣсти. — „Его уже
 нѣтъ на свѣтѣ! Выслушай. —
 Ты не помнишь, но конечно слы-
 хала о тѣхъ волненіяхъ и бунтахъ,
 которые лѣтъ за тринадцать пе-
 редъ симъ возмущали спокойствіе
 нашего царства. Нѣкоторые изъ
 знаменѣйшихъ честолюбивыхъ
 Бояръ возстали противъ законной
 власти юнаго Государя; но скоро
 тѣхъ Божеской наказалъ мятеж-
 никовъ — разсѣялись какъ прахъ
 многочисленные ихъ сообщники, и
 кровь главныхъ бунтовщиковъ про-
 лилась на добромъ мѣстѣ. Роди-
 тель мой по нѣкоторому подозрѣ-

нiю, но совершенно ложному, взяшѢ
былѢ подѢ спражу. ОнѢ имѢлѢ
непріятелей, которые хотѢли его
погибели; представили доказатель-
ства мнимой его измѣны и согла-
сiя съ мяшежниками ; ошечѢ мой
клялся въ своей невинности , но
обсуждательства осуждали его , и
рука вышняго судiи готова была
подписать ему смершь . . . надеж-
да исчезала въ душѢ невиннаго —
единѢ Всевышній могѢ спасти его —
и спасѢ. Вѣрный другѢ оповорилѢ
ему дверь темницы — и родителѢ
мой скрылся, взявѢ съ собою са-
мыхѢ усерднѣйшихѢ слугѢ и ме-
ня, двенадцатилѣшняго сына сво-
его. Въ предѣлахѢ Россiи не было
для насѢ безопасности: мы уда-
лились въ ту страну, гдѢ рѣка
Свiяга вливается въ величествен-
ную Волгу, и гдѢ многочисленные
народы поклоняющся лжепророку

Магомешу — народы суевѣрные, но снраннолюбивые. Они приняли насъ дружески, и мы около десяти лѣтъ жили съ ними; не имѣли ни въ чемъ недоспашка, но безпрестанно горевали о своемъ опечеснвѣ; сидѣли на высокомъ берегу Волги, и смошря на ея волны, несущіяся опъ снранъ Россійскихъ, проливали жаркія слезы! Всякая пшнца, лешѣвшая съ запада (*), казалась намъ милѣе; всякую пшпцу, назападъ лешѣвшую, провожали мы глазами и — вздохами. — Между тѣмъ отецъ мой ежегодно посылалъ въ Москву шайнаго гонца, и получалъ письма опъ своего друга, копорыя всегда подавали ему надежду, что невиноснъ наша рано или поздно опкроешся, и что мы съ чеснїю мо-

(*) То естъ, опъ Россїи.

жемъ возвратишься въ опечеснво. Но скорбь изсушила сердце моего родишеля; силы его исчезали, и глаза покрывались густымъ мракомъ. Безъ ужаса чувствовалъ онъ приближеніе конца своего — благословилъ меня — и сказавъ: *Богъ и другъ нашъ не оставятъ тебя, умеръ въ моихъ объятіяхъ.* — Не буду говорить тебѣ о горести бѣднаго сироты; нѣсколько мѣсяцевъ глаза мои не просыхали. — Я уведомилъ друга нашего о моемъ несчастіи: въ отвѣтъ своемъ, *изъявляя душевную скорбь о кончинѣ невиннаго спрадальца, умершаго въ спранѣ иноплемennыхъ, и погребеннаго въ землѣ не Христіанской, сей благодѣшельный другъ звалъ меня въ Россію.* „Версинахъ въ до „отъ Москвы (писалъ онъ), въ „дремучемъ, непроходимомъ лѣсу, „поспроилъ я уединенный домикъ,

„неизвѣстный никому, кромѣ ме-
 „ня и надежныхъ людей моихъ.
 „Тамъ будешь ты жить до време-
 „ни въ совершенной безопасности.
 „Посланный знаетъ сіе мѣсто.“ —
 Я изъяснилъ благодарности мою
 гостепріимнымъ жителямъ Волж-
 скихъ береговъ; простился съ зе-
 леною могилою родителя моего;
 подѣловалъ и оросилъ слезою каж-
 дый цвѣточикъ, каждую травку,
 на ней растущую; возвратился съ
 вѣрными слугами въ предѣлы Рос-
 сій, облобызалъ опечесивенную зе-
 млю — и въ густомъ шемного-
 лѣсѣ, на узкой равнинѣ, нашелъ
 сей пустынный домикъ, гдѣ ты
 теперь со мною, любезная На-
 талья! Здѣсь встрѣшилъ меня
 сѣдой старецъ, и сказалъ дро-
 жащимъ голосомъ: Ты сынъ боя-
 рина Любославскаго! Господинъ мой,
 старый другъ его — тотъ, кто

хотѣлъ быть вторымъ отцомъ
моимъ, и построилъ для тебя сіе
жилище — скончался! Но онъ по-
мнилъ о сиротѣ при кончинѣ своей.
Здѣсь найдешь все нужное для жи-
зни, найдешь сокровища: онѣ твои. —
Я поднялъ глаза на небо, мол-
чалъ — и слезы мои капились гра-
домъ. „Кто будетъ моимъ помош-
никомъ? думалъ я: моимъ на-
сравникомъ? Я одинъ въ свѣ-
тѣ! . . . Всевышній! Ты, кому
поручилъ меня родители мой, не
оставь бѣднаго!“

„Я поселился въ пустынѣ; ви-
дѣлъ у себя множество серебра и
золота, но ни мало имъ не ушѣ-
шался. Черезъ нѣсколько дней за-
хотѣлось мнѣ побывать въ царству-
ющемъ градѣ, гдѣ никто не могъ
узнать меня. Спарой служитель
моего благодѣтеля указалъ мнѣ на
деревахъ разныя мѣшны, кошерыя

вели къ большой Московской доро-
гѣ, и копорыя никому, кромѣ насѣ,
не могли бышъ понятны. Я уви-
дѣлъ блестящія главы церквей, на-
родное множесво, огромные дома,
всѣ чудеса царствующаго града, и
радосныя слезы сверкнули въ гла-
захъ моихъ. Злашые дни младен-
чесва, дни невинности и забавы,
проведенные мною въ Руской спо-
лицѣ, предсनावились моимъ мы-
слямъ какъ веселое сновидѣнїе. Я
искалъ нашего бывшаго дому, и на-
шелъ однѣ пустыя снѣжны, въ ко-
торыхъ порхали лешучїя мыши —
хладной ужасъ разлился по моей
внушренности.

„По томъ я часпо бывалъ въ
Москвѣ, и живалъ тамъ по два и
по три дни, оспанавливаясь въ од-
ной тихой гостинницѣ и называя
себя иногороднымъ купцомъ; ча-
спо видалъ Государя, ошца народ-

наго; часто слыжалъ о благодарѣ-
жїяхъ родителя своего, когда Боя-
ре, собираясь на площади прошивъ
Соборной церкви, рассказывали
другъ другу всѣ добрыя и похваль-
ныя дѣла, украшавшія спослицу.
Возвращаясь въ пустыню, я сра-
жался съ дикими звѣрями, кошо-
рыхъ мы должны были истреблять
для собственнѣйшей нашей безопасно-
сти; но часто, выпуская изъ рукъ
добычу, упалъ на землю и про-
ливалъ слезы. Вездѣ было мнѣ
грустно — въ пустомъ лѣсу и сре-
ди народа. Съ горестїю ходилъ я
по улицамъ царствующаго града,
и смотря на людей, которые
вспрѣчались со мною, думалъ:
Они идутъ къ роднымъ и ближ-
нимъ; ихъ ожидаютъ; имъ
будутъ рады — мнѣ итти не
къ кому; меня никто не ожи-
дается; никто о сиротѣ не ду-

масть! Иногда хотѣлось мнѣ
бросишься къ ногамъ Госуда-
ря, увѣринь его въ невинности
опца моего, въ моей вѣрности
къ Царю благочестивому, и пору-
чишь его милосердію судьбу мою;
но какая-то могущесивенная, не-
видимая рука не допускала меня
исполнишь сего намѣренія.

„Пришла мрачная осень, при-
шла скучная зима: лѣсное уедине-
ніе сдѣлалось для меня еще неснос-
нѣе. Я чаще прежняго спалъ въ
двѣхъ въ городъ и — увидѣлъ те-
бя, прекрасная Нашалья. Ты пока-
залась мнѣ Ангеломъ Божіимъ — —
ишь! говоряишь, что сіяніе Анге-
ловъ освѣпляетъ глаза человѣческіе,
и что на нихъ не лѣзя смотрѣшь
долго, а мнѣ хотѣлось безпреснанно
глядѣшь на тебя. Я видалъ преж-
де многихъ красавицъ, дивился
ихъ прелесціямъ, и часно думалъ:

Господь Богъ не сотворилъ ни-
чего лучше красныхъ Москов-
скихъ дѣвушекъ; но глаза мои
на нихъ сморѣли, а сердце мол-
чало и не шло — онѣ каза-
лись мнѣ чужими. Ты же первымъ
взглядомъ влила какой-то огонь
въ мое сердце; первымъ взглядомъ
привлекла къ себѣ душу мою, ко-
торая пошчасъ полюбила тебя какъ
родную свою. Мнѣ хотѣлось бро-
ситься и прижать тебя къ моей
груди, такъ крѣпко, чтобы ни-
что уже насъ разлучить не мог-
ло. — Ты ушла, и мнѣ показа-
лось, что красное солнце заката-
лось, и ночь наступила. Я стоялъ
на улицѣ, и не чувствовалъ снѣга,
которой на меня сыпался; наконецъ
пришелъ въ себя — спалъ разспра-
шивашь, и узнавъ, что ты, воз-
вратился въ свою гостинницу, и
размышлялъ о милой дочери Боя-

рина Машвѣя. Башюшка часто говаривалъ мнѣ о любви, копорую почувспововалъ онѣ къ матери моей, увидѣвъ ее въ первой разѣ, и копорая не давала ему покоя до самаго того времени, какѣ ихѣ повели въ церковь. „Со мною то же „дѣлаешся, думалъ я; и мнѣ не „лзя бышь ни покойнымѣ ни щаспливымѣ безѣ милой Нашалыи. „Но какѣ надѣяшься? Любимой Царской Бояринѣ захочешѣ ли выдашѣ „дочь свою за такого человѣка, копорого отецѣ почишася пресшувникомѣ? Правда, есильи бы „она полюбила меня . . . Сънею и „пустыня лучше Москвы бѣлокаменной. Можешѣ бышь ошибаюсь — „шолько мнѣ казалось, чшо она взглядывала на меня ласково . . . но я „вѣрно ошибаюсь. Какѣ этому бышь? „Такое щастіе не вдругѣ приходишѣ!“ — Наступила ночь — и

прошла, но глаза мои сномъ не смы-
кались. Ты безпрестанно была передо
мною или въ душѣ моей — крести-
лась бѣлою рукою своею, и прята-
ла ее подъ соболью шубейку. — На
другой день почувствовалъ я силь-
ную боль въ головѣ и превеликую
слабость, которая заставила меня
около двухъ сутокъ пролежать на
поспелѣ. — *Такъ!* перервала На-
пашья: *такъ!* я это знала;
сердце мое тосковало не даромъ.
Ни на другой, ни на третій
день не было тебя у обѣди.

„Однакожь и самая болѣзнь не
мѣшала мнѣ о тебѣ думать. Одинъ
изъ слугъ моихъ былъ въ домѣ
твоего родителя, видѣлся съ тво-
ею нянею, и уговорилъ ее прип-
ти ко мнѣ въ госпинницу. Я от-
крылъ спарушкѣ любовь мою; про-
силъ, кланялся, увѣрялъ въ моей
благодарности — и наконецъ она

согласилась бытъ мнѣ помощни-
цею. — Прочее ты знаешь. Я ви-
дѣлъ тебя въ церкви — иногда
льсился бытъ любимымъ, примѣ-
чая въ глазахъ твоихъ нѣжную
умильность, и краску на лицѣ тво-
мъ, когда встрѣчались наши взо-
ры — наконецъ рѣшился узнать
судьбу мою — упалъ къ ногамъ
твоимъ, и бѣдной сирота сталъ
щасливѣйшимъ человекомъ въ
свѣтѣ. Могъ ли я послѣ твоего при-
знанія расстаться съ тобою?
Могъ ли жить подъ другимъ кро-
вомъ, и всякой часъ беспокоиться, и
всякой часъ думать: жива ли
она? и угрожаютъ ли ей какія
опасности? холодной вѣтеръ не
зlobитъ ли нѣжнаго лица ея? не
тоскуетъ ли ея сердце? ахъ! не
свѣтается ли за прекрасную какой
нибудь женихъ, богатой и знатной. —
Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ осталась уме-

рентъ, или жить съ тобою! — Священникъ загородной церкви, кошотый насъ въичалъ, былъ не подкупленъ, а упрошенъ мною; слезы мои пронули сшарца.

„Теперь извѣстно тебѣ, кшо супругъ твой; теперь совершились всѣ мои желанія. Грусть, скука! проешише! Для васъ уже нѣтъ мѣста въ уединенномъ моемъ домикѣ. Милая Напалья со мною! — Но я вижу тшомность въ глазахъ твоихъ; тебѣ надобно успокоиться, любезная души моей. Ночь проходишь, и скоро утренняя заря покажется на небѣ.“ —

Алексѣй поцѣловалъ Напальину руку. Красавица вздохнула. *Ахъ! для чего нѣтъ съ нами батюшки!* сказала она, прижавшись къ сердцу супруга: *когда мы съ нимъ увидимся? когда онъ благословитъ насъ? когда я при немъ*

поцѣлую тебя, милаго друга моего? —, Тотъ (ошнвѣчалъ Алексѣй) шотъ милосшивый Богъ, кошорый далъ мнѣ шебя, вѣрно все для насъ сдѣлаешъ. Положимся на Него: Онъ пошлешъ намъ случай упасшь къ ногамъ живого родишеля и при- мяшь его благословеніе.“

Сказавъ сїи слова, онъ всшалъ и вышелъ въ переднюю горницу. Тамъ сидѣли люди его съ нянею, кошорая (увѣрившись, что они не разбойники, и что длинные ножи служашъ имъ шолько обороною онѣ лѣсныхъ звѣрей) перешала бояшь- ся, познакомились съ ними, и съ любопытствомъ старой женщины разспрашивала о молодомъ ихъ го- сподинѣ, о причинѣ пусшынниче- ской жизни его, и проч. и проч. Алексѣй пошепшалъ на ухо одному челошѣку, и черезъ мишушу нико-

го не осталось въ передней: спарушку подхватили подъ руки и увели въ другую половину. Молодой супругъ возвратился къ своей любезной — помогъ ей раздѣться — сердца ихъ бились — онъ взялъ ее за бѣлую руку . . . Но скромная Муза моя закрываетъ бѣлымъ плашкомъ лице свое — ни слова!.. Священный занавѣсъ опускается, священный и непроницаемый для глазъ любопытныхъ!

А вы, шаспливые супруги, блаженствуйте въ сердечныхъ восторгахъ, подъ влѣяніемъ звѣздъ небесныхъ; но будьте цѣломудренны въ самыхъ высочайшихъ наслажденіяхъ спраски своей! Любитесь такъ, какъ милая Діана и прекрасной Эндиміонъ любили другъ друга на горѣ Карійской! Невинная стыдливость да живетъ съ вами неразлучно — и иѣжныя,

нѣжные цвѣты удовольствія не завянутъ никогда на супружескомъ ложѣ вашемъ! —

Уже солнце взошло высоко на небѣ, и разсыпало по снѣгу миллионы блестящихъ діамантовъ; но въ спальнѣ нашихъ супруговъ все еще царствовало глубокое молчаніе. Спарушка мама давно встала, разѣдесянь подходила къ двери, слушала и ничего не слышала; наконецъ вздумала пихонько пошучашься, и сказала довольно громко: *пора естасать — пора естасать!* Черезъ нѣсколько минутъ дверь отперли — и нянь показалось, будто изъ горницы выпорхнулъ крылатой мальчикъ, у кошораго за спиною висѣлъ колчанъ, и кошорой въ маленькой своей ручкѣ вершѣлъ какой-то цвѣточикъ; но я думаю, что она по слабости своего зрѣнія ошиблась,

и прошу чинашелей не вѣришь
сему явленію. Алексѣй былъ уже
въ голубомъ кафтанѣ своемъ; но
красавица лежала еще на постелѣ,
и долго не могла взглянувши на
спарушку, спыдаясь — не извѣст-
но чего. Розы на щекахъ ея не
много поблѣднѣли; въ глазахъ изо-
бражалась томная слабость — но
никогда Наталья не была такъ
привлекательна, какъ въ сіе утро.
Она одѣлась съ помощію своей ня-
ни, помолилась Богу со слезами,
и дожидаясь супруга своего, ко-
торой между тѣмъ занимался хо-
зяйствомъ, приказывалъ гоповинѣ
обѣдъ и прочее, что нужно въ
домашнемъ быту. Когда онъ воз-
вратился къ любезной супругѣ, она
съ нѣжностію обняла его и сказала
тихимъ голосомъ: Милой другъ!
я думаю о батюшкѣ — ахъ! онъ
ѣрно тоскуетъ, плачетъ, сокру-

шается! . . . Мнѣ бы хотѣлось объ немъ слышать! хотѣлось бы знать, здоровъ ли онъ. — — Нашалья не договорила; но Алексѣй понялъ ея желаніе, и немедленно онъ отправилъ въ Москву человека, чѣмбы навѣдашься о Бояринѣ Машвѣѣ.

Но мы предупредимъ сего посланнаго и посмотримъ, что дѣлается въ царствующемъ градѣ. — Бояринѣ Машвѣѣ долго ждалъ къ себѣ поутру милой своей Нашальи, и наконецъ пошелъ въ ея перемѣ. Тамъ все было пусто, все въ безпорядкѣ. Онъ изумился — увидѣлъ на столѣ письмо, развернулъ его, прочиталъ — не вѣрилъ глазамъ своимъ — прочиталъ въ другой разъ — хотѣлъ еще не вѣрить — но дрожащія ноги его подогнулись — онъ упалъ на землю. Нѣсколько минушъ продолжалось его безсмысленство. Обра-

зумившись, приказалъ онъ лю-
дямъ вести себя къ Государю.
Государь! сказалъ препенущій
спарецъ — Государь! . . . Онъ
не могъ говорить, и подалъ Царю
Алексѣево письмо. Чело благочесни-
ваго Монарха помрачилось гнѣвомъ.
Кто сей недостойный соблазни-
тель? сказалъ онъ: но вездѣ най-
детъ его грозная рука правосу-
дія — сказалъ, и во всѣ стра-
ны Рускаго царства отправились
гонцы, съ повелѣніемъ искашь На-
шалью и ея похищителя.

Царь ушѣшалъ Боярина какъ
своего друга. Вздохи и слезы об-
легчили стѣсненную грудь несчаст-
наго родителя, и чувство гнѣва въ
сердцѣ его уступило мѣсто нѣж-
ной горести. „Богъ видишь“ —
сказалъ онъ, взглянувъ на небо —
„Богъ видишь, какъ я любилъ
тебя, неблагодарная, же шокая,

„милая Наталья! . . . Такъ, Го-
„сударь! она и теперь мила мнѣ,
„болѣе всего на свѣшѣ! . . . Кто
„увезъ ее изъ родительскаго дому?
„гдѣ она? что съ нею дѣлается? . .
„Ахъ! на старости лѣтъ моихъ
„я побѣжалъ бы за нею на край
„свѣша! . . . Можешь бытъ какой
„нибудь злодѣй оболъстилъ невин-
„ную, и послѣ бросилъ, погубилъ
„ее . . . Нѣтъ! дочь моя не могла
„полюбить злодѣя! . . . Но для че-
„го же не открылся родителю? . .
„Кто бы онъ ни былъ, я обнялъ
„бы его какъ сына. Развѣ Государь
„меня не жалуешь? Развѣ онъ не
„спалъ бы жаловашъ и зятя мо-
„его? . . . Не знаю, что думаешь! . . .
„Но ее нѣтъ! . . Я плачу: она не ви-
„дитъ слезъ моихъ — умру: она не
„зашлоритъ глазъ отца своего, от-
„ца, которой полагалъ въ ней жизнь
„и душу свою! . . Правда, безъ

„воли Всевышняго ничего не дѣ-
„лаенся: можешъ бышь я заслужилъ
„наказаніе руки Его... Покоряюсь
„безъ ропшанія! . . . Объ одномъ
„прошу тебя, Господи: будь ей
„Опцемъ милосердымъ во всякой
„спранѣ. Пустъ умру въ гореспи —
„лишь бы дочь моя была благопо-
„лучна! . . . Не лъзя, чшобы она не
„любила меня; не лъзя...“ — (Тутъ
Бояринъ Манувѣй взялъ письмо, и
снова прочишалъ его.) — „Ты пла-
„кала; эша бумага мокра опъ слезъ
„швоихъ: я буду хранишь ее на
„моемъ сердцѣ, какъ послѣдній
„знакъ любви швоей. — Ахъ! ешь-
„ли ты ко мнѣ возвратишься, хопя
„за часъ до моей смерти . . . Но
„какъ угодно Всевышнему! — Меж-
„ду тѣмъ отецъ швой, сиропа на
„староспи, будетъ опцомъ неща-
„стныхъ и гореспныхъ; обнимая
„ихъ какъ дѣшей своихъ — какъ

„своихъ браній — онъ скажетъ
 „имъ со слезами: друзья! моли-
 „тесь о Натальѣ!“ — Такъ го-
 ворилъ Бояринъ Матвѣй, и чув-
 ственной Царь былъ тронутъ
 до глубины сердца.

Ошнынъ, добрый Бояринъ, жизнь
 своя покрывается мракомъ печа-
 ли — увы! и самая добродѣтель
 не можетъ насъ предохранить отъ
 горести! Безпрестанно будешь ты
 думаешь о милой сердца твоего —
 вздыхаешь, и сидѣшь подгорюнив-
 шись передъ широкими воротами
 своего дому! Никшо, никшо не при-
 несешь тебѣ вѣсти о прелестной
 Натальѣ! Царскіе гонцы возвра-
 щаясь, и вздохъ ихъ будетъ ошѣв-
 шомъ на вопросы твои. Сядутъ бѣд-
 ные за столы и щелюбиваго Боя-
 рина, но хлѣбъ его покажется имъ
 горекъ — ибо они увидятъ скорбь
 на лицѣ своего благодѣтеля! —

Между тѣмъ Алексѣевъ посланный возвратился въ пустыню съ извѣщеніемъ, что Бояринъ Машвѣй былъ во дворцѣ Царскомъ, и что во всей Россіи велѣно искать его пропавшей дочери. Но милая Нина хотѣла знать болѣе, и спрашивала, что написано было на лицѣ родителя ея, когда онъ возвращался изъ дворца Государева; вздыхалъ ли онъ, плакалъ ли онъ — не произносилъ ли шихонько ея имени? Посланной не могъ оповѣщать ни да, ни нѣтъ; ибо онъ хотя и видѣлъ Боярина, но смотрѣлъ на него не проникающими глазами нининой дочери. Для чего, сказала Нина, для чего не могу я превратиться въ невидимку или въ маленькую птичку, чтобы слетать въ Москву бѣлокаменную, взглянуть на родителя; поцѣловать руку его, выронить, на нее

слезу горючую, и возвратиться къ моему милому другу? — „Ахъ нѣтъ! я не пустилъ бы тебя! ошвѣчалъ Алексѣй: почему знаешь, что бы могло съ тобою случиться? Нѣтъ, мой другъ! я не могу и вздумать о разлукѣ — а ты можешь!“ — Напалья почувствовала нѣжную укоризну, и оправдалась передъ супругомъ улыбкою, слезами и подблудомъ.

Теперь надлежало бы мнѣ описывать щастіе юныхъ супруговъ и любовниковъ, сокрытыхъ лѣснымъ мракомъ отъ цѣлаго свѣта: но вы, которые наслаждаетесь подобнымъ щастіемъ, скажите, можно ли описать его? — Напалья и Алексѣй, живучи въ своемъ уединеніи, не видали, какъ шло время; или, лучше сказать, оно лепѣло для нихъ такъ быстро, какъ лучъ солнечной, которой спремився

сквозь слои воздуха озарить нашу землю. Часы и минушы, дни и ночи, недѣли и мѣсяцы сливались въ пустынь ихъ какъ струи рѣчныя, не различаемыя глазомъ человѣческимъ. Ахъ! удовольствія любви бывающъ всегда одинаковы, но всегда новы и безчисленны. Нашалья просыпалась и — любила; вставала съ постели и — любила; молилась и — любила; что ни думала, все любила и всѣмъ наслаждалась — Алексѣй тоже, и чувства ихъ составляли восхищительную гармонию.

Но чисташель не долженъ думать, чтобы они въ уединенной жизни своей только смотрѣли другъ на друга и сидѣли опъ ухра до вечера поджавъ руки — нѣтъ! Нашалья принялась за рукодѣлье, за пальцы, и скоро вышила разными шелками и разными узорами двѣ

прекрасныя ширинки : первую для милаго супруга , чтобы онъ уширалъ ею бѣлое лицесвое , а другую для любезнаго родителея . Когда нибудь мы побѣдемъ къ нему ! говорила красавица , и тихонько вздыхала . — Что принадлежитъ до Алексѣя , то онъ , сидя подлѣ своей супруги , рисовалъ перомъ разныя ландшафты и каршинки — любовался шѣмъ , что нравилось Нашальѣ , и старался поправитъ то , что ей казалось несовершеннымъ . Такъ , любезный читатель ! Алексѣй умѣлъ рисовать , и припомъ весьма не худо , ибо сама Природа выучила его сему искусству . Онъ видѣлъ образъ кудрявыхъ деревъ въ рѣкахъ прозрачныхъ , и вздумалъ означать шѣнь сію на бумагѣ ; опытъ былъ удаченъ , и скоро чертежи его сдѣлались вѣрными копїями Нашуры ; не только деревья , но

и другіе предметы изображались имъ съ величайшею точностію. Красавица смогрѣла на движеніе руки его, и дивилась, какъ онъ могъ однимъ чертами пера своего представлять разные виды: по рошѣ дубовую, по башни Московскія, по дворецъ Государевъ. — Но Алексѣй уже не сражался съ дикими звѣрами, такъ какъ прежде; ибо они (какъ будто бы изъ уваженія къ прекрасной Нампаль, новой обитательницѣ ихъ дремучаго лѣса) не приближались къ жилищу супруговъ, и ревѣли только въ отдаленіи.

Такимъ образомъ прошла зима; снѣгъ распаялъ; рѣки и ручьи зашумѣли, земля опушилась правкою, и зеленые пучечки распустились на деревьяхъ. Алексѣй выбѣжалъ изъ своего домику, сорвалъ первой цвѣпочикъ и принесъ его

НашальѢ. Она улыбнулась, поцѣловала своего друга — и въ самую сѣю минушу запѣли въ лѣву весеннѣя пшички. *АхѢ! какая радость! какое веселье!* сказала красавица: — мой другѢ! пойдѣмѢ гулять! — Они пошли, и сѣли на берегу рѣки. „Знаешь ли, сказала НашальѢя супругу своему — знаешь ли, что прошедшею весною не могла я безѢ грусти слушать пшичекѢ? Теперь мнѢ кажется, будто я ихѢ разумѢю и одно сѢ ними думаю. Посмотри: здѣсь на куспочкѢ поющѢ двѢ пшички — кажется, малиновки — посмотри, какѢ онѢ обнимающся крылышками; онѢ любяшѢ другѢ друга, шакѢ, какѢ я люблю шѣбя, мой другѢ, и какѢ ты меня любишь? Не правда ли?“ Всякой можетѢ вообразить себѢ ошвѣшѢ АлексѣевѢ, и разные удовольствѣя, которыя

всена принесла съ собою для нашихъ пуспынниковъ.

Но иѣжная дочь, наслаждаясь любовію, не забывала и своего родителя. Алексѣй долженъ былъ всякую недѣлю два или три раза посылать въ Москву человека, навѣдывающагося о Бояринѣ Машвѣѣ. Вѣспи привозились одинакія: Бояринъ дѣлалъ добрыя дѣла, печалился, кормилъ бѣдныхъ и говорилъ имъ: друзья! помолитесь о Натальѣ! Наталья вздыхала, и смотрѣла на образъ.

Однажды возврапился посланный съ великою поспѣшностію. „Государь! сказалъ онъ Алексѣю: „Москва въ смятеніи. Свирѣпые „Липовцы возспали на Руское царство. Я видѣлъ, какъ жили „преспольнаго града собирались передъ дворцомъ Государевымъ, и „какъ Бояринъ Машвѣй, именемъ

„Царя православнаго, ободрялъ
„воиновъ; я видѣлъ, какъ толпы
„народныя бросали вверху шапки
„свои, восклицая въ одинъ голосъ:
„умремъ за Царя Государя! ум-
„ремъ за отечество, или побѣдимъ
„Литовцевъ! Я видѣлъ, какъ Ру-
„ское воинство въ ряды снано-
„вилось, какъ сверкали его мечи
„и бердыши и копья булавныя.
„Завтра выйдетъ оно въ поле,
„подъ начальствомъ воеводъ храб-
„рѣйшихъ.“ — Сердце Алексѣево
задремешало; кровь закипѣла —
онъ схватилъ со стѣны мечъ отца
своего — взглянулъ на супругу —
и мечъ упалъ на землю — слезы
показались въ глазахъ его. На-
талья взяла его за руку и не го-
ворила ни слова. — „Любезная На-
талья! сказалъ Алексѣй по нѣ-
копшомъ молчаніи: ты желаешь
возвратиться въ домъ къ своему
родинелю?

Наталья. Съ тобою, мой другъ, съ тобою! Ахъ! я не смѣла говорить тебѣ; только мнѣ всегда казалось, что мы напрасно скрываемся отъ бабюшки. Увидя насъ, онъ шакъ обрадуется, что все забудешь; а я возьму за руку тебя и его, заплачу отъ радости, и скажу: вотъ они; вотъ тѣ, которыхъ люблю — теперь я совершенно счастлива!

Алексѣй. Но мнѣ надобно заслужить прежде милость Царскую. Теперь есть къ тому случай.

Наталья. Какой же, мой другъ?

Алексѣй. Бѣхашъ на войну, сразиться съ непріятелями Русскаго царства, и побѣдить. Царь увидиши тогда, что Любославскіе любятъ Его, и вѣрно служатъ своему опечесству.

Наталья. Поѣдемъ, мой другъ! Лишь бы ты былъ со мною: я всюду готова.

Алексѣй. Что ты говоришь, милая Наталья? Тамъ лежатъ смертоносныя стрѣлы; тамъ рубятся мечами: какъ тебѣ ѣхать со мною?

Наталья. И такъ ты хочешь меня оставить? хочешь моей смерти? потому что я не могу жить безъ тебя. Давно ли, мой другъ, давно ли говорилъ ты, что никогда не покинешь меня? А теперь думаешь ѣхать одинъ, и еще шуда, гдѣ лежатъ стрѣлы? Кто защититъ тебя?.. Нѣтъ, ты возьмешь меня съ собою — или бѣдная Наталья не мила уже сердцу твоему!

Алексѣй обнялъ свою супругу. „Поѣдемъ, сказалъ онъ, поѣдемъ, и умремъ вмѣстѣ, есѣли

такъ Богу угодно! Только на войнѣ не бываешъ женщинѣ, милая Напалья!“ — Красавица подумала, улыбнулась, пошла въ спальню и заперла за собою дверь. Черезъ нѣсколько минутъ вышелъ опшуда прекрасной опрокъ... Алексѣй изумился; но скоро узналъ въ семъ юнмѣ красавцѣ любезную дочь Боярина Маипвѣя, и бросился дѣловать ее. Напалья одѣлась въ плащъ своего супруга, которое носилъ онъ будучи шринадцати или чешырнадцати лѣтъ. „Я меньшей братъ швой, сказала она съ усмѣшкою: теперь дай мнѣ только мечъ оспрой и копье булашное, шишакъ, панцырь и шишъ желѣзной — увидишь, что я не хуже мушины.“ — Алексѣй не могъ нарадоваться своимъ милымъ героємъ, выбралъ ему самое легкое оружіе, нарядилъ его въ панцырь, сдѣланной изъ

мѣдныхъ колецъ (на которыхъ было подписано: *съ нами Богъ, никтоже на ны!* ^(*)); вооружилъ людей своихъ, гошовыхъ умереть за любезнато господина; надѣлъ лавы покойнаго опца своего — и черезъ нѣсколько часовъ въ пустынномъ домикѣ осталась одна Нашадина мама съ двумя спариками.

А мы оставимъ на нѣсколько времени супруговъ нашихъ, въ надеждѣ, что Небѣ не оставитъ ихъ, и будетъ имъ защиною въ опасностяхъ, тамъ, гдѣ лепашъ смертоносныя сирѣлы, гдѣ мечи сверкающъ какъ молніи, гдѣ копья преданъ и ломающъ, гдѣ кровь человѣческая льется рѣками, гдѣ герои умирающъ за свое отечество и дѣлающъ безсмертными. Воз-

(*) Въ оружейной Московской Палатѣ я видѣлъ много панцырей съ сею надписью.

вѣрашимся въ Москву — тамъ началась наша исторія, тамъ должно ей и кончиться. Въ послѣдній разъ прошу чиншателя съѣсть со мною на Монгольскіе шаръ — лешѣнь, и съ кришальныхъ горъ воздуха спуститься на широкую площадь царствующаго града.

Увы! какая пустоша въ столицѣ Россійской! Все тихо, все печально. На улицахъ не видно никого, кромѣ слабыхъ спарцевъ и женщинъ, которые съ унылыми лицами идутъ въ церковь, молить Бога, чтобы Онъ отвратилъ грозную шучу отъ Рускаго царства, даровалъ побѣду православнымъ воинамъ, и разсѣялъ сонмы Аштовскіе. Добросердечный, чувствительный Царь споймѣ на высокомъ крыльцѣ своемъ, и съ нетерпѣніемъ ожидаетъ вѣсти отъ начальниковъ воинства, пошедшаго

на встрѣчу врагамъ многочислен-
нымъ. Бояринъ Машвѣй не разлу-
ченъ съ Царемъ благочестивымъ.
„Государь! говоритъ онъ: надѣй-
ся на Бога и на храбросиѣ своихъ
подданныхъ, храбросиѣ, которая
опличаетъ ихъ опѣ всѣхъ иныхъ
народовъ. Спрашно разятъ мечи
Россійскіе; шверда, подобно камню,
грудь сыновъ швцихъ — побѣда
будетъ всегда вѣрною ихъ подру-
гою.“ — Такъ говорилъ Бояринъ;
думалъ о благѣ опечесства — и
вздыхалъ о своей дочери.

Въ попу, въ пыли приска-
калъ вѣспникъ — Царь встрѣ-
чаетъ его на половинѣ крыльца, и
дрожащею рукою развершываетъ
письмо военачальниковъ Пер-
вое слово есть *побѣда!* — *по-*
бѣда! восклицаетъ онъ въ радо-
сти — *побѣда!* восклицаютъ Бо-
яре — *побѣда!* народъ повшо-

ряетъ — и во всемъ царствующемъ градѣ раздавался одинъ голосъ: *побѣда!* и во всѣхъ сердцахъ было одно чувство: *радость!*

Начальники доносили Государю обо всемъ съ величайшею подробностію. Сраженіе было самое жестокое. Уже первый рядъ Русскаго воинства, шѣснмый безчисленнымъ множествомъ Липовцевъ, начиналъ колебаться, и хотѣлъ уступитьъ врагу сильнѣйшему; но вдругъ какъ громъ загремѣлъ голосъ: *умремъ или побѣдимъ!* и въ то же мгновеніе отъ рядовъ Россійскихъ отдѣлился молодой воинъ, и съ мечемъ въ рукѣ бросился на непріятелей; за нимъ бросились и другіе; все воинство двинулось, и восклицая: *умремъ или побѣдимъ!* устремилось какъ буря на Липовцевъ.

кошорые, не взирая на великое число свое, скоро побѣжали и разсѣялись. „Мы не можемъ, писали начальники, восхваляемъ по достоинству сего юнаго воина, которому принадлежишь вся честь побѣды, и кошорой гналъ, разилъ непріятелей, и собственною рукою плѣнилъ ихъ предводителя. Повсюду слѣдовалъ за нимъ бранъ его, прекрасный ошрокъ, и закрывалъ его щитомъ своимъ. Онъ не хочетъ объявить имени своего никому, кромѣ тебя Государя. — Побѣжденные Липовцы сѣвшашъ изъ предѣловъ Россіи, и скоро воинство швое возвратишся со славою во градъ Москву. Мы сами предскажемъ Царю непобѣдимаго юношу, спасишеля ошечесшва, и достойнаго всей швоей милости.“ —

Царь съ неперывнѣмъ ожидалъ своихъ героевъ, и выѣхалъ

вспрѣшишь ихъ въ поле, вмѣстѣ съ Бояриномъ Машвѣмъ и съ другими чиновными. Въ Москвѣ никого не осмалось: слабые спарцы, забывъ слабость свою, спѣшили за городъ на вспрѣчу къ своимъ дѣтямъ; супруги и матери, неся младенцовъ или ведя ихъ за руки, спѣшили шуда же. Первый рядъ воинства показался, — второй и третій: разноцвѣтные знамена вѣяли надъ оными; воины шли съ обнаженными мечами, равнымъ шагомъ; назади ѣхали конные — впереди начальники, подъ сѣнью шрофеевъ. Увидѣави Государя, и восклицанія: *побѣда и здравіе Царю Россійскому!* загремѣли въ воздухѣ. Воеводы упали передъ нимъ на колѣна. Онъ поднялъ ихъ и сказалъ съ улыбкою милоспн: *благодарю васъ именемъ отечества.* — „Госу-

даръ! отвѣчали они: мы спарались
исполнишь должность свою! Но
Богъ даровалъ намъ побѣду рукою
сего юнаго воина.“ — Тупѣ юный
воинъ, стоявшій подлѣ нихъ съ
пошупленнымъ взоромъ, прекло-
нилъ колѣно. Кто ты, храб-
рый юноша? спросилъ Государь,
проспирая къ нему правую руку
свою: имя твое должно быть
славно съ предѣлахъ Рускаго
царства. — „Государь! отвѣчалъ
юноша: сынъ осужденнаго Боярина
Любославскаго, скончавшаго дни
свои въ спранѣ иноувѣрныхъ, при-
носишь тебѣ свою голову.“ — Царь
поднялъ глаза на небо. „Благодарю
Тебя, Боже! сказалъ онъ) что Ты
посылаешь мнѣ случай хощя опча-
сти загладишь неправосудіе и зло-
бу людей, и за спраданіе невинна-
го опца наградишь досшойнаго сы-
на! Такъ, храбрый юноша! невин-

ность родителей своего открылась — къ несчастію поздно! Увы! я былъ тогда незрѣлымъ опрокомъ, и Бояринъ Машвѣй не имѣлъ еще мѣста въ совѣтѣ моемъ. Злые Бояре оклеветали Любославскаго; одинъ изъ нихъ, кончая недавно жизнь свою, признался въ несправедливости доносовъ, по коимъ осудили невиннаго. Видишь слезы мои! — Будь же другомъ Царя своего, первымъ по Бояринъ Машвѣй!“ — „И такъ памяшь отца моего, сказалъ Алексѣй, чистаго поношенія! . . . Но я — я вѣнчусь передъ тобою, Государь великій! я увезъ дочь Боярина Машвѣя изъ родительскаго дому!“ — Царь удивился. *Гдѣжь она?* спросилъ онъ съ нетерпѣніемъ — Но Бояринъ нашелъ уже дочь свою; прекрасная Наталя, въ одеждѣ юна, бросилась въ его объятія;

шишакъ спалъ съ головы ея, и русые волосы по плечамъ разсыпались. Изумленный, восхищенный родинель не смѣлъ вѣрить сему явленію: но сердце чувствительнаго снарца сильнымъ трепетомъ своимъ увѣряло его, что милая нашлася. Едва могъ онъ перенести радость свою, и упалъ бы на землю, естли бы другіе Бояре не поддерживали его. Долго не говорилъ онъ ни слова, опустивъ голову на плечо Нашальѣ; наконецъ назвалъ ее именемъ, какъ будто бы желая видѣть, ошкликнешя ли она — назвалъ ее своею милою, прекрасною, любезною — и при каждомъ ласковомъ словѣ сіялъ новой лучъ радости на лицѣ его, которое просвѣтлялось и утихало какъ Нашура послѣ бури. Казалось, будто языкъ его учился произносить давно забытыя имена: шакъ медленно онъ

ихъ выговаривалъ — и такъ часто повпорялъ оныя! Нашалья цѣловала его руки. Ты меня такъ же любишь! говорила она — такъ же любишь! и теплые ручки слезъ договаривали за нее прочее. Все воинство пребывало въ тишинѣ и въ молчаніи. Государь былъ тронутъ сердечно, взялъ Алексѣя за руку и подвелъ его къ Боярину. Вотъ онъ! сказала Нашалья — вотъ супругъ мой! прости его, родитель мой, и люби такъ, какъ меня любишь! Бояринъ Машвѣй поднялъ голову, посмотрѣлъ на Алексѣя и подалъ ему дрожащую руку свою. Молодой человекъ хотѣлъ броситься передъ нимъ на колѣни; но старецъ прижалъ его къ своему сердцу вмѣстѣ съ милою дочерью. . . .

Царь. Они достойны другъ друга, и будутъ своимъ утѣшеніемъ въ спароспи.

„Она дочь моя (сказалъ Бояринъ Машвѣй прерывающимся голосомъ) — онъ сынъ мой — Господи! дай мнѣ умереть въ ихъ объятіяхъ!“

Старецъ снова прижалъ ихъ къ своему сердцу.

Читатель вообразишь себѣ все послѣдующее. — Старушку няню привезли въ городъ. Бояринъ Машвѣй просилъ ее: и призвавъ къ себѣ того Священника, которой вѣнчалъ Алексѣя и Наталью, хотѣлъ, чтобы онъ снова благословилъ ихъ въ его присутствіи. Супруги жили счастливо и пользовались особенно Царскою милостію. Алексѣй оказалъ важныя услуги своему оше-

честву и Государю, услуги, о которыхъ упоминается въ разныхъ историческихъ рукописяхъ. Благодарной Бояринъ Машвѣй дожидѣлся до самой глубокой старости, и веселился своею дочерью, своимъ зятемъ и прекрасными дѣтьми ихъ. Смерть явилась ему въ видѣ юнѣйшаго и любезнѣйшаго внука его; онъ хотѣлъ обнять милаго опрока — и скончался. — Больше я ничего не слышалъ отъ бабушки моего дѣдушки: но за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, прогуливаясь осенью по берегу Москвы рѣки, близь шенной сосновой рощи, нашелъ надгробной камень, заросшій зеленымъ мохомъ и разломленный рукою времени — съ великимъ трудомъ могъ я прочесть на немъ слѣдующую надпись: здѣсь погребенъ Алексѣй Любославской съ своею супругою. Старые люди

сказывали мнѣ, что на семъ мѣстѣ
была нѣкогда церковь — вѣроятно,
самая та, гдѣ вѣнчались наши лю-
бовники, и гдѣ они захопѣли ле-
жать и по смерти своей.

Конецъ I Части.

СОДЕРЖАНІЕ I ЧАСТИ.

	Стран.
Бѣдная Лиза.	5
Прекрасная Царевна и щаспли- вой Карла.	54
Палемонъ и Дафнисъ.	83
Фролъ Силинъ.	98
Невинность.	106
Калифъ Абдулъ - Раманъ.	108
Софія.	109
Ночь.	162
Деревня.	170
Новый годъ.	184
Посвященіе куши.	187
Райская пшичка.	191
Нашалъя, Боярская дочь.	196

COPIES OF THE

REPORT OF THE

COMMISSIONERS OF THE

LAND OFFICE

FOR THE YEAR

1860

AND

THE